Б-94

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ
П. Н. БУЦИНСКАГО.

„О бодай Хмеля Хмельницького
Перва куля не минула;
А другая устрелила
У серденько уцелила"!
(Изъ народной пѣсни).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.
1882.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го ноября 1882 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава 3-я.

Глава 4-я.

Глава 5-я.

Глава 6-я.

Глава 7-я.

Глава 8-я.

Глава 9-я.

Глава 10-я.

Стр.

Глава 11-я.

Глава 12-я.

Глава 13-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда наши историки говорятъ объ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, то кажется, что они не находятъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія всего ея великаго значенія въ судьбѣ Малороссіи, Польши и государства московскаго. Каждый писатель о Малой-Руси съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этой эпохѣ, съ особенною подробностью и съ особеннымъ краснорѣчіемъ старается изобразить славные подвиги казачества подъ предводительствомъ знаменитаго гетмана Хмельницкаго.

А между тѣмъ эпоха Хмельницкаго далеко не такъ изслѣдована, чтобы нельзя было сказать чего-нибудь новаго, какъ относительно народнаго возстанія, начавшагося въ половинѣ XVII в., такъ и о самомъ виновникѣ этого возстанія.

Несомнѣнно, что историческія событія и историческіе дѣятели уясняются для насъ по мѣрѣ открытія новыхъ, относящихся до нихъ, документовъ. Но до сихъ поръ, можно сказать, ни одинъ изъ нашихъ историковъ при изслѣдованіи упомянутой нами эпохи не пользовался тѣмъ матеріаломъ, который находится въ „Польской Коронной Метрикѣ“.

„Польская коронная метрика“ составляетъ собственно архивъ королевства польскаго: послѣ взятія Суворовымъ Варшавы,

императрица Екатерина II приказала захватить тамошній архивъ и перевезти его въ С.-Петербургъ. Впослѣдствіи часть этого архива перевезена въ Москву и въ настоящее время она составляетъ особый отдѣлъ въ главномъ московскомъ „Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ".

Н. И. Костомаровъ, положившій столько усиленнаго труда и своего рѣдкаго таланта на изслѣдованіе исторіи Малороссіи, первый обратилъ вниманіе на этотъ матеріалъ. Года четыре тому назадъ, стало быть уже восемь лѣтъ спустя послѣ послѣдняго изданія всѣмъ извѣстной прекрасной монографіи „Богданъ Хмельницкій", онъ такимъ образомъ высказался о значеніи нѣкоторыхъ документовъ, находящихся въ „Польской Коронной Метрикѣ".

„Занимаясь въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ матеріалами для исторіи Малороссіи...., говоритъ онъ, мы съ удивленіемъ увидали тамъ кое-что, долженствующее, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, измѣнить не только личный нашъ, но и вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи".

Это сказано почтеннымъ историкомъ по поводу документовъ, находящихся въ связкѣ съ надписью „Сношеніе Польши съ Малороссіей". Значительная часть этихъ документовъ принадлежала самому Богдану Хмельницкому и составляетъ его переписку съ турками, татарами и поляками. Что касается того, какимъ образомъ эти документы попали въ архивъ королевства польскаго —объ этомъ мы говоримъ въ настоящей книгѣ на стр. 98.

Но мы имѣли возможность пользоваться не только этимъ отдѣломъ „Польской Коронной Метрики", но и другими ея отдѣлами, какъ напр. „Сношеніе Польши съ Турціей", „Сношеніе Польши съ Крымомъ", а также и печатными книгами, озаглавленными „Prawa, Constitucye y Přzywileie krolewstwa Polskiego......". Равнымъ образомъ и въ другихъ отдѣлахъ „Архива Иностранныхъ Дѣлъ", напр. въ „Малорос. Д.", „Семиградскихъ и Венгерскихъ Д.", мы нашли такіе документы касательно эпохи Б. Хмельницкаго, которые, какъ намъ кажется, не попадались въ руки ни одному изъ нашихъ историковъ, а между тѣмъ эти документы имѣютъ первостепенное значеніе.

Смыслъ и значеніе всего этого новаго матеріала заключается не только въ томъ, что онъ проливаетъ совершенно новый свѣтъ на личность знаменитаго казацкаго гетмана, на его отношенія къ московскому государству и Украинѣ, но и въ томъ, что имъ освѣщается съ иной точки зрѣнія матеріалъ, уже прежде извѣстный: многіе непонятные историческіе документы и историческія свѣдѣнія теперь оказываются ясными по смыслу и значенію.

Составляя настоящую книгу, авторъ имѣлъ въ виду, во-первыхъ, дополнить прежнія изслѣдованія о знаменательной эпохѣ Б. Хмельницкаго, а вовторыхъ, сообразно новому матеріалу, представить нѣкоторые новые выводы относительно занимающаго насъ предмета.

Глава 1-я.

О первоначальной исторіи жизни и дѣятельности Богдана Хмельницкаго мы находимъ мало свѣдѣній, какъ у польскихъ, такъ и украинскихъ лѣтописцевъ. Это зависитъ отъ того, что тогдашніе лѣтописцы въ свои лѣтописи, или историки въ свои „краткія исторіи“ заносили преимущественно только тѣ подвиги козаковъ, въ которыхъ послѣдніе проявили или свое молодечество въ славныхъ походахъ противъ татаръ и турокъ, или же свою особенную энергію въ борьбѣ Малороссіи съ польскимъ панствомъ. Для Хмельницкаго, какъ богатаго козака, не было необходимости бросать на Украйнѣ свое имущество, пускаться въ бурное Черное море и искать невѣрной добычи у мусульманъ. Точно также Хмельницкій не имѣлъ никакого расчета и участвовать въ козацкихъ возстаніяхъ противъ поляковъ: онъ владѣлъ на Украйнѣ, подобно польскимъ панамъ, хорошо устроеннымъ имѣніемъ и крестьянами и, стало-быть, ему не было надобности бороться противъ польскаго крѣпостничества, которымъ онъ и самъ пользовался.

Вслѣдствіе этого жизнь знаменитаго Богдана текла спокойно и ровно, не представляя ничего выдающагося, что могло бы быть занесено въ лѣтописи; онъ не заслужилъ какъ особенной любви у своихъ соотечественниковъ, такъ и ненависти у польской шляхты.

Между тѣмъ для историка, который хотѣлъ бы уяснить себѣ дѣятельность Богдана во время его славнаго возстанія, потрясшаго всю Посполитую Рѣчь, очень драгоцѣнны всѣ свѣдѣнія, изображающія жизнь его до злополучнаго 1648 года.

Впрочемъ у нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ извѣстія, что будто бы Богданъ принималъ участіе въ бунтахъ Тараса, Остраницы и Гуни. Это дало поводъ и нѣкоторымъ историкамъ смотрѣть на Хмельницкаго, или какъ на отъявленнаго мятежника, или какъ на народнаго героя, еще въ это время, и приписывать ему такія дѣйствія, которыхъ онъ никогда не совершалъ. Не проходило, говорятъ они, ни одного мятежа козаковъ противъ Польши, въ которомъ бы онъ не участвовалъ: онъ былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка и Остраницы; возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью своихъ соотечественниковъ въ борьбѣ ихъ противъ польскаго панства, хотя самъ и не стоялъ во главѣ возстанія, уступая до времени другимъ первенство. Благодаря ли то іезуитской наукѣ, или просто своей двоедушной натурѣ, замѣчаетъ одинъ полякъ, онъ съумѣлъ заслужить любовь козаковъ и избавиться отъ наказанія за свое участіе въ бунтахъ [1]).

Но уже въ 1646 году, передаютъ историки, Хмельницкій совѣтовался съ знаменитымъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой о томъ, какъ бы освободить Украйну отъ польской зависимости, а случайное столкновеніе съ полякомъ Чаплинскимъ было ближайшимъ только поводомъ, или вѣрнѣе сигналомъ къ началу возстанія 1648 г. Въ это же время Владиславъ IV, король польскій, чрезъ своего канцлера Оссолинскаго, далъ Барабашу, козацкому полковнику и сотнику Богдану привиллегіи козакамъ и разрѣшеніе имъ сдѣлать нападеніе на турецкія владѣнія, чтобы насильно вовлечь Польшу въ войну съ Турціей. Между тѣмъ замыслы короля скоро стали извѣстны польскимъ панамъ и строго были осуждены на сеймѣ, который окончился въ началѣ декабря 1646 года.

Барабашъ, увидя, чѣмъ разрѣшилась попытка короля, спряталъ королевскую привиллегію и никому ее не показывалъ. Молчалъ до времени и Хмельницкій. Между тѣмъ слухи о предпринимаемой войнѣ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, возбудили толки и волненія между козаками, а польскіе паны, замѣчая безпокойный духъ въ своихъ русскихъ хлопахъ, мучили и убивали ихъ по

[1]) Pamiętniki do panow. Żygm. III, Wład. IV. i Jana Kazimierza—Woicicki, ч. 1, стр. 271.

одним подозрѣніямъ. Тогда Хмельницкій говорилъ: „Вотъ что они съ нами дѣлаютъ: когда нужно идти на войну, то ласкаютъ насъ, чтобы выставить на убой, а когда нѣтъ опасности, то мы у нихъ—собачья кровь, послѣдніе изъ людей“. И задумалъ онъ воспользоваться королевскою привиллегіею для возвращенія соотечественникамъ свободы и т. д. [1]).

Все это мы говорили къ тому, чтобы въ общихъ чертахъ показать, какъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ разсказываютъ въ своихъ сочиненіяхъ о начальной дѣятельности Богдана Хмельницкаго и на какіе они указываютъ мотивы, заставившіе его поднять въ 1648 г. возстаніе противъ Польши. Изъ этихъ разсказовъ выходитъ, что Богданъ Хмельницкій около половины своей жизни провелъ въ борьбѣ противъ поляковъ за свободу и права своего отечества, что онъ, начиная съ 1628 г., участвовалъ во всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ возстаніяхъ южно-русскаго народа; наконецъ Хмельницкій даже вступилъ въ сношеніе съ знаменитымъ Петромъ Могилой, касательно освобожденія Малороссіи отъ польской власти и съ его благословенія составилъ заговоръ, который жестоко разразился надъ Польшей въ 1648 г. Мнѣ кажется, что эти разсказы о дѣятельности козацкаго гетмана, основанные главнымъ образомъ на указаніяхъ польскихъ источниковъ, не могутъ быть признаны вѣрными. Нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о томъ, что Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Острапицы и Гуни. Ни одинъ изъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, говоря о возстаніяхъ указанныхъ гетмановъ противъ поляковъ, не упоминаетъ объ участіи въ этихъ возстаніяхъ Хмельницкаго. Между тѣмъ эти лѣтописцы, пораженные славными подвигами Богдана въ послѣдующее время, употребляли всѣ усилія, чтобы прославить этого гетмана и, не стѣсняясь требованіями исторической критики, приписали ему въ своихъ лѣтописяхъ много такихъ подвиговъ противъ турокъ, въ которыхъ онъ былъ совсѣмъ не повиненъ.

Да и самъ Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“, напечатанной въ „Отечественныхъ запискахъ“ въ 1870 году, описывая болѣе

[1]) „Богданъ Хмельницкій“ Н. И. Костом., т. 1, стр. 55—56.

*

или менѣе подробно различныя вооруженныя столкновенія козаковъ съ поляками, ни однажды не упоминаетъ о томъ, чтобы въ нихъ былъ замѣшанъ Хмельницкій. Притомъ, развѣ Богданъ могъ бы дожить до 1648 года, когда извѣстно, что всѣ видные сподвижники Тараса и другихъ козацкихъ вожаковъ самымъ варварскимъ образомъ были казнены поляками, — развѣ Богданъ могъ бы пользоваться милостями короля и хорошей репутаціей у польскихъ пановъ, если бы онъ былъ такимъ отъявленнымъ мятежникомъ, какимъ представляютъ его намъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ на основаніи баснословныхъ сказаній польскихъ лѣтописцевъ? Говорятъ, что на Хмельницкаго, благодаря его двоедушію и скрытности, никто не могъ доказать, что онъ участвуетъ въ бунтахъ; но это соображеніе будетъ имѣть мало значенія, если мы обратимъ вниманіе на то высокое въ обществѣ положеніе, какимъ пользовался этотъ богатый козакъ. Хмельницкій обладалъ громадными помѣстьями, густо населенными крестьянами, такъ что ему завидовали даже сами польскіе паны.

Имѣя такія средства, онъ могъ явиться подъ знамена народныхъ вождей не одинъ, а съ цѣлою вооруженною толпою козаковъ. Такого лица, котораго еще отецъ Михаилъ, по выраженію лѣтописца, „значилъ вельможу здѣшняго края", не могли не замѣтить въ возстаніяхъ и не наказать въ послѣдствіи такъ, какъ случалось съ другими бунтовщиками.

„Хмельницкій—говоритъ Максимовичъ, былъ такимъ виднымъ лицомъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы—не то па челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ, слѣдовательно на глазахъ у дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И какъ только въ 1647 году Богданъ замыслилъ о возстаніи, полковой эсаулъ (а по другимъ извѣстіямъ старый полковникъ) Романъ Пешта тотчасъ донесъ на него Конецпольскому". Далѣе, послѣ мятежа Острапицы, со стороны польскаго правительства послѣдовало распоряженіе [1]), чтобы всѣ главные козацкіе старшины — полковники и эсаулы — были изъ

[1]) Архивъ Иност. Д. „Польск. Короп. Метрика" см. Prawa, Constitutye y Przywileie krolewstwa Polskiego, y Wielkiego Xięstwa Litew., y wszystkich prowincyi należących.... т. III, стр. 927.

поляковъ и шляхетнаго рода, а атаманы и сотники могли быть избираемы и изъ казаковъ, но только изъ людей благонадежныхъ; Хмельницкій же, хотя и былъ природнымъ козакомъ, однако, оставался и послѣ этого чигиринскимъ сотникомъ—чего не могло бы быть, если бы онъ былъ на дурномъ счету у польскихъ пановъ. Нужно также обратить вниманіе и на то, что во время извѣстнаго судебнаго процесса, Чаплинскій, который, конечно, собиралъ всѣ свѣдѣнія, могущія компрометировать Богдана въ глазахъ представителей Рѣчи Посполитой, не могъ доказать предъ судомъ измѣнническое его поведеніе. Король же Владиславъ IV, утверждая Хмельницкаго въ его владѣніяхъ, указываетъ, что онъ былъ вѣрнымъ слугою королю и Польшѣ.

Мнѣ кажется, что вся прежняя жизнь Хмельницкаго до его ссоры съ Чаплинскимъ ясно свидѣтельствуетъ, что Богданъ не только не участвовалъ въ казацкихъ бунтахъ противъ поляковъ, но онъ даже самъ былъ болѣе полякомъ, чѣмъ малороссомъ, любившимъ свою Украйну. Не должно забывать и того, что Богданъ получилъ польское воспитаніе и жилъ такъ, какъ жили польскіе паны на Украйнѣ. Онъ, благодаря польскимъ порядкамъ, имѣлъ много земли и крестьянъ, а потому интересы и убѣжденія его подходили болѣе къ панскимъ, чѣмъ казацкимъ: девизъ казачества—равенство и личная свобода—совершенно исключалъ польское крѣпостничество, которымъ пользовался и Богданъ Хмельницкій. Въ данномъ случаѣ не мѣшаетъ припомнить одну извѣстную украинскую думу „Хмельницкій и Барабашъ"; въ ней передается интересный отвѣтъ Барабаша Хмельницкому, когда послѣдній на никольскомъ пиру (6 декабря) просилъ у него прочесть королевскія привиллегіи.

„Ей пане куме, пане Хмельницкій, пане писарю військовий!
На-що нам з тобою кролевські листи у двохъ читати,
На-що нам козакам козацькі порядки давати?
Чи ни лучче нам из Ляхами мостивими панами
З упокоем хліб-сіль по вік вічний уживати?"

Другой варіантъ этой думы нѣсколько частнѣе изображаетъ положеніе на Украйнѣ казацкихъ реестровыхъ начальниковъ.

„Годі тобі, пане куме, листи кролевські держати

Дай мині хоч прочитати"! говоритъ Богданъ Хмѣльницкій.
„На-що тобі, отвѣчаетъ Барабашъ, пане куме, іх знати?
Ми дачи не даем
В військо польске не йдем;
Не лучче б нам з Ляхами
Мостивими панами,
Мирно пробувати
А ніж пійти лугів потирати
Своим тілом комарив годувати" [1]).

Этотъ отвѣтъ чрезвычайно мѣтко характеризуетъ отношенія этихъ казацкихъ старшинъ къ угнетенной черни, и мы нарочно выписали его подробнѣе, чтобы показать, каковъ былъ Хмельницкій до тѣхъ поръ, пока не насолили ему **мостивіи паны** въ дѣлѣ его ссоры съ Чаплинскимъ.

Чтобы показать справедливость этого мнѣнія, мы должны обратиться къ біографіи Хмельницкаго, основанной на болѣе или менѣе достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ.

По свидѣтельству одного польскаго лѣтописца [2]), отецъ Богдана Михаилъ Хмельницкій не былъ природнымъ казакомъ, и только женившись на казачкѣ, сталъ величаться казакомъ.

Свою служебную карьеру онъ началъ въ качествѣ **хлопца** при дворѣ знаменитаго гетмана Жолкѣвскаго. Природный умъ, грамматность, умѣнье услужить своему господину открыли ему дорогу; сначала Жолкѣвскій сдѣлалъ Хмельницкаго своимъ частнымъ писаремъ; потомъ онъ былъ сборщикомъ податей и счетчикомъ въ Чигиринѣ и, наконецъ, сотникомъ реестроваго чигиринскаго полка. Янъ Даниловичъ, чигиринскій староста, за усердную службу утвердилъ за нимъ помѣстье на Украйнѣ Субботовъ. Пользуясь покровительствомъ такихъ знатныхъ пановъ, Хмельницкій составилъ себѣ приличное состояніе и значилъ, по выраженію лѣтописца, вельможу здѣшняго края. Такъ что, когда у него родился сынъ, впослѣдствіи знаменитый гетманъ, то князь

[1]) „Историч. пѣсни малор. народа" Антон. и Драгом., т. II, № 1.
[2]) Pamiętniki do panow, т. 1, стр. 273.

Сангушко не постыдился быть его воспріемнымъ отцомъ и называлъ молодого Хмельницкаго Богданомъ. Воспитаніе своему сыну Михаилъ далъ самое блестящее по тому времени. Сначала Богданъ учился въ Кіевѣ, затѣмъ въ Ярославлѣ у отцовъ іезуитовъ и, наконецъ, въ Варшавѣ. „Всѣ тогдашніе классы изящныхъ наукъ, говоритъ лѣтописецъ, онъ прошелъ подъ руководствомъ наилучшихъ учителей; при другихъ его занятіяхъ особливо искусенъ онъ былъ въ первѣйшихъ языкахъ европейскихъ, въ латинскомъ и греческомъ—за что отмѣнно его любили и почитали римское духовенство и польскіе вельможи; да и самъ король Сигизмундъ лично зналъ его и всегда отличалъ между сверстниками“ [1]).

Такимъ образомъ Богданъ Хмѣльницкій дѣтство свое провелъ въ семействѣ отца, усерднаго слуги поляковъ, а образованіе получилъ въ польскихъ школахъ между польскою молодежью. Одинъ польскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что „Хмѣльницкій родился въ своей отчизнѣ, воспитанъ въ Польшѣ, обученъ въ войскѣ польскомъ“ [2]). Впечатлѣнія молодости, говорятъ, остаются на цѣлую жизнь. Хмѣльницкій не составлялъ исключенія въ этомъ случаѣ: шляхетное воспитаніе, полученное имъ въ молодости, отразилось на всей послѣдующей его дѣятельности и произвело разладъ между имъ и народомъ, который избралъ его своимъ вождемъ.

Первые подвиги молодой Богданъ показалъ, „ходя съ казаками запорожскими полемъ и моремъ, за промысломъ военнымъ, подъ жилища бусурманскія, и въ оказіяхъ военныхъ не закрывалъ своего передъ непріятелемъ ока; за что у войска запорожскаго былъ въ особенной чести и уваженіи“ [3]).

Въ 1620 г. онъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Михаиломъ, сотникомъ чигиринскимъ, находился подъ знаменами короннаго гетмана Жолкѣвскаго и участвовалъ въ знаменитой, бывшей въ этомъ году, Цецорской битвѣ. Битва эта, какъ извѣстно, кончилась въ высшей степени несчастливо для Рѣчи Посполитой. Турки разбили на голову соединенное польское и казацкое войско; гетманъ

---

[1]) „Исторія Руссовъ“ Г. Конискаго, стр. 49—50. Pamiętniki do panow, т. I, стр. 274.

[2]) Pamiętniki do panow, ч. II, стр. 173.

[3]) Лѣтопись Величко, т. 1, стр. 13.

Жолкѣвскій и старикъ Хмельницкій были убиты, а молодой Богданъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Константинополь [1]; по другимъ извѣстіямъ турки продали его мурзѣ крымскому Ярусѣ. Находясь въ неволѣ между мусульманами, Хмельницкій ближе познакомился съ ихъ нравами и обычаями и даже научился языкамъ татарскому и турецкому. По свидѣтельству самаго Богдана и лѣтописцевъ въ плѣну онъ пробылъ два года. Поэтому нѣкоторые историки, на основаніи ошибочнаго извѣстія кошеваго атамана Сѣрка, совершенно несправедливо допускаютъ, что въ морской побѣдѣ казаковъ надъ турками въ 1621 году принималъ участіе и Богданъ Хмельницкій. Если цецорская битва, какъ свидѣтельствуютъ польскіе и малороссійскіе лѣтописцы, была въ 1620 году, а Богданъ, какъ это видно изъ письма его къ королю, пробылъ въ плѣну два года, то уже онъ никакъ не могъ участвовать въ морскомъ сраженіи казаковъ въ 1621 г. Затѣмъ, на основаніи словъ того же Сѣрка, „року 1629 братія наши запорожцы **съ певнымъ вождемъ** своимъ, воюючи въ човнахъ по Евксинонту, коснулися мужественно до самыхъ стѣнъ константинопольскихъ и превеликій султанови сотворили страхъ и смятеніе“— г. Максимовичъ и этотъ походъ казацкій приписываетъ Хмельницкому; между тѣмъ еще Маркевичъ въ своей исторіи говорилъ, что нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ въ пользу того мнѣнія, что подъ **певнымъ вождемъ** (упоминаемымъ у Сѣрка) должно подразумѣвать знаменитаго Богдана [2]. По Костомарову же, который въ этомъ случаѣ основывается на показаніи украинскаго лѣтописца, „Хмельницкій въ 1629 году воевалъ не съ турками, а съ татарами и волохами и, слѣдовательно, не въ **волнахъ Евксинонта**, а на сушѣ и привелъ къ королю двухъ кантемировъ. Но С. М. Соловьевъ въ своихъ „Очеркахъ исторіи Малороссіи“ этотъ подвигъ Богдана, какъ и нѣкоторые другіе, совершенно справедливо относитъ къ разряду позднѣйшихъ измышленій лѣтописцевъ.

Для нашей же задачи, впрочемъ, безразлично—признавать ли за Хмельницкимъ эти подвиги, или нѣтъ. Вѣдь подобныя дѣла

[1]) Лѣтопись „Самовидца“, стр. 4.

[2]) Исторія Малороссіи, т. I, стр. 129.

свидѣтельствуютъ только о томъ, что Хмельницкій былъ храбръ и враждебно относился къ бусурманамъ, а ничуть не къ полякамъ. А мы ищемъ такихъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, которыя бы представляли намъ Богдана, какъ врага поляковъ, а не только бусурманъ. Въ доказательство ненависти Хмельницкаго къ полякамъ и ихъ порядкамъ, а также того уваженія, которымъ онъ пользовался между казаками на Украйнѣ, нѣкоторые историки указываютъ на тотъ фактъ, что, напр., въ 1632 и 1636 гг. Богданъ находился въ числѣ депутатовъ, которые должны были ходатайствовать предъ польскимъ правительствомъ о правахъ и привиллегіяхъ малороссійскаго народа. Но въ числѣ депутатовъ въ то же время былъ посылаемъ и Барабашъ, а между тѣмъ казаки отзываются о немъ, какъ о „теплѣйшемъ пріятелѣ ляхамъ". Такимъ пріятелемъ могъ быть и Богданъ, и все-таки это не мѣшало ему участвовать въ казацкихъ депутаціяхъ.

Затѣмъ, имя Хмельницкаго упоминается въ числѣ лицъ, подписавшихъ унизительный для казаковъ договоръ ихъ съ поляками въ 1637 году. Все это такіе факты, на основаніи которыхъ нельзя утверждать, что Богданъ былъ преданъ своей родинѣ и враждебно относился къ полякамъ. Гораздо болѣе мы находимъ въ историческихъ памятникахъ такихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, которыя подтверждаютъ намъ противоположный взглядъ на дѣятельность Хмельницкаго до его личнаго столкновенія съ Чаплинскимъ. Такъ, по свидѣтельству „Исторіи Руссовъ", Хмельницкій еще во время своего школьнаго ученія былъ „отмѣнно" любимъ и уважаемъ римскимъ духовенствомъ и польскими вельможами; да и самъ король Сигизмундъ III лично зналъ Богдана и отличалъ его между сверстниками. А когда молодой Богданъ въ цецорскомъ сраженіи былъ взятъ турками въ плѣнъ, то „король выкупилъ его на свои деньги, оставивъ у дѣлъ при своемъ кабинетѣ и въ чинахъ своей гвардіи [1]). Въ подтвержденіе того, что Богданъ Хмельницкій служилъ, вѣроятно, въ качествѣ писаря, при кабинетѣ польскаго короля, косвеннымъ образомъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Адамъ Кисель въ 1648

[1]) „Очерк. Истор. Малор." С. М. Солов. стр. 236, см. „Отеч. Зап." 1848 г. №№ 11 и 12,—1849 г. № 2; Исторія Руссовъ, стр. 50.

году въ письмѣ къ Хмельницкому называетъ его старымъ пріятелемъ, давнимъ знакомымъ, а панъ Кисель, извѣстно, былъ одно время королевскимъ секретаремъ Сигизмунда III и стало быть могъ по дѣламъ службы входить въ близкія сношенія съ писаремъ Богданомъ Хмельницкимъ. Достовѣрно неизвѣстно, когда Хмельницкій оставилъ службу при королевскомъ дворѣ и переселился въ свое помѣстье, но уже въ 1632 году онъ жилъ на Украйнѣ. Затѣмъ въ лѣтописи Грябянки говорится, что „Богданъ Хмельницкій, пришедъ отъ короля въ свои помѣстья, началъ населять ихъ людьми, надѣясь на свои великія заслуги у Рѣчи Посполитой“ [1]). Здѣсь нужно замѣтить, что Хмельницкій до тѣхъ поръ, пока оставался простымъ казакомъ, не имѣлъ права населять свои земли крестьянами; для этого онъ долженъ былъ сдѣлаться шляхтичемъ. И дѣйствительно Богданъ, кажется, получилъ отъ короля шляхетское достоинство. Такъ, въ королевской привиллегіи, данной имъ на село Субботово, онъ нѣсколько разъ называется шляхетнымъ. Самъ Хмельницкій въ просьбахъ и жалобахъ постоянно ссылается на свои большія заслуги предъ республикой, объ этомъ упоминаетъ и король въ грамотахъ къ нему, а Рѣчь Посполитая такихъ казаковъ, оказавшихъ ей особенныя заслуги, принимала въ свой рыцарскій станъ и давала имъ права шляхетства. Такъ, въ 1650 году казаки Димитрій Маргѣвичъ и Иванъ Дорошенко отъ короля Казимира съ согласія всего рыцарскаго стана пожалованы шляхетскими правами и въ рыцарскій станъ допущены и съ тѣхъ поръ стали называться шляхетными [2]).

Въ 1634 году Хмельницкій съ польскимъ войскомъ осаждалъ Смоленскъ, московскій городъ; и такъ храбро дрался за поляковъ съ своими единовѣрцами великоруссами, что получилъ отъ Владислава IV въ награду дорогую саблю и былъ у него, какъ замѣчаетъ современникъ, „всегда въ особливой милости“ [3]).

Извѣстно также, что Богданъ, живя въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ и служа сотникомъ въ реестровомъ казачествѣ, былъ

[1]) Лѣтопись Грябянки, стр. 33.

[2]) Польск. Кор. Метрика „Prawa, Constitutye“, т. 4, стр. 337, 386.

[3]) Лѣт. „Самовидца“ стр. 4.

на виду у короннаго гетмана Конецпольскаго, который уважалъ его заслуги и имѣлъ о немъ самое выгодное мнѣніе.

Затѣмъ въ 1646 году, какъ мы уже говорили выше, канцлеръ Оссолинскій привезъ казакамъ различныя привиллегіи, но Хмельницкій и Барабашъ скрыли ихъ. Причина, руководившая въ этомъ случаѣ казацкими старшинами, очень понятна: они хорошо знали, что все, что клонилось въ пользу ихъ соотечественниковъ, въ пользу простаго народа, шло въ разрѣзъ съ ихъ крѣпостническими стремленіями, мѣшало имъ эксплоатировать его и наносило сильный ударъ панству этихъ ополячившихся казацкихъ старшинъ. Имѣя въ виду этотъ поступокъ Хмельницкаго, невозможно допустить, чтобы онъ въ 1646 г. совѣтовался съ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой или съ кѣмъ-бы-то ни было объ освобожденіи своего отечества отъ польскихъ порядковъ. Это мнѣніе нашихъ историковъ о сношеніяхъ Богдана съ митрополитомъ основывается на одномъ извѣстіи поляка Грондскаго, который въ своей „Исторіи о польско-козацкой войнѣ“[1]) разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ. Не получивши удовлетворенія на сеймѣ, бывшемъ лѣтомъ 1647 г., Хмельницкій возвратился на Украйну и здѣсь составилъ заговоръ о возстаніи противъ поляковъ. Когда Хмельницкій увѣрился въ своихъ сообщникахъ-казакахъ, то послалъ къ кіевскому митрополиту просить совѣта и благословенія. Выговскій будто-бы передавалъ Грондскому, что митрополитъ не только благословилъ возстаніе Хмельницкаго, но и предалъ анаѳемѣ тѣхъ, которые не будутъ помогать ему, имѣя къ тому возможность[2]).

Несообразность этого разсказа и несправедливость основаннаго на немъ мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ историковъ очевидна. Грондскій сообщаетъ, что совѣщаніе посланцовъ Хмельницкаго съ кіевскимъ митрополитомъ происходило въ 1647 году послѣ трехнедѣльнаго сейма въ Варшавѣ, бывшаго послѣ смерти Петра

---

[1]) Historia belli cosacco-polonizi auct. S. Grondski.

[2]) Qui (митрополитъ) non solum annuit, rerum etiam benedixit, eo addito, si qui essent, qui dum possent arte wel Marte aliquid opis in commune adferre, nihilominus sese subducerent, illos anathemate fore feriendos.

Могилы; между тѣмъ Костомаровъ, ссылаясь на это извѣстіе Гродскаго, прибавляетъ, что „этотъ архіепископъ былъ знаменитый Петръ Могила“ [1]), который, какъ извѣстно, умеръ еще въ 1646 году. По И. Срезневскому выходитъ, что Хмельницкій писалъ къ митрополиту и просилъ молиться за отчизну уже тогда, когда удалился на Запорожье. „Митрополитъ Петръ, говоритъ онъ, наложилъ церковное проклятіе на всѣхъ, кто не станетъ за одно съ Хмельницкимъ, и повелѣлъ во всѣхъ церквахъ молиться Богу, да спасетъ онъ православіе, да будетъ щитомъ противъ тѣхъ, кто забылъ Его любовь, Его милость, Его завѣтъ христіанскаго братства“ [2]).

Съ 1647 же года митрополитомъ кіевскимъ былъ Сильвестръ Коссовъ, человѣкъ польскаго шляхетскаго рода. Послѣдній, какъ увидимъ ниже, былъ преданъ полякамъ и ненавидѣлъ козачество; стало быть и съ нимъ не могъ совѣтоваться Хмельницкій, а тѣмъ болѣе получить отъ него священное благословеніе на бунтъ козаковъ.

Итакъ, на сколько это было возможно, мы по немногимъ и отрывочнымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ прослѣдили жизнь Богдана Хмельницкаго до его столкновенія съ Чаплинскимъ.

Теперь спрашивается, кому болѣе служилъ казацкій герой въ этотъ періодъ своей дѣятельности—полякамъ или своимъ соотечественникамъ? Видѣли ли мы хоть одинъ достовѣрный фактъ изъ этого періода жизни Хмельницкаго — такой фактъ, въ которомъ бы онъ обнаружилъ болѣе сочувствія къ интересамъ своей родины, чѣмъ къ интересамъ польскаго панства?

Напротивъ нѣкоторые поступки Богдана, какъ напр. молчаніе его о королевскихъ привиллегіяхъ, обезпечивающихъ права казачества, довольно ясно показываютъ, что онъ стоялъ на сторонѣ тѣхъ порядковъ, которые освящали крѣпостничество и облегчали возможность эксплоатаціи черни. Да неестественно было бы, чтобы Хмельницкій, получивши польское воспитаніе, вращаясь въ школѣ между польскою молодежью, снискавшій, какъ говоритъ лѣтописецъ, любовь римскаго духовенства и вельможъ, находясь

[1]) „Богданъ Хмельн.“, т. 1, стр. 75.

[2]) „Запорож. Старина“, ч. II, стр. 13—14.

нѣкоторое время при дворѣ польскаго короля, наконецъ, живя въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ по пански, въ знакомствѣ съ польскою знатью,— неестественно было бы, повторяю, чтобы онъ при такихъ условіяхъ жизни остался **щирымъ** украинцемъ и не превратился въ истаго поляка! Шляхетный духъ слишкомъ могущественно вліялъ на воспитанныя подъ его вліяніемъ личности, чтобы они не пересоздались, по выраженію Кулиша, въ локомотивы польской національности. О такихъ ополячившихся малороссахъ казаки говорили: „кости-то у нихъ русскія, да слишкомъ обросли польскимъ мясомъ“.

Глава 2-я.

Въ предъидущей главѣ мы показали, что для Хмельницкаго не было поводовъ быть недовольнымъ польскими на Украйнѣ порядками и поднимать противъ нихъ южно-русскій народъ. Чтоже заставило Богдана покинуть прежнихъ своихъ друзей-поляковъ и бѣжать туда, гдѣ былъ общій пріютъ для всѣхъ угнетенныхъ и спасающихъ свою голову? Что напомнило этому богатому сотнику о его бѣдныхъ соотечественникахъ, страдавшихъ подъ невыносимымъ игомъ польскаго панства — о запорожцахъ, осужденныхъ на уничтоженіе польскимъ правительствомъ?

Отвѣчая на эти вопросы въ двухъ словахъ, мы должны сказать: Хмельницкій бѣжалъ къ запорожцамъ, спасая свою жизнь, и обратился къ народу потому, что нуждался въ его помощи для огражденія своихъ личныхъ интересовъ и для удовлетворенія своего личнаго оскорбленнаго самолюбія.

Теперь пояснимъ это самыми фактами.

Несомнѣнно, что поводомъ къ возстанію казачества въ 1648 г. послужило личное столкновеніе Богдана Хмельницкаго съ польскимъ паномъ Чаплинскимъ, служившимъ въ то время дозорцею у сына извѣстнаго гетмана Станислава Конецпольскаго.

Повѣствуютъ также, что ссора между ними началась изъ за одной женщины, за которою они оба ухаживали. Богданъ одержалъ верхъ и взялъ ее къ себѣ въ любовницы. Оскорбленный панъ Чаплинскій искалъ случая отмстить ему. Но до тѣхъ поръ, пока живъ былъ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій, благоволившій къ Хмельницкому, Чаплинскій не осмѣливался

явно сдѣлать какое-либо зло Богдану. Въ 1646 году умеръ старый Конецпольскій, а сынъ его, бывшій въ это время старостою чигиринскимъ, имѣлъ особенное расположеніе къ своему дозорцѣ—врагу Богдана.

Чаплинскій не замедлилъ воспользоваться благопріятнымъ для себя положеніемъ дѣла, чтобы наказать своего счастливаго соперника. Онъ собралъ толпу вооруженныхъ людей и сдѣлалъ наѣздъ на хуторъ Субботовъ, принадлежавшій Хмельницкому[1]). Это былъ одинъ изъ тѣхъ наѣздовъ, которыми наполнена вся исторія домашней жизни польскихъ пановъ въ 17 в.; подобные визиты съ вооруженными шайками паны дѣлали другъ другу то по личной враждѣ, то просто ради грабежа. Изъ жалобы, поданной Богданомъ коронному гетману, видно, что Чаплинскій въ первый наѣздъ завладѣлъ только гумномъ, на которомъ находились до 400 копъ хлѣба и сдѣлалъ нѣкоторыя другія обиды своему врагу [2]).

Хмельницкій отправился въ судебный трибуналъ, требуя суда надъ Чаплинскимъ. Но тамъ онъ не только не получилъ удовлетворенія по своей жалобѣ, но судьи даже сказали, что Субботовъ принадлежитъ къ староству и отдать его кому угодно совершенно зависитъ отъ чигиринскаго старосты. Поэтому Богданъ, чтобы не лишиться совсѣмъ хутора, рѣшился немедленно ѣхать въ Варшаву и просить у настоящаго короля подтвержденія на право владѣнія Субботовымъ, подареннымъ еще отцу его Михаилу Хмельницкому. Владиславъ IV, помня прежнія заслуги Богдана и надѣясь на новыя, приказалъ выдать ему привиллегію на потомственное владѣніе хуторомъ Субботовымъ, ибо „Богданъ Хмельницкій, говорилось въ грамотѣ, королю и Рѣчи Посполитой въ разныхъ воинскихъ службахъ не мало не будучи измѣненъ[3]).

Но во время отсутствія Хмельницкаго Чаплинскій сдѣлалъ второй наѣздъ на его помѣстье и на этотъ разъ завладѣлъ имъ окончательно; кромѣ того, Чаплинскій увезъ любовницу Богдана и обвѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви [4]).

---

[1]) Польскія и малорос. лѣтописи.

[2]) Памятники, изд. врем. ком. въ Кіевѣ, т. 1, отд. III, № 1.

[3]) Архивъ Иностр. Д., „Малор. Дѣла“, св. 8 № 4, ст. 185.

[4]) Historia belli.... S. Grondski, стр. 46.

Не смотря на упомянутый выше „привилій“ чигиринскій дозорца не возвратилъ Субботова его прежнему владѣльцу. Хмельницкій все-таки не терялъ еще надежды выиграть свое дѣло легальнымъ путемъ: онъ отправился въ Варшаву и подалъ жалобу на сеймъ, который собрался въ маѣ 1647 года. Но здѣсь дѣло его кончилось полнѣйшею неудачею: ни одинъ пунктъ его жалобы не былъ удовлетворенъ; Чаплинскій же по суду оказался совершенно оправданнымъ [1]).

На первый взглядъ покажется страннымъ, почему Хмельницкій, стоявшій, какъ мы выше говорили, на хорошемъ счету у польскихъ пановъ и пользовавшійся ихъ уваженіемъ, не былъ теперь удовлетворенъ въ своемъ совершенно справедливомъ искѣ противъ Чаплинскаго. Но этотъ вопросъ разрѣшается просто и основательно, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя предшествовавшія обстоятельства.

Съ 1632 года королемъ въ Польшѣ былъ Владиславъ IV, сынъ и преемникъ Сигизмунда III. Это былъ человѣкъ добрый, энергичный, властолюбивый и жаждущій военной славы, но къ несчастью безхарактерный и нерѣшительный. Такой человѣкъ, очевидно, не могъ довольствоваться тою королевскою властію, которою пользовался король Рѣчи Посполитой. Ни одинъ богатый польскій панъ не могъ серьезно позавидовать положенію своего короля; то, что позволялось въ Польшѣ каждому пану, строго запрещалось королю; каждый панъ почти безнаказанно могъ вредить королю, но послѣдній никому. Сами поляки въ насмѣшку сравнивали своего короля съ пчелиною маткою безъ жала, которую могутъ кусать всѣ, а она никого. Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиславъ видѣлъ, что законнымъ путемъ, т. е. по добровольному согласію самой Рѣчи Посполитой, онъ никогда не можетъ добиться расширенія королевскихъ прерогативъ. Напротивъ, польскіе паны при самомъ вступленіи Владислава на престолъ и въ послѣдующее время заставили его еще болѣе увеличить свои права и привиллегіи; шляхетская свобода достигла при немъ своего крайняго развитія. „Царствованіе Владислава IV, говоритъ Костомаровъ, было золотымъ вѣкомъ личной шляхетской свободы...

[1]) Ibid.

Шляхтичъ достигъ совершенной независимости отъ короля; прежде дворянство платило въ казну поземельную подать, двухъ-грошевый налогъ съ лана и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, выражало признаніе надъ собою власти короля и свое подданство. При Владиславѣ прекратился и этотъ взносъ. Шляхтичъ не обязанъ былъ никакою постоянною платою королю и государству, никакими государственными повинностями, кромѣ посполитаго рушенья—ополченія, собираемаго въ исключительныхъ случаяхъ крайней опасности. Въ своемъ имѣніи онъ былъ настоящій государь, полновластный, самостоятельный, самодержавный, со всѣми принадлежностями верховной власти, могъ на своей землѣ строить замки, города, содержать войско, вести съ кѣмъ угодно сношенія, даже войну, если силъ у него хватало, а надъ своими подданными имѣлъ безъапелляціонное, абсолютнѣйшее право жизни и смерти и могъ управлять ими со всѣмъ произволомъ азіатскаго деспота [1]).

Но по мѣрѣ увеличенія правъ и вольностей шляхты, уменьшалась свобода и власть польскаго короля. Не говоря уже о ничтожности его власти, онъ не могъ свободно жениться, по собственному усмотрѣнію воспитывать своихъ дѣтей, не имѣлъ права пріобрѣтать поземельную собственность и держать рабовъ и т. д. Кромѣ того, въ 1638 году поляки обязали своего короля не набирать войска ни изъ иностранцевъ, ни изъ своихъ подданныхъ безъ согласія на то всей Рѣчи Посполитой 2). Въ 1641 году поляки заставили Владислава IV дать клятвенное обѣщаніе за себя и за своихъ преемниковъ безъ позволенія республики не выѣзжать за границу, такъ какъ, говорилось въ сеймовомъ опредѣленіи, „для государства болѣе полезно присутствіе короля, чѣмъ его отсутствіе“ [3]). Эта настойчивость польскихъ пановъ, какъ можно болѣе ограничить королевскую свободу, не могла не раздражить Владислава и побудить его къ довольно смѣлому предпріятію. Онъ задумалъ совершить въ Польшѣ насильственный переворотъ въ пользу усиленія своей власти и только, мо-

[1]) „Богданъ Хмельницкій“, т. I, стр. 1—2.
[2]) Пол. корон. Метр., Prawa, Const. ...., т. 3, стр. 929.
[3]) Ibid, т. 4, стр. 4.

жетъ быть, собственная нерѣшительность, неумѣнье пользоваться обстоятельствами, отсутствіе хорошихъ помощниковъ не дали надлежащаго движенія его замысламъ.

Самые разнообразные источники свидѣтельствуютъ, что Владиславъ IV хотѣлъ произвести переворотъ въ Польшѣ посредствомъ иностранныхъ наемныхъ солдатъ и въ особенности надѣялся въ этомъ дѣлѣ на казаковъ. Еще будучи королевичемъ, Владиславъ участвовалъ въ различныхъ военныхъ походахъ противъ Москвы, татаръ и турокъ, имѣлъ возможность въ это время видѣть отчаянную храбрость казаковъ, преданность ихъ королю; онъ старался пріобрѣсти ихъ любовь къ себѣ и довѣріе и при всякомъ удобномъ случаѣ покровительствовалъ имъ. Малороссійскія лѣтописи единогласно повѣствуютъ, что Владиславъ всегда относился благосклонно къ казакамъ и заботился о ихъ правахъ и вольностяхъ. Въ 1621 году, послѣ знаменитой хотинской битвы, королевичъ писалъ сейму о тѣхъ обидахъ и жестокостяхъ, которыя терпитъ этотъ храбрый народъ отъ польскихъ пановъ [1]. Въ 1623 году, когда князь Острожскій, воевода кіевскій, принесъ самыя убѣдительнѣйшія жалобы королю и сенату о горестномъ состояніи народа русскаго, то по симъ жалобамъ, повѣствуетъ лѣтописецъ, много ходатайствовалъ Владиславъ, королевичъ польскій [2].

На элекціонномъ сеймѣ 1632 года и затѣмъ во время своей коронаціи, 1633 года, онъ далъ обѣщаніе казацкимъ депутатамъ позаботиться о правахъ и вольностяхъ малороссійскаго народа, а въ 1635 г., согласно этому обѣщанію, состоялось слѣдующее постановленіе, записанное въ книгу „Правъ, конституцій и привиллегій“. „Согласно «пакта конвента» и обѣщанію, данному нами во время коронаціи нашей для успокоенія и примиренія нашихъ подданныхъ религіи греческой, какъ уніатовъ, такъ и неуніатовъ, мы обѣщаемъ за себя и за преемниковъ нашихъ постановленное соглашеніе на основаніи пунктовъ, подробно написанныхъ при избраніи нашемъ, сохранять и защищать hac lege perpetua“. И заботясь, говорится далѣе, о томъ же успокоеніи, для болѣе вѣр-

---

[1] „Краткое описаніе о М. Р.“, стр. 216.
[2] Исторія Руссовъ, стр. 51.

наго обезпеченія, мы приказали выдать на предстоящемъ сеймѣ имъ **привиллегію** за подписью руки нашей и печатями нашими [1]).

Это былъ первый „привилій", который Владиславъ IV далъ казакамъ. О немъ упоминаютъ лѣтописи и Богданъ Хмельницкій въ своемъ универсалѣ къ малороссійскому народу. „Въ 1636 г.[2]) во время счастливой коронаціи своей, бывшимъ и намъ при оной съ Барабашемъ и съ иными знатными войска запорожскаго товарищами, прикладомъ прежнихъ наияснѣйшихъ князей и королей польскихъ, предшественниковъ своихъ, всѣ наши войсковыя и малороссійскія права и вольности давнія при особливомъ утвержденіи вѣры нашей православной, новымъ своимъ на пергаментѣ красно-писанномъ, при подписѣ собственной руки и при завѣсистой печати, ствердивши привиліемъ, отправилъ насъ, какъ отецъ, ласково обдаривши каждаго изъ насъ знатными подарками; а при отправѣ нашей, наединѣ бывшей, устно его величество сказалъ намъ, чтобы мы попрежнему поставили себѣ гетмана и при своихъ правахъ и вольностяхъ крѣпко стояли, не давая оныхъ полякамъ въ попраніе, защищаясь въ этомъ его королевскими и иными данными привиллегіями; а если бы паны польскіе или дозорцы тѣхъ привиллегій не послушали, то имѣете (говоритъ его королевское величество) мушкетъ и при боку саблю: оными можете зищищать свои отъ поляковъ поврежденныя права и вольности" [3]). Но мы выше говорили о томъ, въ какихъ отно-

[1]) Польск. кор. метр. Prawa, Const....., т. 3, стр. 858.

[2]) Коронація Владислава IV была не въ 1636, а въ 1633; поэтому издатели этого универсала въ „Актахъ Южн. и Зап. Р." поставили въ этомъ мѣстѣ не 1636 годъ, какъ значится у лѣтописцевъ, а 1633, относя такимъ образомъ и полученіе казаками привиллегіи къ 1633 г. Но въ выше приведенной нами выпискѣ изъ достовѣрнаго источника говорится, что казаки получатъ привиллегію только на предстоящемъ сеймѣ, именно въ 1636 г., а въ 1633 г. дано было имъ только обѣщаніе. Поэтому въ универсалѣ, мнѣ кажется, нужно измѣнить не годъ, а самый текстъ. Въ „Лѣт. повѣств." говорится, „что въ 1636 году казаки, за неимѣніемъ гетмана, отправили въ Варшаву Барабаша и Хмельницкаго поздравить короля съ **тезоименитымъ днемъ**. Казацкіе депутаты просили въ это время короля о защитѣ казаковъ отъ притѣсненій польскихъ пановъ и король пожаловалъ казакамъ грамоту за шнуромъ, печатью коронною и собственною подписью". См. стр. 42—43.

[3]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 23; Маркевичъ, т. V, стр. 238.

*

шеніяхъ Барабашъ и Хмельницкій стояли къ своему народу: не все то, что полезно было для послѣдняго, совпадало съ ихъ интересами. Барабашъ, говоритъ лѣтописецъ, согласясь съ поляками и въ удовольствіе имъ, скрылъ оную грамоту и войску не объявилъ; молчалъ о ней и Хмельницкій [1]). Однако, помимо этого „привилія“, помимо Барабаша и Хмельницкаго, казаки подняли страшный бунтъ подъ начальствомъ Остраницы. Возстаніе это, какъ извѣстно, кончилось въ высшей степени печально для казаковъ и всего народа: они были разбиты поляками, принуждены выдать зачинщиковъ и потомъ сеймовымъ постановленіемъ лишены и тѣхъ правъ, которыми пользовались.

Это пораженіе казаковъ не могло не обратить вниманія Владислава IV: онъ могъ изъ этого заключить, что на одну казацкую силу нельзя было расчитывать въ его планахъ. Нужно было иностранное войско; но какъ набрать его, когда онъ только что (1638 г.) далъ обязательство безъ позволенія Рѣчи Посполитой не предпринимать ничего подобнаго, а позволенія нельзя было добиться. Тогда Владиславъ, по свидѣтельству различныхъ источниковъ, серьезно задумалъ вызвать турецкую войну, чтобы паны польскіе волей неволей для защиты отечества дали ему право на наборъ войска. Мысль о турецкой войнѣ давно занимала Владислава: отомстить туркамъ за прежнія пораженія, сломить ихъ могущество, грозившее опасностью цѣлой Европѣ и въ особенности Польшѣ—было любимою мечтою этого воинственнаго короля; онъ даже установилъ особый орденъ, чтобы возбуждать рыцарскія отваги у знатныхъ пановъ противъ непріятелей святаго креста; но большинство пановъ возстало противъ этого новаго знака отличія и тѣ, которые имѣли его, замѣчаетъ лѣтописецъ, осмѣливались надѣвать только въ покояхъ короля [2]). Тѣмъ не менѣе Владиславу удалось найти соучастниковъ своимъ замысламъ: Мясковскій, подкоморій львовскій, Станиславъ Любомирскій, воевода краковскій, Яковъ Собѣсскій, воевода русскій, Юрій Оссолинскій, коронный канцлеръ, стояли на его сторонѣ; но въ

---

[1]) Краткое опис. о М. Русп.

[2]) Pamiętniki do panow, ч. I, стр. 269.

особенности сочувствовалъ въ этомъ дѣлѣ Владиславу коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій, который давно мечталъ о томъ, чтобы выгнать татаръ изъ Крыма и самому завладѣть имъ [1]). Время казалось самое благопріятное. Съ Москвою заключенъ миръ и оборонительный союзъ противъ татаръ; состояніе Турціи казалось не особенно блестящимъ: она вела войну съ венеціанской республикой и не въ силахъ была одолѣть ее. Посолъ Мясковскій изъ Константинополя въ 1641 г. писалъ къ королю, что теперь самое благопріятное время начать войну съ турками: греки и славяне Балканскаго полуострова помогутъ королю и только ждутъ королевскихъ войскъ на Дунаѣ [2]).

Пріѣздъ въ Варшаву въ концѣ 1644 года венеціанскаго посла Тьеполо пришелся, какъ нельзя болѣе, кстати. Венеціанская республика, не смотря на сочувствіе къ ея борьбѣ съ Турціей всей Европы, не могла найти дѣятельной помощи со стороны христіанскихъ государей Испаніи, Франціи, Германіи, которые были заняты своимъ дѣломъ. Тогда Венеція обратилась къ Польшѣ и отъ посольства Тьеполо ожидала большого успѣха. Польскій король съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ предложенію посла начать войну съ Турціей, потому что это вполнѣ совпадало съ его воинственными планами. Но Владиславъ объявилъ венеціанскому послу, что безъ согласія сейма онъ не можетъ предпринять наступательной войны и даже набирать войско, что онъ можетъ дѣйствовать только косвеннымъ образомъ, посредствомъ казацкихъ набѣговъ на татаръ и на турецкія владѣнія, находящіяся на берегахъ Чернаго моря; а для этого нужны деньги—не менѣе 500 тыс. талеровъ [3]). Венеціанскій совѣтъ, однако, не рѣшился дать такую субсидію, прежде чѣмъ поляки не объявятъ войны Турціи и даже не дозволялъ своему послу сдѣлать богатые подарки панамъ-воротиламъ Рѣчи Посполитой. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ, постановили на томъ, что венеціанская республика, при помощи папы и итальянскихъ князей, обязуется выплачивать

---

[1]) Historia belli... стр. 37—38.

[2]) Zbiór pamiętników o dawnej Polsce, zebr Niemcewicza, т. V, стр. 43.

[3]) Relatia jana Tiepolo. Zbiór pamiętników... Niemc, т. V, стр. 1—4.

вышеупомянутую сумму въ теченіи двухъ лѣтъ, а Польша въ продолженіи этого времени должна начать наступательную войну противъ Турціи. Кромѣ того, Владиславъ обѣщался немедленно пустить запорожскихъ казаковъ въ Черное море, а для снаряженія казацкой экспедиціи Тьеполо выдалъ ему 20 тыс. талеровъ. Это было въ началѣ 1646 года. Хотя условія, предложенныя венеціанскимъ посломъ, и не совсѣмъ были выгодны, тѣмъ не менѣе Владиславъ, желая во что бы то ни стало турецкой войны, согласился на нихъ и началъ дѣлать приготовленія. На занятыя деньги у своей жены, тайно, посредствомъ агентовъ онъ набралъ за границей нѣсколько тысячъ солдатъ, а на литейномъ заводѣ было отлито до 40 пушекъ.

Повидимому, дѣло шло хорошо и Владиславъ былъ въ восторгѣ, но восторгъ его былъ непродолжителенъ; скоро начали показываться зловѣщіе признаки. Папа и итальянскіе князья рѣшительно отказались помогать Польшѣ въ предстоящей турецкой войнѣ и не присылали обѣщанныхъ денегъ. Коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій, пользовавшійся особенною популярностью между польскими панами и на котораго Владиславъ возлагалъ особыя надежды, умеръ 21 марта этого года; скоро послѣ него умеръ и другой значительный соучастникъ воинственныхъ замысловъ короля—Яковъ Собѣсскій [1]). Новый гетманъ Николай Потоцкій, хотя и посвященъ былъ въ планы Владислава, однако, далеко не такъ сочувственно относился къ нимъ, какъ Конецпольскій, и старался болѣе заслужить расположеніе польской знати, чѣмъ самаго короля. Что касается коронннаго канцлера Юрія Оссолинскаго, то послѣдній между панами не пользовался популярностію и болѣе отличался краснорѣчіемъ, чѣмъ энергіей и твердостью. Между тѣмъ, какъ ни старался Владиславъ скрыть свои военныя приготовленія, слухъ о наборѣ войска распространился по всей Польшѣ и вызвалъ неудовольствіе всей польской шляхты. Паны зорко слѣдили за прерогативами короля и не пропускали безнаказанно ни одного его поступка, въ которомъ могли видѣть хотя косвенное посягательство на ихъ права и привиллегіи. Они громко об-

---

[1]) Historia belli.... Grondski, стр. 38.

виняли короля въ томъ, что онъ помимо согласія сейма затѣваетъ войну съ турками, набираетъ войско, не смотря на клятвенное обѣщаніе 1638 г.; нѣкоторые прямо утверждали, что король хочетъ, опираясь на казаковъ и на иностранныхъ солдатъ, сломать ихъ шляхетныя права и вольности и усилить свою собственную власть.

При такомъ настроеніи шляхты въ концѣ 1646 года, открылся сеймъ, на которомъ королю и его сторонникамъ пришлось выслушать достаточно оскорбленій отъ польскихъ депутатовъ. Канцлеръ Оссолинскій на сеймѣ произнесъ длинную и убѣдительную рѣчь, въ которой оправдывалъ намѣренія короля и старался доказать необходимость рано или поздно начать войну съ Турціей. „Прозорливость королевская, говорилъ онъ, предваряетъ васъ прежде всего о грозящихъ извнѣ опасностяхъ, представляя глазамъ вашимъ непомѣрное вѣроломство сосѣднихъ мусульманскихъ народовъ. Ни прежніе договоры, ни жалованье, почитаемое ими за гарачъ, ни ярмо, наложенное кровью нашей на казаковъ, не удерживаютъ ихъ отъ вторженій въ наши предѣлы. Пограничныя польскія области опустошены, а буджакскія поля и тюрьмы всей почти Турціи наполнены нашимъ народомъ. Сердце заливается при мысли о томъ, чего отъ этихъ варваровъ можетъ ожидать Польша, въ случаѣ, если бы небольшая горсть войска, стоящаго на границахъ, потерпѣла пораженіе..... Когда монархъ обдумалъ средства противъ опасности, превратные умы разрушаютъ его священныя начертанія. Загремѣли голоса, что его величество, безъ вѣдома Рѣчи Посполитой, безъ всякой обиды, поднимаетъ войну, вводитъ сильныя войска внутрь края и задумываетъ что-то вредное для народа. Прибыли посланцы отъ свирѣпаго врага съ дерзкими требованіями, которыя король, по совѣту сената, отдаетъ на разсмотрѣніе сейма. Необходимо обсудить, должны ли мы платить за тотъ союзъ, котораго они съ нахальствомъ отъ насъ домогаются, будемъ ли мы еще марать наше имя подлостію гарача и сносить алчность варваровъ? Король пріобрѣлъ дружбу Москвы, куда отправляется посломъ каштелянъ браславскій, Кисель съ условіями новаго союза. Что замышлялъ въ этомъ дѣлѣ великій воинъ, славной памяти король Стефанъ, всѣмъ извѣстно. Не иная была мысль и великаго гетмана Конецпольскаго. Къ той

же цѣли стремится и милостивѣйшій нашъ монархъ, имѣя въ виду одно лишь благо отечества“ [1]). Но эта ораторская рѣчь не смягчила раздраженныхъ польскихъ пановъ: всѣ депутаты высказались противъ намѣреній Владислава. „Прэдки наши, сказалъ одинъ ораторъ, всегда избѣгали войны съ Турціей, съ другими непріятелями они счастливо мѣрялись, а борьбы съ этой гидрой избѣгали“.

Послѣ долгихъ споровъ и взаимныхъ препирательствъ на сеймѣ 3 декабря постановлена слѣдующая конституція. Король долженъ былъ подтвердить обязательство 1638 года касательно набора войска; не держать при себѣ иностранцевъ и поручать посольскія дѣла только своимъ подданнымъ; стараться о сохраненіи мира съ Турціей и Крымомъ и пр. Хотя этотъ сеймъ продолжался шесть недѣль, однако главный вопросъ, вопросъ о распущеніи набраннаго войска окончательно рѣшенъ не былъ, а потому постановлено было собрать новый чрезвычайный сеймъ къ 1 мая 1647 г. Такимъ образомъ проектъ турецкой войны не прошелъ, и Владиславъ на этомъ сеймѣ долженъ былъ убѣдиться въ совершенной невозможности болѣе или менѣе законнымъ путемъ осуществить свои замыслы. Тѣмъ не менѣе онъ не терялъ еще надежды поправить дѣло посредствомъ казаковъ.

Послѣ такихъ неудачъ, разсказываетъ Грондскій, король таилъ въ душѣ своей величайшую скорбь; между тѣмъ онъ не оставлялъ своихъ намѣреній и рѣшился осуществить ихъ другими способами. Вскорѣ послѣ сейма [2]) неожиданная смерть похитила

---

[1]) „Польская анархія...“ соч. Н. Павлищева, т. I, стр. 159.

[2]) О какомъ сеймѣ говоритъ здѣсь Грондскій и въ которомъ году былъ отправленъ на Украйну панъ Оссолинскій? Н. И. Костомаровъ говоритъ, что Оссолинскій былъ отправленъ къ казакамъ въ началѣ 1647 г., именно послѣ сейма, кончившагося въ началѣ декабря 1646 г. и ссылается въ данномъ случаѣ на Грондскаго (см. „Богд. Хм.“, т. I, стр. 54). Того же мнѣнія и Павлищевъ (см. Польская анархія, т. I, стр. 156). Но при внимательномъ чтеніи этого разсказа Грондскаго нельзя не видѣть, что почтенные историки ошибаются. Во-первыхъ, Грондскій говоритъ, что Оссолинскій былъ отправленъ на Украйну вскорѣ послѣ смерти гетмана Конецпольскаго, а послѣдній умеръ 21 марта 1646 г. Во-вторыхъ, когда Хмельницкій былъ у короля во время сейма 1647 года, то Владиславъ, замѣчаетъ Грондскій, подтвердилъ ему то, что за годъ передъ

двухъ сенаторовъ: Конецпольскаго и Собѣсскаго. Тогда-то Владиславъ отправилъ въ Украйну своего канцлера Оссолинскаго, вмѣстѣ съ преданнѣйшимъ ему Станиславомъ Любовицкимъ, подъ предлогомъ осматриванія укрѣпленій, а на самомъ дѣлѣ для подущенія казаковъ, чтобы послѣдніе сдѣлали нападеніе на турецкія владѣнія. Королю казалось, что легкія столкновенія казаковъ съ турками непремѣнно вызовутъ настоящую турецкую войну и Польша по необходимости должна будетъ защищать себя. Думаютъ, что и Николай Потоцкій, преемникъ Конецпольскаго сочувствовалъ планамъ короля. Оссолинскій, прибывши на Украйну и призвавши къ себѣ Хмельницкаго, передалъ ему порученіе короля и вручилъ ему знаки гетманскаго достоинства. Хмельницкій, выслушавъ Оссолинскаго, передаетъ Грондскій, отвѣчалъ: „Дѣло это великой важности; казаки, находясь до сихъ поръ подъ запрещеніемъ и подъ стѣснительною военною дисциплиною, нисколько не готовы къ подобному предпріятію: дѣло это требуетъ зрѣлаго размышленія, приготовленія казацкихъ умовъ и оружія, а для этого нужно не мало времени"! Однако Хмельницкій, поблагодаривъ его величество за такую къ себѣ довѣренность и милость, обѣщалъ, что онъ, сколько возможно будетъ, не упуститъ случая осуществить намѣреніе короля [1]).

Хотя эти сношенія Оссолинскаго съ Хмельницкимъ велись тайно, однако польскіе паны скоро прослышали о нихъ и подняли бурю негодованія противъ короля и его канцлера. На сеймѣ, открывшемся въ октябрѣ этого года, польскіе депутаты сильно обвиняли короля въ томъ, что онъ подстрекаетъ казаковъ къ нападенію на турецкія владѣнія, чтобы побудить турокъ къ взаимному вторженію въ Польшу. Оссолинскій употребилъ много краснорѣчія, чтобы защитить Владислава и себя отъ этихъ упрековъ. Между прочимъ онъ въ одной рѣчи говорилъ: „что касается казаковъ, то это правда, что они готовили чайки, но это дѣлалось вотъ почему: въ договорѣ съ турками сказано, что

тѣмъ (ante annum) изложилъ Оссолинскій, когда ѣздилъ на Украйну для возбужденія казаковъ противъ татаръ; стало быть онъ былъ отправленъ въ 1646 году и послѣ сейма 1645 г.

[1]) Historia belli... Grond., стр. 38—39.

они не будутъ стоять за одно съ буджакскими татарами; по этому надобно постращать ихъ козаками; теперь же, въ угожденіе вашей волѣ, будутъ посланы приказанія коронному гетману, чтобы казаки перестали строить чайки и не подавали повода къ нарушенію мира съ Турціей [1]).

Паны вышли изъ этого сейма съ торжествомъ. За то они теперь еще съ большею ненавистью стали смотрѣть на казаковъ и не могли простить тѣмъ козацкимъ старшинамъ, которые сносились съ королемъ. Поэтому когда на Хмельницкаго послѣдовалъ доносъ полковаго эсаула Пешта, что будто бы онъ замышляетъ отправить на море вооруженныя казацкія суда, а Чаплинскій на слѣдующемъ сеймѣ, открывшемся въ маѣ 1647 года, изъ мести лично обвинялъ его въ государственной измѣнѣ, то польскіе паны легко повѣрили всему этому и стали смотрѣть на Хмельницкаго, какъ на своего предателя. Вотъ почему ни одна изъ жалобъ чигиринскаго сотника, по дѣлу его столкновенія съ Чаплинскимъ, не была удовлетворена на этомъ сеймѣ.

Предъ отъѣздомъ изъ Варшавы Хмельницкій, униженный на сеймѣ, зашелъ къ королю Владиславу и лично объявилъ ему свои обиды. Король, какъ передаетъ Грондскій, отвѣчалъ ему: „Вижу, что твои доказательства справедливы, но не юридическія, поэтому судомъ ты не найдешь никакого удовлетворенія. Вижу также, что и Чаплинскій путемъ суда не можетъ выиграть процессъ. Но такъ какъ онъ насиліемъ завладѣлъ твоимъ добромъ, то противъ силы позволительно употребить силу: ты также воинъ!“ Король обѣщалъ Хмельницкому свою милость и покровительство, и еще болѣе подтвердилъ то, о чемъ за годъ предъ тѣмъ говорилъ ему королевскій канцлеръ.

„Хмельницкій возвращался на Украину, продолжаетъ тотъ же современникъ, не только не получивъ удовлетворенія по своимъ жалобамъ, но еще былъ всѣми осмѣянъ. Между тѣмъ положеніе республики, котораго до того времени онъ не зналъ, укрѣпленія городовъ и замковъ, которыхъ прежде не видѣлъ, при семъ случаѣ старательно разсмотрѣлъ. Когда же онъ достигъ предѣловъ

---

[1]) „Богданъ Хмельн.“, т. 1, стр. 50.

Руси, то всѣмъ разсказывалъ съ большимъ преувеличенiемъ о своей обидѣ отъ польскихъ пановъ. Всѣ ему соболѣзновали и вмѣстѣ съ тѣмъ сами жаловались на различныя притѣсненiя; говорили, что они ожидаютъ, чтобы Богъ послалъ кого нибудь на отомщенiе ихъ обидъ; обѣщались въ большомъ числѣ пристать къ тому, кто подниметъ возстанiе противъ пановъ. Богданъ Хмельницкiй открылъ свое намѣренiе прежде всего своимъ панамъ; онъ говорилъ, что желаетъ стоять не за свою только обиду, но и за общую: намѣренъ мстить за поруганiе греческой православной религiи и притѣсненiя козаковъ. Онъ такъ же просилъ, чтобы ему прислали по два или по три молодыхъ мужей изъ каждой деревни" [1]).

Вотъ къ какому времени относится начало разлада Хмельницкаго съ польскими панами и начало его замысловъ поднять козаковъ противъ Польши! Совпаденiе же его замысловъ съ планами польскаго короля дало ему опору и обезпечило успѣхъ козацкаго возстанiя на первое время.

Что Владиславъ избралъ козаковъ орудiемъ исполненiя своихъ плановъ и былъ отчасти виновникомъ ихъ возстанiя противъ Рѣчи Посполитой—объ этомъ свидѣтельствуютъ самые разнородные источники: польскiе и малороссiйскiе лѣтописцы, реляцiя венецiанскаго посла Тьеполо своему правительству, донесенiя изъ Польши московскихъ пословъ и др.

Въ „памятникахъ о Концепольскихъ" находится интересный документъ о польско-козацкой войнѣ, начавшейся въ 1648 году. Этотъ документъ, озаглавленный „Compendium consiliorum Pana Jerzego Ossolinskiego Kanclerza Koronnego" писанъ современникомъ, близко стоящимъ къ описываемымъ событiямъ. „Настоящая война, просто и коротко сказать, есть плодъ и дѣло (fructus et affectus) совѣтовъ его милости пана канцлера короннаго. Напередъ должно знать то, что канцлеръ, видя въ его величествѣ, королѣ Владиславѣ IV, войнолюбиваго и жаждущаго славы и въ особенности ищущаго турецкой войны, чтобы имѣть случай показать свой военный генiй, а за тѣмъ снискать себѣ большую любовь и довѣренность, обѣщалъ его величеству покойному ко-

[1]) Historia belli.-Grond., стр. 45—47.

ролю своимъ усердіемъ и умомъ довести Рѣчь Посполитую до того, чтобы она позволила и предприняла эту войну. Сначала онъ посовѣтовалъ королю не давать татарамъ „упоминковъ", дабы вызвать чрезъ эту войну татарскую, а потомъ и турецкую, хотя деньги на эти упоминки съ насъ собирали. Татары, не получая подарковъ, въ то время часто насъ грабили. Но когда такое средство не могло ускорить турецкую войну, хотя на всѣхъ сеймикахъ и предлагалось это зло, панъ канцлеръ коронный посовѣтовалъ королю, чтобы онъ дозволилъ козакамъ выйти на море. Съ этою цѣлью въ Варшаву вызвали нѣкоторыхъ козаковъ, между ними былъ и Хмельницкій, дали имъ на постройку чаекъ 18,000, разныя привиллегіи за королевскою печатью, подущали ихъ выйти на море, свергнуть съ себя ярмо, а за тѣмъ Рѣчь Посполитая волей неволей должна будетъ помогать имъ. Въ этотъ замыселъ посвященъ былъ и венеціанскій посолъ Тьеполо, который хлопоталъ въ Варшавѣ о союзѣ противъ Турокъ; послѣдній даже побудилъ короля взять у ея милости королевы значительную сумму денегъ, нанять войско, обѣщаясь впослѣдствіи ихъ уплатить—въ чемъ однако венеціане обманули. Однако Рѣчь Посполитая на сеймѣ не согласилась на турецкую войну и изъ того предпріятія не вышло ничего, кромѣ уничтоженія нашихъ имуществъ и бунтовъ Хмельницкаго. Покойный король часто упрекалъ пана канцлера за то, что онъ, подстрекнувши его на это предпріятіе, самъ потомъ отклонился отъ него.

Должно знать и то, что по совѣту того же канцлера король посылалъ ксендза Гродковскаго къ его милости пану Краковскому, чтобъ послѣдній не запрещалъ козакамъ выходить на Черное море, но онъ, мудрый мужъ и добрый хранитель Посполитаго права, не дался въ обманъ, ибо видѣлъ, что за этимъ могло послѣдовать" [1]).

Другой польскій лѣтописецъ, говоря о казацкомъ возстаніи, замѣчаетъ: бѣдствія Рѣчи Посполитой произошли отъ того, что она посадила на королевскій престолъ выгнанцевъ изъ Швеціи, которые начали бунтовать чернь противъ пановъ. Владиславъ даже

---

[1]) Pamiętniki o Koniecpolskich wyd. St. Przytecki.

выѣхалъ въ Литву [1]), чтобы оттуда ближе было сноситься съ козаками, затѣвавшими бунтъ противъ республики [2]).

Вообще всѣ поляки были убѣждены въ томъ, что война козацкая началась по умышленію короля Владислава, чтобы сломать панскія привиллегіи.

Московскіе послы, находящіеся въ то время въ Польшѣ, въ своихъ донесеніяхъ о причинѣ козацкаго возстанія также указываютъ на Владислава, какъ на подстрекателя козаковъ. Такъ дьякъ Григорій Кунаковъ въ своей запискѣ сообщалъ слѣдующее. „Король Владиславъ въ то время (1646—47 г.) гнѣвъ имѣлъ на сенаторовъ и на всю Рѣчь Посполитую за то, что ему не дали воли вести войну турецкую и собранное для этой войны нѣмецкое войско приговорили на сеймѣ распустить; а нѣмцамъ тѣмъ онъ давалъ деньги изъ приданаго своей жены. Поэтому, призвавши Богдана Хмельницкаго и двухъ черкасъ въ свои хоромы, говорилъ имъ, что сенаторы его вдались въ свою волю, панства его пустошатъ, а его мало слушаютъ; написалъ саблю и, подавая ее Хмельницкому, сказалъ: то ему его королевскій знакъ,—имѣютъ они при бокахъ саблю и тѣмъ своимъ обидчикамъ и разорителямъ не поддались бы и кривды свои мстили имъ саблями; а какъ придетъ время и они были бы во всей королевской волѣ на поганцевъ и на королевскихъ непослушниковъ. . . Осенью 1647 г. Владиславъ, задумавъ начать турецкую войну, пожаловалъ Хмельницкаго гетманствомъ и послалъ ему 170 т. золотыхъ польскихъ, чтобы онъ готовилъ челны къ лѣту 1648 года“ [3]).

Брянскій воевода князь Мещерскій, въ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу отъ 15 іюля 1648 года, сообщалъ тоже самое. Полякъ Крыштофъ Силичъ, пріѣхавши изъ Литвы въ Брянскъ, говорилъ: въ прошломъ 1647 году былъ у короля Владислава въ Польшѣ сеймъ, на которомъ разсуждали о турецкой войнѣ, но Рѣчь Посполитая, не желая нарушать съ Турціей вѣчнаго мира, не позволила этой войны. Предъ сеймомъ король Владиславъ далъ пану

---

[1]) Владиславъ ѣздилъ въ Литву лѣтомъ послѣ сейма 1647 г.

[2]) Pamiętniki do panow. ч. 1, стр. 269—270.

[3]) Акты Юж. и Зап. Р. т. 3, стр. 279.

Хмельницкому листъ съ дозволеніемъ, чтобы ему съ челнами, сколько ихъ наберется, идти на море; но Хмельницкій **припряталъ тотъ листъ** и молчалъ около полугода, до тѣхъ поръ пока его не обидѣлъ молодой коронный хорунжій, Конецпольскій, отнявъ у него моетность. Тогда Хмельницкій, разсердившись, собралъ войско и началъ войну [1]).

Если мы обратимся къ малороссійскимъ сказаніямъ о польско-турецкой войнѣ, то и тамъ найдемъ многое въ подтвержденіе этого мнѣнія. Лѣтописи Самовидца, Величко, Грябянки и др. въ одинъ голосъ повѣтствуютъ, что Владиславъ имѣлъ намѣреніе ограничить польскую вольность, вызвать турецкую войну посредствомъ набѣговъ козаковъ на турецкія владѣнія и далъ послѣднимъ привиллегіи и деньги на челны [2]).

Въ жалобѣ пословъ козацкихъ, поданной ими на сеймѣ въ Варшавѣ 17 іюля 1648 года, въ § 12-мъ, читаемъ слѣдующее: „Была воля его королевской милости, чтобы мы шли на море, и на челны выданы намъ деньги, а къ запорожскому войску предполагалось прибавить еще 6,000 [3]).“

Самъ Богданъ Хмельницкій въ своемъ универсалѣ къ народу писалъ: „никакъ не надѣемся, чтобы король самъ, Высочайшею своею особою, пошелъ въ эту войну противъ насъ, потому что мы ее начали съ его королевскимъ позволеніемъ, и потому что поляки его Высочайшую особу и его повелѣній и приказовъ вовсе не уважаютъ и не слушаютъ“.

---

[1]) Акт. Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 217—218.

[2]) Лѣт. „Самовидца“, стр. 6;—Величко, т. I, стр. 25—26.

[3]) Памятники Кіев. Ком., т. I, отд. III, № 25.

Глава 3-я.

Возвратившись въ свое чигиринское помѣстье, Богданъ Хмельницкій началъ осуществлять задуманный имъ планъ возстанія. Онъ повелъ это дѣло съ замѣчательнымъ искусствомъ и энергіей; уже въ самомъ началѣ дѣйствій Хмельницкаго можно было видѣть гарантію блистательнаго успѣха его замысловъ.

Чтобы взбунтовать козаковъ, заставить ихъ смѣлѣе взяться за оружіе, привлечь на свою сторону, онъ прежде всего рѣшился похитить у Барабаша извѣстные королевскіе листы и обнародовать ихъ. Нѣкоторые историки, сообразно своей цѣли,—представить Хмельницкаго патріотомъ—козакомъ, задумавшимъ возстаніе противъ Польши еще ранѣе замѣчательнаго его дѣла по поводу Субботова, относятъ похищеніе королевскихъ грамотъ къ 1646 г. Но это несправедливо. Въ малороссійскихъ лѣтописяхъ Самовидца, Гребянки, Величко, Конисскаго и др. бѣгство Богдана къ запорожцамъ ставится непосредственнымъ и даже немедленнымъ событіемъ послѣ похищенія имъ этихъ королевскихъ листовъ у Барабаша [1]), а на запорожье онъ „рушилъ“ 7-го декабря 1647 года. Хмельницкій, говоритъ Величко, пославши козаковъ за привиллегіями къ женѣ Барабаша въ Черкассы, самъ не спалъ и дожидалъ посланца. Когда послѣдній привезъ грамоты, то онъ съ нѣсколькими товарищами въ ту же ночь уѣхалъ въ Субботовъ, гдѣ взявши съ собою нѣкоторыя вещи и старшаго сына Тимофея и не дожидаясь разсвѣта „спѣшнимъ крокомъ“, со всей своей компа-

---

[1]) См. страницы: 8, 29, 40, 69; Кратк. описан. о козацк. малор. народѣ стр. 13 и др.

ніей, рушилъ на Запорожскую Сѣчь, куда и прибылъ благополучно 11-го декабря [1]).

Если мы допустимъ, что Хмельницкій похитилъ грамоты въ 1646 году, то придется предположить, что онъ оставался съ ними на Украинѣ цѣлый годъ. Но это невозможно. Барабашъ, зная всю важность и силу королевскихъ листовъ, не могъ не отнять ихъ у Богдана: онъ, какъ начальникъ, могъ употребить для этого не хитрость, а открытую силу или, по крайней мѣрѣ, дать знать чигиринскому старостѣ—чего онъ однако не сдѣлалъ. Между тѣмъ въ 1647 году, когда дѣйствительно были похищены грамоты, Барабашъ немедленно сдѣлалъ доносъ на Хмельницкаго, такъ какъ онъ зналъ, говоритъ лѣтописецъ, что Хмельницкій, какъ человѣкъ разумный, владѣя тѣми королевскими привиллегіями, можетъ что новое, недоброе затѣять. При томъ же самъ Хмельницкій въ письмѣ къ Барабашу изъ Запорожья упоминаетъ о похищеніи грамтъ, какъ о фактѣ, непосредственно предшествовавшемъ его бѣгству изъ Украйны. „Такъ какъ ваша милость, писалъ Богданъ Барабашу, нужныя и полезныя малороссійскому народу привиллегіи скрывалъ и хранилъ у себя ради собственныхъ выгодъ и корысти, то за это войско запорожское чинитъ васъ годнымъ полковниковать не надъ людьми, а надъ овечками или свиньями. А я при семъ прошу у вашей милости извиненія, въ чемъ не угодилъ вамъ въ убогомъ дому моемъ въ Чигиринѣ, на праздникъ Святителя Николая, а также и въ томъ, что уѣхалъ на Запорожье безъ вѣдома и позволенія вашего“ [2]).

И такъ на основаніи этихъ соображеній мы должны принять за достовѣрное свидѣтельство лѣтописцевъ о томъ, что Хмельницкій сдѣлалъ похищеніе грамотъ не въ 1646, а въ 1647 году.

Имѣя въ рукахъ королевскія привиллегіи, Хмельницкій легко могъ пріобрѣсть соучастниковъ своихъ замысловъ и связать свое личное дѣло съ участью всего козачества. Въ одной изъ этихъ грамотъ король подтверждалъ древнія права и вольности козаковъ и всего малороссійскаго народа, дозволялъ имъ имѣть сво-

---

[1]) Лѣтопись Величко, стр. 29.

[2]) ibid, стр. 30—33.

его гетмана и выборныхъ старшинъ. Въ другой же, еще болѣе важной для цѣлей Богдана, заключалось разрѣшеніе козакамъ построить новые челны и приказаніе имъ быть готовыми „воевать татаръ“.

Такія граматы вполнѣ обезпечивали Хмельницкому успѣхъ возстанія.

Запорожцевъ нетрудно было взбунтовать, говоритъ одинъ повѣствователь Пасторій; „какъ соловью пѣніе, такъ и имъ мятежи были свойственны“. Нижній Днѣпръ съ своими притоками, островами, покрытыми лѣсами, густыми кустарниками и камышами, былъ пріютомъ всѣхъ тѣхъ, которымъ душно было жить подъ гнетомъ государственныхъ порядковъ и для которыхъ свобода была дороже всего. Туда приходили на волю всѣ обиженные или недовольные со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ: изъ Московской Руси, Польши, Украины, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и даже изъ Крыма татары. Но такъ какъ преобладающимъ элементомъ на Запорожьѣ были южно-руссы православной вѣры, то вся эта масса разнородныхъ пришельцевъ должна была слѣдовать ихъ нравамъ и обычаямъ и непремѣнно исповѣдывать христіанство греческаго закона.

Хотя поляки и считали Запорожье своимъ владѣніемъ, однако запорожцы имъ не подчинялись; они никого не хотѣли слушать кромѣ голоса вольной рады и своихъ свободно избранныхъ старшинъ. Главнымъ надъ ними начальникомъ былъ кошевой атаманъ —начальникъ коша. Кошъ дѣлился на курени, въ которыхъ жило по 50 и по 100 казаковъ; надъ каждымъ куренемъ былъ начальникомъ „куренной атаманъ“. Ко времени Богдана Хмельницкаго Запорожье считало у себя нѣсколько десятковъ тысячъ казаковъ, но жили они не вмѣстѣ, а разселялись по всѣмъ днѣпровскимъ островамъ.

По своему общественному строю запорожское казачество представляло вольное военное общество, рыцарское товарищество, въ которомъ всѣ были равны: „ни породою, ни званіемъ, говоритъ украинскій лѣтописецъ, казаки не гордились; мужественный духъ, умѣнье переносить всякаго рода опасности и лишенія цѣнились между ними дороже всего. Судились всѣ они однимъ судомъ: гдѣ

три человѣка казаковъ, тамъ два третьяго судятъ [1]). Преступленія противъ товарищей, особенно воровство, строго наказывались: за кражу одного пута вѣшали.

Въ ихъ жизни господствовали простота, постничество, цѣломудріе, строгая религіозность, честность въ отношеніи товарищества, безпечность и широкое удальство, соединенное съ рѣдкой отвагой. Казаки страстно любили свободу; смерть предпочитали рабству и мало дорожили жизнію, въ которой не было широкаго раздолья. „Сегодня панъ, а завтра—пропалъ“, было ихъ любимой поговоркой. Злую годину—по нашему черный день—казакъ переносилъ безропотно: „хвортуну долю несчастливу, говорили запорожцы, провести казаку, якъ хлебнуть горькой горилочки чарку“[2]).

Лѣтомъ казаки жили въ куреняхъ, сплетенныхъ изъ хвороста и обмазанныхъ глиною, а зимою переселялись въ близь лежащіе города и деревни. Впрочемъ нѣсколько сотъ человѣкъ всегда оставались въ Сѣчѣ, чтобы хранить пушки и лодки: послѣднія казаки или топили на днѣ рѣкъ, или прятали въ непроходимыхъ камышахъ. Рыбная ловля и охота доставляли имъ главную пищу и предметъ торговли. Сами запорожцы не нуждались въ привозныхъ товарахъ: все нужное для себя они производили сами, за исключеніемъ развѣ пушекъ, которыя они добывали разными способами у татаръ и поляковъ. „Въ странѣ запорожской, говоритъ о казакахъ Бопланъ, вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ для постройки домовъ и лодокъ, телѣжниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, портныхъ и т. под. Казаки искусны въ добываніи селитры и въ приготовленіи пушечнаго пороху; всѣ казаки умѣютъ пахать, жать, косить, печь хлѣбы, приготовлять яства, варить пиво, медъ, брагу и гнать водку..... Они способны ко всякимъ искусствамъ, имѣютъ довольно ума, чтобы заботиться только о полезномъ и необходимомъ“[3]). И этому смѣло можно вѣрить, если обратить вниманіе на то, что главный контингентъ Запо-

[1]) „Собр. госуд. грамотъ и догов.“, ч. IV, стр. 51.

[2]) „Запорож. Рукопись“ Сементовскаго, стр. 11.

[3]) Описаніе Украйны, стр. 5; Zbiór Pamiętników... Niemcew. т. V, стр. 318; Историч. Сборн. Лукомск. стр. 330—331.

рожья состоялъ изъ бѣглецовъ польскаго государства, пивниковъ, броварниковъ, кузнецовъ и прочаго рабочаго и безземельнаго люда.

Но война для казаковъ была главнымъ и любимымъ занятіемъ. На своихъ чайкахъ или моноскиллахъ казаки не боялись пускаться въ бурное Черное море и даже вступать въ битву съ турецкими кораблями. Около 1615 года казаки, какъ свидѣтельствуетъ одно польское извѣстіе, вышли въ Черное море со множествомъ судовъ и привели въ трепетъ татаръ и турокъ: Козловъ, Очаковъ, Бѣлгородъ, Ѳеодосія, Трапезундъ, Синопъ, много другихъ магометанскихъ въ Европѣ и Азіи городовъ и замковъ были взяты, ограблены и разорены. Сынъ силистрійскаго паши погибъ, побѣжденный въ морской битвѣ; другой паша въ то же время, лишившись флота въ борьбѣ съ казацкими чайками, былъ взятъ въ плѣнъ и потомъ тріумфально показывался на Сѣчи. Наконецъ, подплывши къ предмѣстью Царьграда, казаки привели въ трепетъ самаго султана и всѣхъ жителей столицы и ея окрестностей [1]. „Затѣмъ въ 1629 году“, писалъ Иванъ Сѣрко, кошевой атаманъ, къ крымскому хану Селиму, „братья наши запорожцы съ певнымъ вождемъ своимъ, воюючи въ челнахъ по Эвксипонту, коснулись мужественно самыхъ стѣнъ константинопольскихъ и, оныя довольно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликіи султанови и всѣмъ мешканцамъ (обывателямъ) цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе и, нѣкоторыя ближайшія селенія константинопольскія запаливши, счастливо и съ многими добычами до коша своего повернули“ [2].

Эти подвиги казаковъ засвидѣтельствованы не только польскими и малороссійскими лѣтописцами, но и оффиціальными документами, заключающими въ себѣ жалобы на казаковъ турецкаго правительства Рѣчи Посполитой. Вообще храбрость и воинственность казаковъ были извѣстны всѣмъ окрестнымъ государствамъ.

Турецкій султанъ, какъ передаетъ одна украинская лѣтопись, предъ которымъ дрожала тогда вся Европа, говаривалъ: „когда

---

[1]) Zbiór Pamiętników. Niemc., т. 3, стр. 24.

[2]) „Краткое опис. о казацк. малор. народѣ“, стр. 7.

*

на меня возстанутъ окрестныя панства—я на оба уха сплю, но о казакахъ долженъ однимъ слушать" [1]).

Не слѣдуетъ думать, что будто казаки предпринимали свои набѣги на турецкія и татарскія владѣнія только ради грабежа. Ими руководила въ подобныхъ предпріятіяхъ и болѣе благородная цѣль, именно освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ изъ тяжкаго мусульманскаго рабства. Извѣстно, что поступающій въ казацкое общество „долженъ быть непремѣнно христіаниномъ и прежде всего обязывался защищать христіанъ и уничтожать враговъ Іисуса Христа. Г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи „Исторія Возсоединенія Руси" приводитъ интересную замѣтку одного поляка, заключающую въ себѣ характеристическое воззваніе, съ которымъ казаки обращались къ христіанамъ на Украйнѣ предъ каждымъ задуманнымъ ими вторженіемъ въ Туретчину. Вотъ это воззваніе: „Кто хочетъ за христіанскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ принять всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти,—приставай къ намъ. Не надо смерти бояться: отъ нея не убережешься. Такова казацкая жизнь" [2]).

И дѣйствительно, рѣдкій набѣгъ казаковъ на татарскіе и турецкіе города проходилъ безъ того, чтобы они не возвращались съ десятками и даже сотнями освобожденныхъ христіанъ. Притомъ запорожское казачество составляло для польскаго государства лучшую передовую стражу, крѣпкій оплотъ противъ татарскихъ и турецкихъ набѣговъ.

„Казаки, говоритъ лѣтописецъ Грябянка, собирающіеся въ пустыхъ лугахъ Днѣпра и Буга, не мздою какою нибудь привлекаются туда, но желаніемъ расширенія вѣры христіанской; вездѣ— на морѣ и на сушѣ они истребляютъ множество турокъ и татаръ и подъ образомъ самовольства—двоякую добродѣтель творятъ: вопервыхъ, они отнимаютъ у хищныхъ татаръ плѣнныхъ христіанъ и даруютъ имъ свободу, а во-вторыхъ, крѣпко защищаютъ польское королевство и Русь отъ всякихъ наносимыхъ имъ татарами

---

[1]) Лѣтопись Грябянки, стр. 20.

[2]) „Исторія Возсоед. Руси", т. 1, стр. 108.

озлобленій"[1]). Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на запорожское казачество, какъ само польское правительство, такъ и образованные поляки. „Какъ мужественные львы, говоритъ о казакахъ одинъ полякъ того времени, они охраняютъ христіанство и доставляютъ спокойствіе Рѣчи Посполитой; это, можно сказать—святые люди".

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, какое орудіе представляло казачество для того разумнаго вождя, который бы захотѣлъ воспользоваться имъ для народной революціи въ польскомъ государствѣ.

Въ то время, когда Богданъ Хмельницкій уносилъ свою голову къ запорожцамъ, Запорожская Сѣчь, резиденція кошеваго атамана, находилась на Никитиномъ Рогѣ, верстъ на 15 ниже Каменнаго Затона. Это былъ конечный пунктъ казацкой колонизаціи въ то время. Мѣсто это было на правой сторонѣ Днѣпра и представляло крѣпость, обнесенную землянымъ валомъ, на вершинѣ котораго находился еще деревянный заборъ, и глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою. Вокругъ Сѣчи были расположены шанцы, рогатки, берлоги, западни и пр.; самая крѣпость была вооружена пушками. Внутри всякой Сѣчи обыкновенно находились башня сторожевая, домъ кошеваго, курени для низшихъ начальниковъ и казаковъ, а иногда и церковь.

Хмельницкій, какъ разсказываютъ украинскія лѣтописи, прибылъ сначала не въ Сѣчь, а на островъ Буцкъ или Томаковку, находящійся верстъ на 25 выше Никитинаго Рога и отстоящій отъ Чигирина верстъ на 200. Это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности для непріятеля. Онъ былъ расположенъ на правомъ берегу Днѣпра, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ соединяется нѣсколькими притоками съ рѣкою Бузувлукомъ. Здѣсь Днѣпръ въ сторону Бузувлука изливалъ нѣсколько небольшихъ заливовъ, переплетавшихся между собою и съ впадающими въ него рѣченками; вслѣдствіе этого тутъ образовалось нѣсколько маленькихъ острововъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ и непроходимыми камышами,—всѣ вмѣстѣ они и составляли островъ Буцкъ. О величинѣ

---

[1]) Лѣтопись Грябянки, стр. 1

этого острова можно составить себѣ понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апр. 1648 года: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ, — отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки". „Тамъ есть, доносилъ другой полякъ, пороховой заводъ и провіанта находится въ изобиліи" [1]).

Въ 1648 году польскіе паны, кажется, въ первый разъ добрались до этого острова. По крайней мѣрѣ панъ Мацкѣвичъ, который въ 1647 году сопровождалъ Іер. Вишневецкаго, во время его путешествія по Днѣпру, говоритъ, что они дошли только до урочища Кучкасовъ, находящагося близь острова Хортицы и панъ Вишневецкій велѣлъ тамъ насыпать курганъ, въ знакъ того, что еще ни одинъ панъ изъ ихъ народа не доходилъ до того мѣста [2]); а урочище Кучкасовъ отстояло отъ Буцка верстъ на 100 выше по Днѣпру. На островѣ Буцкѣ Хмельницкаго казаки приняли не съ особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ, такъ что онъ принужденъ былъ скоро удалиться на Никитинъ Рогъ. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украйнѣ атаманомъ Ѳеодоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. „Барабашъ (какъ и ему подобные), говоритъ одна изъ украинскихъ лѣтописей, къ Ляхамъ былъ приличенъ и, заботясь только о своей корысти, самъ изволилъ въ счастіи жити, а о войскѣ и объ обидѣ людской не радѣлъ". Вслѣдствіе этого нѣсколько сотъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Ѳеодора Линчая подняли мятежъ и требовали его сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Ѳеодоръ Линчай съ своими сторонниками,

---

[1]) Памят. Кіев. ком., т. 1, отд. III, №№ 3 и 4.

[2]) Zbiòr Pamięt.... Niemcew., т. V, стр. 62.

которые получили прозваніе „линчаявцевъ", принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ. Теперь, когда линчаевцы увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго — ихъ прежняго противника, то хотя по долгу казацкаго гостепріимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ; подозрѣніе это еще увеличилось отъ того, что Богданъ началъ писать письма къ тому же Барабашу, польскому коммисару и др. Это недовѣріе и заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка на Никитинъ Рогъ [1]).

Мы уже выше говорили, что Хмельницкому не стоило особеннаго труда поднять возстаніе противъ поляковъ. Польское правительство всѣ усилія употребляло для того, чтобы стѣснить Сѣчь, уничтожить это безпокойное гнѣздо, служившее постоянною причиною раздора между Турціей и Польшей. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, незадолго передъ тѣмъ, какъ Хмельницкому пришлось бѣжать на Запорожье, поляки построили крѣпость Кадакъ, чтобы разобщить украинскихъ и запорожскихъ казаковъ. Дѣйствительно польское правительство отчасти и достигло своей цѣли, но зато вызвало противъ себя непримиримую вражду и ожесточеніе со стороны тѣхъ и другихъ казаковъ. Благодаря сильной польской стражѣ, находившейся на Кадакѣ, свободный доступъ на Сѣчь былъ прекращенъ для украинцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число запорожцевъ значительно уменьшилось. Затѣмъ послѣ неудачнаго возстанія казаковъ подъ начальствомъ Остраницы и битвы подъ Кумейками, въ 1638 г. польское правительство издало слѣдующее постановленіе отъ имени короля. „Хотя единственное наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы вѣрные наши подданные всегда видѣли къ себѣ нашу королевскую милость, однакожь самоволіе казаковъ столь разнуздалось, что мы принуждены были послать противъ нихъ войско наше и Рѣчи Посполитой. Съ помощію Божіею, разгромивши и поразивши ихъ на войнѣ и тѣмъ отвративши отъ государства грозившую опасность, мы отнимаемъ у нихъ на вѣчныя времена всѣ ихъ давнія права,

[1]) Запорож. Стар. И. Срезневск., ч. II, стр. 11—14; Истор. Малор. Маркевича, т. I, стр. 156.

вольности, собственныхъ начальниковъ, доходы и другія привилегіи, утраченныя ими чрезъ возмущеніе, желая имѣть тѣхъ, которые остались въ живыхъ, за хлоповъ и обратить ихъ въ посполъство. Что касается реестровыхъ казаковъ, которые принесли намъ и Рѣчи Посполитой униженную покорность (присяга подъ Боровицею) auctoritate praesentis conventus постановляемъ слѣдующее: на мѣсто старшаго, который болѣе никогда уже не будетъ изъ среды казаковъ, мы будемъ давать имъ коммиссара изъ шляхетнаго рода, подчиненнаго коронному гетману, въ дѣлѣ рыцарскомъ испытаннаго, который бы производилъ судъ войску, предостерегалъ его отъ бунтовъ и чинилъ бы бѣднымъ людямъ справедливость.... Этому коммиссару имѣютъ быть послушны какъ эсаулы, полковники, сотники, такъ и все войско; а коммиссаръ вмѣстѣ съ казаками долженъ зависѣть отъ короннаго гетмана... Полковники, эсаулы должны быть шляхетнаго происхожденія, испытанные въ рыцарскомъ дѣлѣ, незапятнанной чести и вѣрности, а сотники и атаманы могутъ быть выбираемы изъ самихъ казаковъ и преданныхъ намъ и Рѣчи Посполитой. Резиденція коммиссара имѣетъ быть въ городѣ Трехтемировѣ, какъ находящемся въ срединѣ украинской земли (in meditullio)... Реестровые полки съ своимъ полковникомъ должны по очереди ходить на Запорожье для защиты тѣхъ мѣстъ и возбраненія татарамъ переходить Днѣпръ. Кромѣ очереднаго полка, ни одинъ казакъ безъ паспорта коммиссара не долженъ ходить за пороги, а ослушника, если онъ будетъ пойманъ губернаторомъ, находящимся въ Кодакѣ,—казнить смертью. Мѣщане наши, по давнимъ правамъ и указамъ, ни сами, ни ихъ сыновья, не должны переходить въ казаки, а равнымъ образомъ и выдавать своихъ дочерей за казаковъ sub poena confiscacione bonorum.... Козаки не имѣютъ права жить въ другихъ городахъ, кромѣ Черкасъ, Чигирина и Корсуня“ [1]).

Вслѣдствіе этихъ постановленій запорожцы, а равно и украинскіе казаки лишились возможности свободно воевать внѣ государства, а въ этой войнѣ, какъ извѣстно, они находили прежде исходъ своему удальству и рыцарству. Но ихъ воинственный духъ,

[1]) Польск. Кор. Метр. Prawa, Const... т. 3, стр. 927—929.

закаленный въ постоянной борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ, искалъ теперь поприща для своей дѣятельности. Дорога къ внѣшней войнѣ для казачества была пресѣчена и теперь оно только ждало случая, чтобы обратить свои силы на внутреннюю борьбу за свои вольности и угнетенное отечество. Поэтому, когда Хмельницкій показалъ Запорожцамъ королевскія грамоты, которыя давали имъ права выбрать собственнаго гетмана, построить чайки и выходить на море, — описалъ въ яркихъ краскахъ бѣдствія Украйны, и предложилъ возстаніе противъ польскаго господства, то козаки съ восторгомъ отозвались на призывъ новаго вождя и провозгласили его гетманомъ.

Устроивши такимъ образомъ возстаніе между Запорожцами, Богданъ немедленно отправился къ крымскому хану Исламъ-Гирею и ловко возмутилъ его противъ Польши. До сихъ поръ, говорилъ Богданъ повелителю татаръ, казаки были врагами вашими, но единственно отъ того, что находились подъ ярмомъ Ляховъ. Теперь же мы рѣшились низвергнуть постыдное польское иго, предложить вамъ дружбу, вѣчный союзъ и готовность сражаться за мусульманскую вѣру. Враги наши, поляки—враги ваши; они презираютъ силу твою, свѣтлѣйшій ханъ, отказываются платить тебѣ должную дань и еще подущаютъ насъ напасть на мусульманство. Мы извѣщаемъ тебя объ ихъ замыслахъ и предлагаемъ тебѣ помогать намъ противъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ [1]).

Въ подтвержденіе своихъ словъ Хмельницкій показалъ хану королевскій листъ, въ которомъ заключалось приказаніе казакамъ готовиться къ походу противъ татаръ. Исламъ-Гирей уже давно ждалъ благопріятнаго случая вторгнуться въ польское государство. Еще Владиславъ въ 1644 году, замышляя турецкую войну, прекратилъ давать подарки татарамъ. Тогда ханъ въ грамотѣ къ королю отъ 24-го апрѣля 1646 г. напоминалъ, что Поляки уже два года не присылаютъ ему и его двору обычныхъ даровъ и грозилъ местію въ случаѣ, если король немедленно не уплатитъ дани [2]). Но угроза эта не подѣйствовала. Канцлеръ Оссолинскій

---

[1]) „Богд. Хмельн.“ т. 1, стр. 85.

[2]) Польская Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Татар.“ св. 3.

отвѣчалъ хану, что онъ имѣетъ дѣло съ королемъ, который умѣетъ охранять свой народъ, а не платить дань. Теперь Исламъ-Гирей, увидя изъ грамоты, поданной Хмельницкихъ, замыслы польскаго правительства, охотно согласился помогать казакамъ. Но такъ какъ самъ ханъ, въ силу мирнаго договора, заключеннаго въ 1646 году между Турками и Поляками, не могъ идти въ походъ безъ разрѣшенія султана, то приказалъ перекопскому мурзѣ Тугай-Бею, „который въ воинствѣ былъ весьма храбръ и славенъ“, немедленно воевать поляковъ.

Такимъ образомъ, благодаря похищеннымъ грамотамъ, Хмельницкому удалось поднять запорожцевъ и заручиться такимъ сильнымъ союзникомъ, каковъ былъ въ то время крымскій ханъ. Но этимъ еще не ограничилась хитрость и обдуманность дѣйствій знаменитаго Богдана!

Слухъ о бѣгствѣ чигиринскаго сотника на Запорожье и возбуждаемомъ имъ возстаніи скоро распространился по всей Украинѣ и достигъ до польскихъ пановъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, зная объ услугахъ, оказанныхъ Богданомъ Рѣчи Посполитой и о привязанности его къ шляхетскимъ порядкамъ, съ удивленіемъ говорили: „вотъ до чего дошла жадность и несправедливость украинскихъ правителей, что они и такого человѣка, какъ Хмельницкій, заставили поднять оружіе“, и требовали, чтобы коммиссія судила полковниковъ и самого коммисара, которые этого пива наварили [1]). Между тѣмъ самъ Богданъ послалъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ письма, въ которыхъ увѣрялъ ихъ, что онъ всегда пребывалъ и пребываетъ вѣрнымъ слугою короля и Рѣчи Посполитой, и если онъ бѣжалъ на Запорожье и взялся за оружіе, то единственно ради спасенія жизни своей отъ злодѣя Чаплинскаго. Чтобы еще болѣе замаскировать на время характеръ возстанія, Хмельницкій написалъ къ коронному гетману Потоцкому, что все войско запорожское не замышляетъ ничего иного, кромѣ отправленія пословъ „до наияснѣйшаго королевскаго величества и ясновельможныхъ пановъ сенаторовъ съ покорнымъ прошеніемъ“; а въ письмахъ къ украинскому коммиссару Шемберку и коронно-

---

[1]) Памят. Кіев. Ком., т. 1, отд. III, № 3.

му хорунжему А. Конецпольскому онъ просилъ ихъ защищать его убогій домъ въ Чигиринѣ отъ конечнаго разоренія Чаплинскимъ [1]).

Эта хитрость Хмельницкаго привела въ недоумѣніе польскія власти: они не рѣшались немедленно выступить противъ запорожцевъ со всѣми силами и думали уладить дѣло мирнымъ образомъ. Этого желалъ и король Владиславъ. Предполагая, что Хмѣльницкій собралъ запорожцевъ, сообразно его намѣреніямъ, для нападенія на Турокъ, король послалъ гетману инструкціи, въ которыхъ приказывалъ ему не начинать пока военныхъ дѣйствій противъ казаковъ и разобрать дѣло послѣднихъ судебнымъ порядкомъ [2]). Того же мнѣнія были канцлеръ Оссолинскій и воевода краковскій Любомирскій, сторонники замысловъ своего короля.

Между тѣмъ Богданъ Хмельницкій, увѣряя своими письмами польскихъ пановъ о своей благонамѣренности, разослалъ своихъ агентовъ по всей Украинѣ для возбужденія народа къ возстанію за угнетенное отечество и поруганную вѣру отцовъ.

Пока поляки надумались, что дѣлать, Богданъ уже располагалъ значительнымъ войскомъ, собравшимся подъ его знамена, войскомъ, съ которымъ онъ могъ надѣяться успѣшно начать войну противъ Польши.

---

[1]) Лѣтопись Величко, т. 1, стр. 34—42.

[2]) Памят. Кіев. ком., т. 1, отд. III, стр. 33.

Глава 4-я.

Мы не будемъ описывать различныхъ военныхъ операцій Хмельницкаго — это не входитъ въ программу нашего сочиненія — а остановимся только на тѣхъ его дѣйствіяхъ, которыя характеризуютъ его отношенія къ дѣлу народнаго освобожденія отъ своихъ угнетателей, а равнымъ образомъ и на самомъ характерѣ этой знаменательной борьбы народа съ панствомъ.

Уже первыя двѣ побѣды казацкія — Желтоводская и Корсунская — поставили народное возстаніе на ту высоту, съ которой нетрудно было видѣть, при естественномъ теченіи дѣлъ, счастливое его окончаніе для малороссійскаго народа. „Русскому народу, говоритъ Н. И. Костомаровъ, какъ бы разомъ открылись глаза: онъ увидѣлъ и понялъ, что его поработители не такъ могучи, непобѣдимы: панская гордыня пала подъ дружными ударами рабовъ, рѣшившихся наконецъ сбросить съ себя ярмо неволи“ [1]).

По всей Украинѣ казаки находили сочувствіе и помощь, а поляки—ожесточеніе и измѣну. Предъ началомъ Желтоводской битвы реестровые казаки, въ количествѣ 6 т., посланные поляками противъ Хмельницкаго, „единымъ сердцемъ и мыслію возставши“, говоритъ лѣтописецъ, передались на сторону своихъ соотечественниковъ, предварительно истребивъ ополячившихся начальниковъ [2]). Драгуны изъ русскихъ, служившіе въ польскомъ войскѣ, измѣнили полякамъ во время самаго сраженія и перешли въ лагерь Хмельницкаго [3]). Вслѣдствіе этого войско козацкое значительно

---

[1]) Русская Истор. въ жизнеоп., т. V, стр. 242.

[2]) Памят. Кіев. комм., т. 1, отд. III, № 10; Лѣтопись „Самовидца,“ стр. 11.

[3]) Лѣт. Гряб., стр. 48.

увеличилось. Поляки же, лишившись лучшей части своего войска, были разбиты на голову: большая часть ихъ была перебита, а остальные взяты въ плѣнъ татарами. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ былъ и Выговскій — русскій по происхожденію, но истый полякъ по убѣжденіямъ, — сдѣлавшійся въ послѣдствіи лучшимъ другомъ и совѣтникомъ Богдана Хмельницкаго. Въ этой битвѣ были отняты козаками у поляковъ всѣ пушки [1]).

Между тѣмъ главное польское войско, находившееся подъ предводительствомъ двухъ гетмановъ: Потоцкаго и Калиновскаго,—не предвидя такого печальнаго оборота дѣлъ, спокойно стояло лагеремъ близь Черкассъ. Вѣсть о желтоводскомъ пораженіи гетманы получили уже тогда, когда самъ Хмельницкій со всѣмъ своимъ войскомъ былъ отъ нихъ въ нѣсколькихъ миляхъ. Поляки отступили къ городу Корсунь, но въ половинѣ мая 1648 года были настигнуты козаками и потерпѣли окончательное пораженіе. Немногимъ изъ польскаго войска удалось спастись бѣгствомъ: оба гетмана—Потоцкій и Калиновскій были взяты въ плѣнъ и отосланы Хмельницкимъ въ подарокъ крымскому хану. Козакамъ и татарамъ досталась громадная добыча отъ разграбленія польскаго лагеря. Но болѣе всѣхъ получилъ самъ Богданъ: по свидѣтельству украинскаго лѣтописца, онъ отослалъ въ Чигиринъ тринадцать большихъ шестиколесныхъ возовъ, нагруженныхъ дорогими вещами и деньгами [2]).

Слухъ о побѣдахъ Хмельницкаго скоро распространился по всей Южной Руси. Ставъ лагеремъ подъ Бѣлою-Церковью, Богданъ разослалъ повсюду универсалы, призывая народъ къ возстанію за поруганную вѣру и угнетенное отечество. Мятежъ вспыхнулъ не только по всей Малороссіи, но даже и въ Бѣлороссіи: всѣ спѣшили чѣмъ попало вооружиться и стать подъ знамена новаго вождя. „Какъ рѣки стекаются въ луга днѣпровскіе, говоритъ лѣтописецъ, такъ и народъ украинскій со всѣхъ городовъ и селъ прибываетъ къ Хмельницкому“. Только старые да малые оставались дома.

---

[1]) Пам. Кіев. комм., т. 1, отд. III, № 12; Лѣт. Величко, т. 1, стр. 304.
[2]) Лѣт. Самов.; Лѣт. Величко, т. 1, стр. 73—78.

Прошло уже 10 лѣтъ со времени послѣдняго козацкаго возстанія. Во все это время—время безусловной покорности народа своимъ господамъ—польскіе паны не сдѣлались не только милостивѣе къ крестьянамъ, но еще съ большимъ ожесточеніемъ и ненавистію стали преслѣдовать ихъ. „Самому послѣднему жиду на Украйнѣ, пишетъ лѣтописецъ, было лучше, чѣмъ первому русскому христіанину" [1]).

Безобразія уніи за этотъ періодъ достигли своего апогея: не оставалось, кажется, ни одной православной святыни, которую не опозорилъ бы или жидъ или полякъ. Что же дѣлалъ народъ въ это время? Чего онъ ожидалъ? Въ этотъ десятилѣтній періодъ рабства, говоритъ польскій историкъ Лелевель, все православное населеніе Польши находилось въ невыразимой истомѣ; могильное молчаніе Украины прерывалось криками мученія и стонами народа, который выжидалъ только случая, чтобы окончательно свергнуть ярмо неволи [2]).

Дѣйствительно народъ пассивно переносилъ свои страданія! Но всему бываетъ предѣлъ: мѣра долготерпѣнія угнетеннаго народа переполнилась. Силою обстоятельствъ онъ вынужденъ былъ сдѣлать выборъ между смертью и отчаянною борьбою противъ польскаго ига,—между гибелью съ позоромъ или гибелью со славою, какъ призывалъ Хмельницкій. Нечего уже говорить о томъ, что инстинктъ самосохраненія побудилъ народъ избрать послѣднее, стать подъ знамена Хмельницкаго и начать борьбу. Козацкія возстанія были и прежде: при Тарасѣ, Остраницѣ и др., но тѣ возстанія не могли считаться проявленіемъ глубокаго, полнаго сознанія угнетенными, отчаянности и ненормальности своего положенія, а потому они не были дѣломъ цѣлаго народа и мало имѣли успѣха, прекращаясь со смертію вождей. Далеко не такого характера было возстаніе 1648 г. По начину козаковъ и во главѣ Богдана Хмельницкаго поднялся на борьбу противъ поляковъ весь народъ, какъ одинъ человѣкъ. Это возстаніе нельзя считать мятежемъ, возбужденнымъ Хмельницкимъ или его агентами; оно не было такимъ

---

[1]) Лѣтопись „Самовидца".

[2]) Польск. Анархія... Павлищ., т. 1, стр. 140.

движеніемъ, которое могло остановиться отъ первой неудачи, отъ перваго противодѣйствія со стороны противниковъ: нѣтъ, это война на жизнь и смерть! Народъ возсталъ не изъ оскорбленнаго самолюбія, какъ говоритъ одинъ польскій писатель (Грабовскій), а за свои общественныя и человѣческія права. А потому напередъ можно было видѣть, что начавшаяся между Южной Русью и Польшею война не можетъ кончиться примиреніемъ посредствомъ договоровъ, взаимныхъ уступокъ, а напротивъ совершеннымъ разъединеніемъ и вѣчною враждою ихъ. Въ такомъ характерѣ настоящаго возстанія народа и заключалась главная сила, которою и долженъ былъ воспользоваться Хмельницкій для успѣшной борьбы за освобожденіе соотечественниковъ отъ панства.

Но помимо этой нравственной силы, южно-русскій народъ имѣлъ и громадныя матеріальныя средства. Крестьяне Южной Руси, особенно украинцы, съ малыхъ лѣтъ привыкли къ оружію и военной брани, защищая себя отъ постоянныхъ наѣздовъ татаръ. Стало-быть Хмельницкому не было надобности учить народъ военному искусству, раздавать ему оружіе и военные припасы — все это имѣлъ у себя каждый крестьянинъ. Изъ описанія Боклана видно, что между малороссами были всякаго рода мастера, которые приготовляли оружіе, порохъ и прочее.

Нечего уже говорить о козакахъ, которые могли поспорить съ самою лучшею польскою арміею, какъ въ храбрости и стойкости на войнѣ, такъ и въ знаніи военнаго дѣла. Въ случаѣ нужды любой старый козакъ могъ замѣнить и сотника и полковника, чего никакъ нельзя сказать о солдатахъ польской арміи, которые сейчасъ же обращались въ бѣгство, какъ только замѣчали отсутствіе въ строю своего начальника. Что касается до количества войска, которымъ могъ располагать Богданъ Хмельницкій, то оно, какъ увидимъ ниже, было очень значительно по тому времени. Польскіе паны говорили, что на Руси противъ одного польскаго солдата найдется тысяча человѣкъ. Но эти силы и средства, которыми располагалъ возставшій народъ въ борьбѣ за свою независимость, получаютъ еще большее значеніе, если бы мы обратили вниманіе на слабость въ этомъ отношеніи Польши. При той безурядицѣ, которая господствовала въ то время въ польскомъ

государствѣ, силы русскихъ были слишкомъ велики, чтобы поляки могли одолѣть ихъ. Правда, съ 1569 года Польша, если обращать вниманіе на внѣшность, была самою могущественною державою сѣверной Европы: она касалась съ одной стороны Балтійскаго, а съ другой Чернаго моря, съ запада Одера, а съ востока Днѣпра, слѣдовательно, заключала въ себѣ около $15^{1}/_{2}$ т. кв. миль пространства, густо населеннаго народомъ [1]). Но внутри Рѣчи Посполитой была полнѣйшая безурядица: крестьянинъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и страдалъ въ тяжкомъ рабствѣ, средняго крѣпкаго сословія, которое бы представляло значительную опору для государства, не было: жиды владѣли торговлею и промышленностію. Только дворянство польское, и собственно, высшая шляхта было знатно и достаточно сильно. „Историческая жизнь польская, говоритъ Кояловичъ, есть жизнь исключительно верхняго слоя поляковъ—верхняго не въ томъ смыслѣ, въ какомъ жизнь всего народа есть прежде всего жизнь всего лучшаго, сильнаго въ немъ, а въ смыслѣ самой дурной исключительности—въ смыслѣ шляхетства. Все, что было подъ этимъ шляхетствомъ, не имѣло жизни, было мертво и не участвовало въ польской исторіи. Между польскимъ шляхетствомъ и польскимъ народомъ едва видны даже связи народности и вѣры [2]). Такимъ образомъ могущество Польши было создано самою польскою аристократіею и могло поддерживаться только ею. Но ко времени Богдана Хмельницкаго польское дворянство было далеко уже не такимъ, какимъ прежде: оно выродилось и выжило, не будучи обновлено въ достаточной степени изъ низшихъ слоевъ. На сеймахъ, напр., депутаты занимались не дѣлами государственными, а болѣе личными дрязгами и интригами. Прежній патріотизмъ польскаго дворянства такъ упалъ, что оно въ самыя критическія минуты жизни своего отечества не могло отнестись добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, будучи занято мелкими личными распрями и раздорами. Прежняя храбрость поляковъ, приводившая въ изумленіе всякаго непріятеля, утрачена. Козаки говорили: „теперь уже не тѣ ляхи, которые

---

[1]) Zbiór Pamiętn. Niemc, т. III, стр. 11; Павл., т. I, стр. 28.
[2]) „Лекціи по истор. Юж. Руси“ стр. 11.

когда то бывали, которые били турокъ, татаръ и Москву, теперь уже нѣтъ ни Жолкѣвскихъ, ни Ходкевичей, ни Конецпольскихъ, а Тхоржевскіе [1]), да Заячевскіе [2]) только, дѣти, убранныя въ желѣзо, поумирали отъ страху, какъ увидѣли насъ".

Лѣность, изнѣженность, безмѣрная роскошь, мелочное самолюбіе, узкость интересовъ и неуваженіе къ королевской власти — вотъ черты, характеризующія польское дворянство эпохи Богдана Хмельницкаго. Павлищевъ, характеризуя польскую анархію въ 17 в. и неразлучную съ ней государственную неурядицу, говоритъ, что въ Рѣчи Посполитой верховная власть, представляемая сеймомъ, находится въ бездѣйствіи, республиканскій король—безъ власти, законы—безъ силы, казна—безъ денегъ, войско безъ жалованья и дисциплины.

Такимъ образомъ, Польша, при всемъ своемъ внѣшнемъ блескѣ и величіи, носила въ самой себѣ зародыши неизбѣжнаго паденія. Имѣя это въ виду, мнѣ кажется несправедливымъ мнѣніе г. Карпова, который говоритъ, что будто бы польское государство уничтожилъ Богданъ Хмельницкій [3]); съ уничтоженіемъ сотни тысячъ поляковъ не могло окончиться могущество Польши, какъ и свидѣтельствуютъ послѣдующія времена. Однако несомнѣнно, что при относительной слабости въ это время Рѣчи Посполитой, южно-русскій народъ имѣлъ у себя достаточно средствъ на успѣхъ въ своей борьбѣ съ поляками. Къ несчастію онъ вручилъ свои силы, свое спасеніе такому же пану, какимъ былъ на Украйнѣ Барабашъ, Адамъ Кисель и имъ подобные, противъ которыхъ собственно и поднято было возстаніе.

Когда исходъ корсунской битвы сдѣлался извѣстнымъ, православные возстали поголовно и горе было тѣмъ панамъ, которые не успѣли заранѣе убѣжать изъ Украйны. Народъ жестоко торжествовалъ свои побѣды: тысячи польскихъ пановъ съ ихъ семействами и имуществами сдѣлались жертвою его справедливой злобы. Ненависть ко всему польскому дошла до того, что гибли, говоритъ самовидецъ, и тѣ православные, которые „головы себѣ голили

---

[1]) Отъ слова „хорь"; [2]) — „заяцъ".

[3]) «Нач. Истор. дѣят. Б. Х.» Г. Карп., стр. 2.

по польски, чуприну пускаючи на верхъ головы". „Не было, восклицаетъ тотъ же лѣтописецъ, въ тотъ часъ милосердія межъ народомъ людскимъ: рѣдкій не омочилъ въ крови рукъ своихъ и не грабилъ чужаго добра" [1]).

Тѣ крестьяне, которые не шли въ станъ Хмельницкаго, составляли отдѣльные отряды, называвшіеся загонами и, выбравъ себѣ атамана, разоряли польскія помѣстья и жестоко расправлялись съ своими господами. Католическіе костелы преданы были грабежу и пламени, различныя святыни, находящіяся въ нихъ, подвергались самому гнусному поруганію [2]). Но особенно досталось, какъ отъ этихъ вольныхъ шаекъ, такъ и отъ казаковъ Хмельницкаго, жидамъ: щадить жида—было для русскихъ преступленіемъ. Если казаку попадался жидъ, то онъ говорилъ: „це жидъ, якъ его оставить живого, грѣхъ падетъ на душу, если не убью". Откупщиковъ-жидовъ мятежники рѣзали нàкрестъ, что называлось „карбовать", въ отмщеніе за то, что они писали мѣломъ кресты на освященныхъ хлѣбахъ, которые продавали православнымъ [3]).

Современникъ этихъ событій, іудейскій раввинъ, какъ передаетъ Н. И. Костомаровъ, извѣщая своихъ заграничныхъ единовѣрцевъ о постигшемъ народъ Божій несчастіи, утверждалъ, что число зарѣзанныхъ за это время евреевъ достигаетъ до 100 тыс., кромѣ погибшихъ отъ голода и жажды и потонувшихъ въ рѣкахъ во время бѣгства; такъ что, говоритъ онъ, въ русской землѣ не осталось ни одного еврея. И эту цифру нельзя считать преувеличенной, если обратить вниманіе на извѣстіе одного украинскаго лѣтописца, по которому, въ одномъ только мѣстечкѣ Баръ погибло жидовъ болѣе 15 тыс. [4]). Полковникъ Родакъ хвалился тѣмъ, что онъ одинъ замучилъ болѣе 40 тыс. жидовъ въ Стародубѣ, Кіевѣ и Черниговѣ.

О всѣхъ этихъ ужасахъ народной мести мы говорили съ тою цѣлью, чтобы показать, какой рѣзкій и небывалый характеръ получило народное возстаніе 1648 г. Вражда, обоюдная ненависть

---

[1]) Лѣтопись самовидца, 12—13.

[2]) Пам. Кiев. комм., т. I, отд. III, № 56.

[3]) Старина Малор. Запор., Сементов., стр. 3.

[4]) Лѣтопись Грябянки.

поляковъ и русскихъ, жестокости, которыми сопровождалось торжество побѣдителей надъ побѣжденными, ясно показывали Хмельницкому, что о примиреніи этихъ двухъ націй нельзя и помышлять: чтобы прекратить ужасную борьбу Руси и Польши необходимо было коренное измѣненіе ихъ взаимныхъ отношеній. Возставшій народъ требовалъ совершеннаго разъединенія съ своими угнетателями и полной независимости другъ отъ друга. „Пусть вамъ останется Польша, говорили казаки полякамъ, а Украйна пусть будетъ наша“.

Теперь спрашивается, что же дѣлалъ самъ Богданъ въ это время, когда войско польское было истреблено, предводители его взяты въ плѣнъ, военныя орудія у непріятеля отняты, паны выгнаны изъ Украйны, а народъ русскій такъ жестоко праздновалъ свои побѣды?

Расположившись лагеремъ подъ Бѣлой Церковью и разославши воззванія по всей Южной Руси, Хмельницкій, по выраженію лѣтописца, размышлялъ долго о томъ, „якимъ концомъ пѣснь ляхомъ начатую кончити“ [1]).

Вотъ когда уже начали, отчасти, сказываться коварный образъ дѣйствій Хмельницкаго и его дѣйствительное отношеніе къ народному дѣлу! Мы уже выше говорили, что онъ поднялъ возстаніе изъ-за личныхъ интересовъ и обратился къ народу единственно для того, чтобы воспользоваться его силами для удовлетворенія своей мести. Теперь Хмельницкій личную месть удовлетворилъ: онъ наказалъ враговъ своихъ, награбилъ себѣ богатства и далѣе не хотѣлъ продолжать начатыхъ дѣйствій потому, что у него не было программы. Если бы Богданъ былъ истинный вождь народа, хотя г. Карповъ и сравниваетъ его съ Вашингтономъ, [2]) выразитель его стремленій, если бы онъ боролся за освобожденіе своихъ соотечественниковъ отъ польскаго ига, то ему нечего было бы раздумывать и оставаться въ бездѣйствіи около двухъ мѣсяцевъ: программа дѣйствій должна была быть у него готова. Ему стоило только слушаться общаго голоса народа, который требовалъ идти

---

[1]) Ibid, стр. 48.

[2]) Критич. Обз. Источ., стр. 4.

*

въ Польшу и кончать ляховъ, чтобы обезпечить Украйнѣ независимость и свободу. Между тѣмъ Хмельницкій уже начинаетъ подумывать о примиреніи съ поляками, старается предъ ними оправдать свой вооруженный бунтъ, выставить себя невинною жертвою враговъ, старается щадить нѣкоторыхъ пановъ, словомъ, болѣе заботится о собственной судьбѣ, чѣмъ о народѣ. Такъ, напр., ставши подъ Корсунемъ въ іюнѣ 1648 г., онъ писалъ слѣдующее письмо къ пану Черному, слугѣ Станислава Любомирскаго, воеводы краковскаго. „Помня давнюю милость и благорасположеніе ясновельможнаго, его милости, пана воеводы краковскаго... мы готовы за такую доброжелательность оказать ему взаимную пріязнь. Предостерегаю вашу милость этимъ письмомъ, что какъ теперь у меня множество войска, то нельзя, чтобы между добрыми не было злыхъ. По деревнямъ пусть будутъ спокойны, люди пусть стекаются съ имуществомъ въ города, если живутъ недалеко отъ городовъ, а гдѣ далеко до города, тамъ пусть соединяются по деревнямъ большими толпами“ [1]). Князь Вишневецкій, писалъ Богданъ польскимъ панамъ, выставляя передъ ними свою благонамѣренность, былъ за Днѣпромъ, совершенно какъ бы у насъ за пазухою, но мы пропустили его безвредно, имѣя въ виду сохраненіе давней пріязни“ [2]). Но Вишневецкій впослѣдствіи жестоко отплатилъ за свою пощаду, если не Хмельницкому, то казакамъ, такъ что самъ Хмельницкій вскорѣ раскаялся въ своемъ поступкѣ.

Не только казаки удивлялись мирному расположенію Богдана, но и сами поляки и даже чужестранцы. Французъ Шевалье, бывшій въ то время секретаремъ французскаго посольства при польскомъ дворѣ, когда узналъ, что казацкій гетманъ послѣ своей корсунской побѣды надъ поляками, прекратилъ военныя дѣйствія, писалъ слѣдующее: „такой поступокъ Хмельницкаго при таковомъ состояніи, въ какомъ были его дѣла, удивилъ весь свѣтъ“ [3]).

Это прекращеніе военныхъ дѣйствій Хмельницкій сдѣлалъ по просьбѣ своего давняго пріятеля, брацлавскаго воеводы Адама

---

[1]) Памятн. Кіев. комм., т. I, отд. III, № 9.
[2]) Ibid., № 56.
[3]) „Лѣтоп. Повѣств.“, стр. 55; Крат. описаніе о каз. Симоновскаго, стр. 24.

Киселя; онъ даже сдѣлалъ болѣе: „Какъ скоро мои послы пріѣхали къ Хмельницкому, писалъ Кисель коронному канцлеру, то я тотчасъ получилъ извѣстіе, что Кривоносъ (одинъ изъ храбрѣйшихъ казацкихъ полковниковъ) взятъ на цѣпь и прикованъ къ пушкѣ за шею. Вся шляхта, сколько было ея въ плѣну у Кривоноса, выпущена и приказано татарамъ отрубить головы болѣе нежели сту разбойникамъ. Самъ Хмельницкій съ войскомъ, остановивши полки, отступилъ и ожидаетъ меня“ [1]).

Въ письмѣ къ панамъ коммисарамъ Богданъ говорилъ, что онъ никакого зла не замышлялъ противъ республики и для доказательства своего мирнаго расположенія приказалъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ поляковъ, которые находились въ казацкихъ полкахъ и просилъ назначить коммисаровъ для переговоровъ [2]).

Но эти переговоры не привели ни какимъ результатамъ: ни большинство польскихъ пановъ, ни казаки не обращали вниманія на переговоры. Панъ Вышневецкій свирѣпствовалъ на Украйнѣ: мучилъ людей, отсѣкалъ головы, сажалъ на колъ, а священникамъ православнымъ просверливалъ глаза буравомъ. „Либо казаковъ истребимъ, говорили поляки, либо насъ истребятъ; лучше намъ всѣмъ помереть, чѣмъ казакамъ — нашимъ хлопамъ — уступить“. Казаки тоже дѣлали надъ поляками. Самъ Хмельницкій видѣлъ, что польскіе паны его обманываютъ. Адамъ Кисель польскій коммисаръ, предлагая Хмельницкому начать переговоры о мирѣ, въ тоже время письменно обратился къ московскому правительству за помощью, чтобы совмѣстными силами наказать этотъ буйный казацкій народъ. Письмо это попалось въ руки Богдана. Можно ли было послѣ этого довѣряться различнымъ договорамъ съ поляками и не понять ихъ настоящихъ намѣреній?

Къ счастью народъ скоро прослышалъ о мирныхъ замыслахъ своего вождя и поднялъ противъ него сильный ропотъ. Хмельницкій, зная изъ примѣровъ прежнихъ возстаній, какъ жестоко расправлялись казаки съ тѣми своими предводителями, которые не отвѣчали общимъ желаніямъ, принужденъ былъ уступить на-

---

[1]) Памят. Кіев. комм., т. I, отд. III, стр. 209.
[2]) Ibid, № 39.

роду, т. е. прервать переговоры съ ляхами и идти въ глубь Польши.

Но Богданъ не охотно велъ теперь свои полчища. Одержавши новую блестящую побѣду надъ поляками при рѣкѣ Пилявкѣ и взявши богатый окупъ со Львова и себѣ подарокъ въ 20 тысячъ золотыхъ, Хмельницкій остановился подъ Замостьемъ и снова впалъ въ бездѣйствіе, не смотря на негодованіе цѣлаго войска [1]).

Полковники, какъ передаетъ польскій лѣтописецъ, сильно роптали на Хмельницкаго и упрекали его въ томъ, что онъ не энергично дѣйствуетъ противъ крѣпости: „вотъ какъ распился нашъ гетманъ, что ни о чемъ не думаетъ“ говорили они. Но въ особенности кричалъ на гетмана обозный Чернота: „бѣда намъ, что нашъ панъ гетманъ началъ потворять полякамъ, ведетъ съ ними тайныя сношенія и обманываетъ войско“.

Не любо было, замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ, выслушивать это Хмельницкому, ибо Чернота былъ не только отъявленнымъ врагомъ поляковъ, но и главнымъ противникомъ самаго гетмана [2]).

Эти укоры, соединенные съ угрозами, подѣйствовали на Богдана и онъ приказалъ готовиться къ приступу. Но гетманъ умышленно устроилъ такой приступъ, что изъ онаго не вышло ничего, кромѣ гибели нѣсколькихъ сотъ казаковъ. Онъ приказалъ полковникамъ выбрать изъ войска массу крестьянъ, которые громче другихъ выражали свое негодованіе на его бездѣйствіе, мало опытныхъ въ войнѣ, неумѣющихъ хорошо владѣть оружіемъ, чтобы послать ихъ на убой въ передовой линіи. Предварительно гетманъ выкатилъ имъ нѣсколько бочекъ горѣлки, потомъ загналъ всѣхъ въ гуляй-городыну и заперъ ее рогатками, а позади поставилъ старыхъ казаковъ, приказавъ имъ подгонять лѣнивыхъ и даже колоть, если они попятятся назадъ. Понятно, что такой приступъ не могъ привести вреда крѣпости. Запертые въ машинѣ скоро почувствовали неудобство своего положенія отъ частыхъ выстрѣловъ изъ ружей и пушекъ со стороны осажденныхъ; они бросили гуляй-городыну и силой прорвались сквозь задніе ряды казаковъ и привели по-

---

[1]) Лѣтоп. самовидца; Лѣт. Гряб. 59.

[2]) Pamiętniki do panow..., ч. II, стр. 36.

слѣднихъ въ разстройство. Въ то же время Чернота съ своими казаками зашелъ съ другой стороны и ударилъ на крѣпость. Онъ уже занялъ было валъ окружавшій Замостье, но Хмельницкій не далъ ему никакихъ подкрѣпленій и храбрый казакъ, раненый въ ногу, принужденъ былъ удалиться отъ крѣпости. Такъ кончился этотъ знаменитый приступъ; но казаки послѣ этого ужъ не осмѣливались требовать отъ своего гетмана новыхъ нападеній на крѣпость.

Между тѣмъ поляки, послѣ смерти Владислава, избрали новаго короля Яна Казимира. Хмельницкій, чтобы имѣть какой нибудь предлогъ прекратить непріязненныя дѣйствія противъ поляковъ, высказывалъ особенное удовольствіе по поводу этого избранія и распространялъ слухъ между своимъ войскомъ, что Казимиръ избранъ по настоянію казацкихъ депутатовъ. Новый король прислалъ Богдану приказаніе остановить военныя дѣйствія и ожидать для переговоровъ коммисаровъ. И вотъ Хмельницкій снова оставляетъ Польшу и удаляется въ Украйну, не забывъ, впрочемъ, взять въ свою пользу съ осажденныхъ жителей Замостья до 20 тыс. золотыхъ [1]).

Польскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что Выговскій тайно совѣтывалъ Хмельницкому не двигаться въ глубь Польши подъ тѣмъ предлогомъ, что будто войску нужно отдохнуть [2]).

Теперь негодованіе войска на Богдана росло съ каждымъ днемъ; народъ инстинктивно угадывалъ, что гетманъ измѣняетъ ему, обманываетъ его. Еще болѣе Хмельницкій потерялъ авторитетъ въ глазахъ народа, когда татары, негодуя на возвращеніе изъ Польши, гдѣ они надѣялись получить богатую добычу, и желая наверстать свое, начали грабить украинцевъ и тысячами отводить ихъ въ плѣнъ.

Теперь спрашивается, чѣмъ руководился гетманъ, прекращая военныя дѣйствія противъ поляковъ во время самаго разгара народнаго возстанія, когда однимъ рѣшительнымъ ударомъ можно было покончить навсегда съ притязаніями враговъ на Малороссію?

---

[1]) Богд. Хм.; Запор. Стар. И. Срезн., ч. II, стр. 30.

[2]) Pamiętniki do panow...., ч. II, стр. 29.

Или онъ не надѣялся на силы народа, не вѣрилъ, что этотъ народъ можетъ довести начатое имъ дѣло освобожденія отечества до желаннаго конца?

Почти по единогласному свидѣтельству польскихъ и украинскихъ лѣтописцевъ, средства, которыми располагалъ Хмельницкій въ борбѣ съ Польшей были слишкомъ велики. По замѣчанію Пасторія, войско Богдана Хмельницкаго было въ это время столь велико, что подобнаго Европа не видала со временъ гунновъ и Тамерлана [1]). Одной конницы у него было до 180 тыс. Адамъ Кисель писалъ къ одному епископу, что Хмельницкій (когда онъ стоялъ еще подъ Бѣлой Церковью) имѣетъ до 100 тыс. войска, а скоро будетъ имѣть вдвое больше, такъ что противъ одного поляка будетъ тысяча казаковъ [2]).

Понятно, что поляки могли преувеличивать силы враговъ, чтобы оправдать свои постыдныя пораженія, а слѣдовательно имъ можно и не вѣрить. Но подобныя же свидѣтельства о численности казацкой арміи мы находимъ и у русскихъ лѣтописцевъ. По сказанію самовидца, у Хмельницкаго, когда онъ велъ переговоры о мирѣ съ коммисарами, присланными Казиміромъ, было до 22 полковъ, „въ которыхъ незличоная личба войска была; иншій полкъ мѣлъ казацства тысячь больше 20: що село то сотникъ, а иная сотня мѣла люду тысячу“ [3]).

Московскій гонецъ сообщилъ своему правительству, что у Хмельницкаго въ это время было до 150 т. войска [4]).

Но это такъ сказать болѣе или мѣнѣе регулярная армія, а сколько было еще вольнаго, гайдамацкаго войска! По свидѣтельству современника гайдамацкихъ загоновъ было „безъ личь“, а въ иномъ такомъ загонѣ насчитывалось до 5 и даже до 10 тыс. [5]). Эти партизанскія войска приносили съ собою ужасъ всюду, гдѣ только появлялись: одно упоминаніе именъ ихъ предводителей, вродѣ Морозенко, Худорбая, Гладкаго, и др., приводило въ тре-

---

[1]) Исторія Мал. Р. Б. Каменск., стр. 46.

[2]) Пам. Кіев. Комм., т. I, отд. III, №№ 34, 35, 40.

[3]) Лѣт. „Самовидца“, стр. 20.

[4]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 225.

[5]) Пам. Кіев. К., т. I, отд. III, № 7.

петъ поляковъ и заставляло ихъ бѣжать въ глубь Польши, что называется, сломя голову. Храбрость гайдамаковъ и стойкость ихъ въ сраженіи, дѣйствительно, удивительны: сами поляки сознавались, что нѣсколько сотъ гайдамаковъ успѣшно могли выдержать натискъ цѣлыхъ тысячъ польскаго войска [1]. „Чи умрешь, чи повыснешь—усе одынъ разъ мати родила", говорили въ критическихъ случаяхъ гайдамаки и съ отчаянною храбростію бросались въ битву со врагомъ, превосходящимъ ихъ вдесятеро.

Вотъ какія силы выдвинулъ народъ для борьбы съ поляками за свое освобожденіе! Да еще нужно прибавить къ этому огромныя татарскія полчища, присланныя на помощь Хмельницкому крымскимъ ханомъ.

Польша, между тѣмъ, послѣ желтоводскаго, корсунскаго и полявецкаго пораженій лишилась лучшей части своихъ армій, а оставшееся войско упало духомъ и было въ высшей степени деморализовано. Это доказало послѣднее полявецкое дѣло. Когда польское войско остановилось при рѣкѣ Полявкѣ, то численность его доходила до 60 тысячъ. Но что это была за армія?! Неповиновеніе своимъ начальникамъ, самонадѣянность на словахъ, трусость на дѣлѣ—характерныя ея черты. По сказанію украинскаго лѣтописца, поляки вышли не какъ на войну, а будто на какой нибудь банкетъ: въ польскомъ лагерѣ было больше серебра, чѣмъ свинцу и гораздо болѣе слугъ, чѣмъ воиновъ [2]. Изъ обоза одинъ полякъ писалъ: коммисаровъ у насъ множество, а толку мало; нѣтъ никакой субординаціи между вождями; каждый дѣлаетъ по своему; нѣкоторые отряды уже отказываются отъ службы и торопятся назадъ домой. Но гдѣ бываетъ старшихъ много, замѣчаетъ лѣтописецъ, тамъ воинству нездорово [3]. И правда, едва только разнесся слухъ о татарахъ, пришедшихъ на помощь казакамъ, какъ польское войско, бросивъ въ добычу послѣднимъ до 100 т. возовъ, нагруженныхъ панскимъ добромъ, бѣжало, по замѣчанію одного польскаго писателя, что было духу за Вислу и даль-

[1]) Записки о Юж. Р. Кулиша, т. 2.

[2]) Лѣт. Гряб., стр. 56; Pamiętniki do panow..., ч. II, стр. 12.

[3]) Пам. Кіев. Комм., т. I, отд. III, № 52; Лѣт. Гряб., стр. 50.

ше; весь станъ подъ Пилявцами былъ уничтоженъ, а тѣ, которые остались въ живыхъ, не знали куда бѣжать[1]). Но, чтобы еще точнѣе опредѣлить превосходство силъ и средствъ, находившихся въ распоряженіи Хмельницкаго, нужно принять во вниманіе то, что полякамъ приходилось вести войну, какъ бы въ чужой странѣ; они находили вездѣ коварство и измѣну со стороны населенія, а казаки напротивъ помощь и преданность. Еще въ началѣ казацкаго возстанія паны говорили, что не было деревни на Украйнѣ, гдѣ бы не таился огонь возстанія, гдѣ бы не скрывалась измѣна и вѣроломство: каждый хлопъ есть нашъ непріятель, каждый городъ, каждое селеніе мы должны считать отрядомъ непріятельскимъ. Въ письмѣ пана Чернаго къ коронному канцлеру сказано: „у князя Вишневецкаго находится 8 т. войска, но онъ ему не довѣряетъ, потому что то—Русь“ [2]). „Трудно достать шпіона между Русью; все измѣнники, а ежели добудутъ языка, то хоть жги, правды не скажутъ“. А Хмельницкій между тѣмъ знаетъ все, что дѣлается въ Польшѣ и постоянно получаетъ извѣстія о силахъ и движеніяхъ польскаго войска [3]).

Его армія находила себѣ вездѣ нравственную и матеріальную поддержку; польскія же войска считались непріятелемъ не только въ чужой странѣ, но даже и въ той, за которую они сражались, потому что они оскорбляли честь жителей и грабили имущество всякаго населенія той мѣстности, въ которой жили, или по которой только проходили. Албертъ Станиславъ Радзивиллъ такъ описываетъ возвращеніе польскаго войска изъ московскаго похода 1634 г.: „весело возвращалось наше войско въ отечество, но отечество не весело его принимало, ибо жолнеры хуже непріятеля; на походѣ они опустошали шляхетскія, духовныя и королевскія имѣнія, вынуждали силой деньги, требовали провіанта, нагружали свои возы и доходили до такой жестокости, что за недостаткомъ лошадей запрягали въ возы бѣдныхъ мужиковъ и погоняли ихъ кіями и

---

[1]) Starożytnosci historyczne polskie... Grabowski, т. I, стр. 156; Pamiętniki do panow, т. II, стр. 20.

[2]) Пам. Кіев. Комм., т. I, отд. III, стр. 26.

[3]) Ibid, стр. 406, 438.

арапниками. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско, да и дикіе татары милосерднѣе къ ближнему, нежели наши [1]).

Понятно, что и въ настоящую войну характеръ польскихъ жолнеровъ не измѣнился, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ сами ихъ начальники; они остались такими же разбойниками, какъ и въ прежнее время. Народъ съ ужасомъ ожидалъ ихъ прихода и съ великою радостью провожалъ ихъ; такъ что вступленіе въ какую либо мѣстность казацкихъ войскъ послѣ польскихъ было благодѣяніемъ для населенія. Вотъ почему и неудивительно, что жители многихъ городовъ сами отворяли ворота Хмельницкому, не ожидая его приступовъ, лишь бы избавиться отъ квартированія польскихъ солдатъ. Къ этой невыгодной сторонѣ польской арміи слѣдуетъ прибавить дезертирство, дошедшее въ послѣднее время до крайнихъ предѣловъ вслѣдствіе того, что солдаты по нѣскольку мѣсяцевъ почти не получали жалованья; притомъ бѣжали изъ лагеря не только простые солдаты, но даже сами польскіе паны. Вообще военныя силы и финансы находились въ Польшѣ въ то время въ самомъ жалкомъ состояніи.

До сихъ поръ мы говорили о преимуществѣ Малороссіи предъ Польшей по отношенію къ ихъ внутреннимъ силамъ, но чтобы вполнѣ понять, на чьей сторонѣ было больше шансовъ на успѣхъ, мы должны обратить вниманіе и на ихъ внѣшнее положеніе. На Польшу всѣ сосѣди ея смотрѣли съ завистью и негодованіемъ и потому вполнѣ сочувствовали успѣхамъ казаковъ. Въ іюлѣ 1648 г., вскорѣ послѣ корсунскаго пораженія, польское правительство жаловалось турецкому визирю на поведеніе крымскаго хана. „Извѣщаемъ вашу свѣтлость и вмѣстѣ съ тѣмъ смиренно жалуемся вашему величеству, что нынѣшній ханъ крымскій безъ всякой съ нашей стороны обиды и въ противность договорамъ послалъ большую толпу татаръ въ предѣлы польскаго королевства; напалъ на небольшой отрядъ войска, наблюдавшаго за движеніемъ казаковъ, намѣревающихся вторгнуться въ турецкія владѣнія, захватилъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ военачальниками, которые не ожидали отъ

---

[1]) „Исторія Возс. Р.“ Кулишъ, т. 2, стр. 360.

татаръ ничего непріязненнаго. По сему усердно просимъ вашу свѣтлость лишить хана, какъ непокорнаго, власти и низвергнуть съ занимаемой имъ степени" [1]). Но на это полное униженія и смиренія письмо, изъ Константинополя послѣдовалъ слишкомъ рѣзкій отвѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ подлинное письмо великаго визиря къ коронному канцлеру. „Ханъ крымскій, писалъ визирь, вассалъ турецкаго султана и безъ его позволенія не можетъ вторгаться во владѣнія польскаго короля. Но такъ какъ король въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не платитъ хану дани, какую слѣдуетъ давать по договору, недавно между нами заключенному (1646 г.), и не удерживаетъ казаковъ отъ нападеній на Черное море, то мы приказали ему, чтобы онъ въ польское панство впалъ и опустошилъ" [2]). Швеція тоже не была расположена къ Польшѣ и при первомъ удобномъ случаѣ могла сдѣлаться открытымъ ея врагомъ.

Когда Хмельницкій изъ подъ Замостья возвратился на Украйну, то къ нему прибыли многіе иностранные послы, чтобы поздравить его съ побѣдами и засвидѣтельствовать о дружескомъ расположеніи къ нему своихъ правительствъ. Могущественный турецкій султанъ, крымскій ханъ — повелитель безчисленныхъ татарскихъ ордъ, трансильванскій князь Юрій Рагоци, предлагали Хмельницкому тайный союзъ, чтобы общими силами напасть на Польшу и разгромить ее. Прислали пословъ къ Хмельницкому господари — молдавскій и валахскій, тоже съ предложеніемъ дружбы и подарками. Наконецъ прибылъ и посолъ московскаго царя, Алексѣя Михайловича; онъ привезъ въ подарокъ гетману мѣха и засвидѣтельствовалъ ласковое слово отъ своего государя, а главное пожелалъ казакамъ успѣха въ борьбѣ съ Польшей [3]).

Вообще, въ какомъ критическомъ положеніи находилась Польша послѣ пилявскаго пораженія, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ сами поляки. Напр. тогдашній польскій сенаторъ Радзивиллъ

---

[1]) Пам. Кіев. Комм. т. I, отд. III, № 21.

[2]) Польская Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Турц.", св. 20 подъ 1648 г.

[3]) Pamiętniki do panow..., ч. II, стр. 48; Памят. Кіев. к., т. I, отд. III, №№ 57, 70.

въ своемъ дневникѣ разсказываетъ, что и въ самой Варшавѣ чернь готовилась подняться противъ шляхты по казацки и что еслибы хотя одинъ казацкій полкъ появился въ то время на берегахъ Вислы, то всѣ вельможные паны побѣжали бы изъ Варшавы опрометью [1]).

Итакъ, въ борьбѣ Малороссіи съ Польшей всѣ шансы на успѣхъ были на сторонѣ первой. Все было въ пользу казаковъ, все благопріятствовало Малороссіи освободиться отъ польскаго ига и начать новую, самостоятельную жизнь: нуженъ былъ только разумный вождь и притомъ чувствующій такъ, какъ и самъ народъ.

Чѣмъ же теперь объяснить поведеніе прославленнаго Богдана, который, вопреки единодушному желанію всего войска, отказался нанести рѣшительный ударъ господству Польши и началъ вести переговоры о примиреніи.

„Всѣ поступки Хмельницкаго со дня пилявской битвы, говоритъ Н. И. Костомаровъ, казались неразгаданными....... гетманъ былъ очень грустенъ и что-то странное явилось въ его характерѣ“. Дѣйствительно, послѣдніе поступки Богдана должны казаться намъ непонятными и непослѣдовательными, если мы будемъ смотрѣть на него, какъ на народнаго дѣятеля, на представителя народныхъ интересовъ и, наконецъ, какъ на человѣка, борющагося за независимость своего отечества и съ этою цѣлію начавшаго возстаніе. Но мы уже говорили, что Хмельницкій поднялъ возстаніе изъ личной мести и связалъ свое дѣло съ народнымъ только изъ личныхъ разсчетовъ—ради средствъ. Это ясно видно даже изъ его собственнаго признанія. Возвратившись изъ подъ Замостья на Украйну, онъ такъ говоритъ польскимъ коммисарамъ. „Напрасно толковать! Много было времени вести переговоры со мною, когда Потоцкіе искали и преслѣдовали меня на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ; было также время послѣ желтоводскаго и корсунскаго сраженій, при Пилявцахъ и подъ Замостьемъ и даже тогда, когда изъ Замостья я шелъ шесть недѣль въ Кіевъ. Теперь уже не время: мнѣ удалось сдѣлать то, о чемъ я не по-

---

[1]) Пам. К. ком., т. I, отд. III, №№ 33, 34 и др.; „Ист. В. Р.“ т. II, стр. 11.

мышлялъ, а послѣ окажется, что я замыслилъ. Я исторгну весь русскій народъ изъ польской неволи. Прежде я воевалъ за причиненный мнѣ вредъ и за свою обиду, теперь (только теперь!) пойду сражаться за нашу православную вѣру. Вся чернь по Люблинъ и Краковъ будетъ помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я своихъ единовѣрцевъ не могу оставить" [1]).

Послѣднія слова Хмельницкаго были неискренни: онъ сказалъ ихъ для того, чтобы замаскировать предъ народомъ свои настоящія стремленія, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько ниже, и тѣмъ избавиться отъ его угрожающей злобы. Поэтому историки ошибаются, видя въ отношеніяхъ Богдана къ народному дѣлу какую-то рѣзкую перемѣну, какую-то двойственность въ его дѣйствіяхъ. Напротивъ, какъ до начала возстанія, такъ и теперь онъ остался вѣренъ самому себѣ и своимъ симпатіямъ къ польскимъ порядкамъ и не желалъ наносить послѣднимъ рѣшительнаго удара. Даже друзья и совѣтники Богдана были и теперь такія же лица, какъ и прежде. „Скажи, кто твои друзья, говоритъ пословица, и тебѣ скажутъ, кто ты." Эта пословица слишкомъ справедлива въ приложеніи къ Хмельницкому. Мы знаемъ его пріятеля и кума, съ которымъ онъ жилъ душа въ душу, еще будучи чигиринскимъ сотникомъ. Это извѣстный Барабашъ. О немъ казаки всегда отзывались, какъ о теплѣйшемъ пріятелѣ ляхамъ. Украинская лѣтопись характеризуетъ Барабаша высокомѣрнымъ, подлымъ и корыстолюбивымъ человѣкомъ: „онъ всегда помогалъ полякамъ утѣснять поборами казаковъ, помогалъ іезуитамъ и уніатамъ обращать ихъ въ унію, помогалъ жидамъ угнетать селянъ; жажда корысти вела его ко всему и на все" [2]). Вотъ съ этимъ то человѣкомъ Хмельницкій находился въ тѣсной дружбѣ и вмѣстѣ съ нимъ подъ покровительствомъ польскихъ порядковъ обиралъ своихъ соотечественниковъ, какъ признавался самъ Барабашъ. Затѣмъ въ продолженіи всего возстанія самымъ близкимъ другомъ и совѣтникомъ Богдана былъ Иванъ Выговскій, взятый въ плѣнъ при Желтыхъ-Водахъ. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ и другомъ всѣхъ казацкихъ старшинъ, но не другомъ

---

[1]) Пам. Кіев. К., т. 1, отд. III, стр. 332.

[2]) Лѣт. Величко, т. 1, стр. 61; Запор. Стар., стр. 5.

чести и совѣсти [1]). Объ этомъ пріятелѣ Хмельницкаго Величко замѣчаетъ, что „онъ породою шляхти русской, но ради суетія временнаго и благополучія сегосвѣтнаго единаго духа былъ съ поляками“ [2]). Богданъ Хмельницкій, конечно, не могъ не знать взглядовъ и убѣжденій Выговскаго и тѣмъ не менѣе приблизилъ его къ себѣ, руководился его совѣтами и затѣмъ указывалъ на него народу, какъ на своего преемника. Выговскій остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ; онъ не переставалъ питать привязанность къ Польшѣ и кончилъ свою роль, какъ извѣстно, тѣмъ, что измѣнилъ Москвѣ и предалъ Украину снова полякамъ. Мнѣ кажется, что Богданъ мало чѣмъ отличался отъ своихъ друзей: ихъ идеалы и интересы вполнѣ совпадали. Имѣя это въ виду, намъ нечего удивляться направленію дѣйствій казацкаго вождя: онъ былъ рабомъ польскихъ понятій и польскихъ общественныхъ привычекъ и безъ особенной нужды не хотѣлъ измѣнять имъ.

Послѣ пилявской побѣды гетманъ имѣлъ искреннее намѣреніе примириться съ поляками и согласился на переговоры, не смотря на негодованіе всего войска. Но казаки во чтобы то ни стало старались помѣшать этимъ переговорамъ: польскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что они старались такъ обидѣть коммисаровъ, чтобъ послѣдніе сами уѣхали безъ договора [3]). Еще во время пути, польскимъ коммиссарамъ пришлось перенести отъ русскихъ множество оскорбленій: народъ бранилъ ихъ, насмѣхался надъ ними, дѣлалъ разныя угрозы и старался затруднять имъ путь. Коммисарамъ стоило большаго труда добывать кормъ для своихъ лошадей: если русскій продавалъ имъ что-нибудь, то только по очень высокой цѣнѣ. Когда же коммисары подали Хмельницкому отъ короля грамоту и знаки гетманскаго достоинства, то казаки сердито закричали: „зачѣмъ вы, ляхи, принесли намъ эти цацки отъ короля? чтобы чрезъ нихъ снова наложить на насъ ярмо; пусть сгинутъ тѣ сладкіе дары; не словами, а оружіемъ мы должны рѣшить споръ (certówac)! Имѣйте вы себѣ Польшу, а Украи-

---

[1]) Ibid, стр. 53.

[2]) Лѣт. Величко, т. 1, стр. 303.

[3]) Pamiętniki do panow, ч. II, стр. 51.

на пусть остается казакамъ“ [1]). Въ этихъ словахъ, совершенно справедливо замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, вполнѣ высказался народный взглядъ, не хотѣвшій имѣть никакихъ сдѣлокъ съ своими прежними панами и стремившійся къ окончательному разрыву съ Польшей. Тѣмъ не менѣе Хмельницкій съ благодарностью принялъ эти знаки королевской милости и съ сердцемъ оставилъ народный ропотъ. Но тутъ же Богданъ убѣдился, что съ народомъ шутить нельзя и потому волей неволей долженъ былъ отказать польскимъ коммисарамъ, требовавшимъ немедленнаго заключенія мира, и согласился только на перемиріе. На прощанье Хмельницкій говорилъ полякамъ, что онъ и радъ былъ бы исполнить волю короля относительно мира, но это не отъ него зависитъ. Чернь до того разсвирѣпѣла, что рѣшилась или истребить шляхту, или погибнуть.

Новыя военныя дѣйствія были неизбѣжны. Какъ только началась весна 1649 г., Хмельницкій и поляки уже двигали свои войска къ границамъ. Хмельницкій по прежнему имѣлъ громадную армію; вся степная удаль юга Россіи присоединилась къ казацкому вождю, надѣясь разгромить богатую Польшу и поживиться ея добромъ. „Армія казацкая въ это время была такъ многочисленна, замѣчаютъ лѣтописцы, что равной не было со временъ браней Аттилы и Тамерлана, а сверхъ сего самъ ханъ персонально со всею своею ордою присутствовалъ съ желаніемъ пожерти цѣлое польское королевство“ [2]).

30 іюля 1649 года Хмельницкій осадилъ польское войско подъ Збаражемъ. Поляки успѣли собрать слишкомъ незначительную армію. Изъ польскаго лагеря писали королю, „что войска годнаго къ бою собралось только 6 тысячъ, хотя по списку, посланному отъ вашей королевской милости, войско должно бы состоять изъ 10 т. человѣкъ“. Войско постоянно домогается денегъ, писали изъ подъ Збаража къ канцлеру; не только рекруты, но и товарищество оставляютъ хоругви, такъ что въ иныхъ отрядахъ находится на лицо не болѣе половины людей и даже менѣе; въ лошадяхъ—не-

---

[1]) Ibid, стр. 50; Лѣт. Гряб. 64.

[2]) Краткое опис. о каз., стр. 27; „Лѣт. Повѣств.“ 57—58.

достатокъ, а купить не на что [1]). Эта армія была слишкомъ незначительна, чтобы вступить въ открытый бой съ многочисленными силами казаковъ и татаръ, а потому поляки, окопавшись искусно валомъ, принуждены были только обороняться. Скоро у осажденныхъ обнаружился ужасный голодъ; по свидѣтельству украинскихъ лѣтописцевъ поляки ѣли падаль, собакъ, кошекъ и т. п. [2]) Польскому войску грозила неминуемая гибель, еслибы Хмельницкій дѣйствовалъ энергично.

На выручку осажденныхъ шелъ самъ король съ посполитымъ рушеньемъ. Нужно замѣтить, что посполитое рушенье собиралось въ Польшѣ только тогда, когда королевству грозила чрезвычайная опасность: въ это время на войну должны были идти почти всѣ способные сражаться. И при всемъ томъ Казимиръ могъ собрать такую незначительную армію, что она никоимъ образомъ не могла спасти осажденныхъ отъ гибели; у короля было не болѣе 20 тыс. войска; большинство посполитыхъ, не смотря на приказаніе, неявилось въ лагерь. Казаки скоро провѣдали о приближеніи этой вспомогательной арміи и рѣшились отрѣзать ее отъ Збаража и преградить ей возможность отступленія въ глубь Польши. Хмельницкій, оставивши подъ Збаражемъ громадную армію, двинулся на встрѣчу королю съ 60 т. татаръ и 80 т. казаковъ. Еще не успѣлъ Казимиръ войти въ Зборовъ, отстоящій только на нѣсколько верстъ отъ Збаража, какъ былъ аттакованъ со всѣхъ сторонъ казаками и татарами. Одинъ полякъ изъ королевскаго лагеря въ самый день сраженія писалъ къ королевичу Карлу: „мы не имѣли никакихъ свѣдѣній о Хмельницкомъ, хотя онъ кочевалъ отъ насъ всего на полмили, посылались разъѣзды, но они доносили, что близко не видно никакого непріятеля“[3]). Въ воскресенье, 15 августа, завязался ужасный, неравный бой: союзная армія въ нѣсколько разъ была многочисленнѣе польской.

---

[1]) Starożytnosci. Grabowski, т. I, стр. 254; Памят. Кіев. ком., т. I, отд. III, стр. 70.

[2]) Лѣтопись „Самовидца“, стр. 16; Лѣт. Гряб., стр. 70.

[3]) Starożytnosci..... Grabowski, стр. 261.

Какъ поляки, такъ и казаки сражались съ ожесточеніемъ. Но уже къ вечеру этого дня, король увидѣлъ, что значительная часть его арміи была истреблена непріятелемъ, и продолжать сраженіе не было никакой возможности. Тогда онъ по совѣту своихъ приближенныхъ рѣшился во что бы то ни стало отвлечь хана отъ казаковъ и съ этою цѣлію написалъ ему письмо, въ которомъ предлагалъ свою дружбу [1]). Исламъ-Гирей склонился на просьбу короля и изъявилъ готовность вступить въ переговоры. Трудно допустить, чтобы ханъ сдѣлалъ это измѣннически безъ вѣдома и согласія Хмельницкаго. Разгромить богатую Польшу для татаръ было гораздо выгоднѣе, чѣмъ заключить какой бы то ни было договоръ съ нею. Самовидецъ говоритъ, что Хмельницкій самъ пожелалъ прекратить сраженіе и съ тою именно цѣлію, чтобы монархъ христіанскій недостался въ неволю бусурманскую и это извѣстіе современника и очевидца достойно вѣроятія. На основаніи этого болѣе будетъ вѣроятнымъ то, что самъ Богданъ убѣдилъ крымскаго хана вступить въ переговоры, нежели то, что послѣдній, какъ передаютъ историки, заставилъ Хмельницкаго повиноваться своей власти. Хмельницкому было довольно и однихъ своихъ силъ, чтобы покончить съ ляхами. Но онъ, какъ мы выше говорили, началъ новыя военныя дѣйствія, только по требованію народа и потому, когда увидѣлъ, что поляки находятся на краю гибели, то рѣшился не допустить полнаго торжества хлоповъ и татаръ надъ панами и ихъ главою — королемъ.

Нуженъ былъ только предлогъ, который, хотя бы только формально, оправдывалъ его поступокъ въ глазахъ казаковъ и ихъ союзниковъ. Письмо Казимира къ Исламъ-Гирею явилось въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе кстати. Богданъ посовѣтовалъ хану начать съ королемъ переговоры, а самъ объявилъ казакамъ, что татары мирятся съ поляками, а потому и имъ нужно такъ поступить. Нѣкоторыя другія обстоятельства подтверждаютъ это предположеніе.

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. I, отд. III, № 81.

Письмо Казимира къ хану было прислано 15 августа, т. е. въ первый день битвы. Есть свидѣтельство, что ханъ сначала не отвѣчалъ на письмо короля и въ слѣдующій день съ утра началась снова жестокая битва [1]). „Хмельницкій приказывалъ своему воинству, говоритъ лѣтописецъ, чтобъ никто, во время сраженія, не дерзалъ поднять убійственной руки на короля и прикасаться къ нему, какъ священной особѣ". Поляки были разбиты на всѣхъ пунктахъ; самъ король былъ окруженъ казаками, его стража была разсѣяна. „Чуть было не возвратилось пораженіе подъ Варною, восклицаетъ одинъ полякъ, чуть не возвратились бѣдствія, причиненныя двѣнадцатинедѣльнымъ пребываніемъ Батыя, хана татарскаго въ Краковѣ. Уже на волоскѣ держалось спасеніе всего войска [2]). Но въ эту критическую и рѣшительную минуту казацкій гетманъ закричалъ „згода" и сраженіе прекратилось.

Вслѣдъ затѣмъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, въ польскій лагерь явился татаринъ съ поклономъ отъ своего государя и принесъ письма къ королю отъ хана и Хмельницкаго [3]). Такимъ образомъ письмо Казимира къ хану отъ 15 августа не имѣло того значенія, какое ему приписываютъ; оно не предупредило страшной и рѣшительной битвы 16 августа; прекратилъ сраженіе не Исламъ-Гирей, а самъ Богданъ Хмельницкій. Самая переписка этого дня между ханомъ, королемъ и гетманомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Исламъ-Гирей не думалъ измѣнять казакамъ.

„Милостію Божіею, счастливый, милосердый, наияснѣйшій Исламъ-Гирей Ханъ любезному брату своему желаетъ мира и добраго здоровья. Прежде всего: какъ ваша королевская милость поживаетъ— хорошо или дурно? Я желаю вашей королевской милости предбудущія лѣта благополучно царствовать въ счастьи и здоровьи. Мы получили дружеское письмо вашей королевской милости о нѣкоторыхъ дѣлахъ, давно минувшихъ и касающихся пріятельскихъ отношеній. Ваша королевская милость писали о нѣкоторыхъ подаркахъ въ одномъ, но вѣрномъ словѣ. Мы удивляемся одна-

---

[1]) „Лѣтопис. Повѣствов.", стр. 65.

[2]) Starożytnosci.... Grabow., стр. 263.

[3]) „Богданъ Хмельн.", т. 2, стр. 168.

*

кожъ, что в. к. м. до сихъ поръ не прислали къ намъ ни одного человѣка; и какъ меня не считаете человѣкомъ, такъ равно мое государство ставите не во что, забывая о томъ, что когда нибудь будете нуждаться въ нашей дружбѣ. Но какъ бы то ни было, а мы пришли въ этотъ край зимовать и, предавшись волѣ Божіей, остаемся здѣсь на зиму въ гостяхъ. Если же ваша королевская милость намѣрены заключить трактаты съ своимъ гостемъ и пріятелемъ, то вышлите своего перваго визиря пана канцлера, а мы съ своей стороны пошлемъ своего визиря, чтобы мы могли узнать намѣреніе вашей королевской милости. А если нельзя прислать пана канцлера, то пришлите для заключенія прочнаго мира такихъ людей, которые не стыдились бы словъ своихъ; посредствомъ обмана никакая сдѣлка состояться не можетъ". Вмѣстѣ съ этимъ гордымъ и даже грубымъ письмомъ Исламъ-Гирея послалъ свое письмо къ королю и Богданъ Хмельницкій — письмо полное униженія и рабской покорности „Богъ свидѣтель, что я всегда былъ нижайшимъ слугою вашего королевскаго величества и никогда, отъ колыбели и до сѣдинъ, не замышлялъ мятежа противъ вашего величества....... Ваше королевское величество два раза въ письмахъ своихъ назвали своего слугу мятежникомъ, но мятежъ былъ далекъ отъ моихъ мыслей, а къ враждебнымъ дѣйствіямъ я вынужденъ былъ злобными врагами. Да благоволитъ ваше королевское величество взвѣсить это дѣло на вѣсахъ королевскаго суда и милосердія; пусть даже сами магнаты, сидящіе у престола вашего, изслѣдуютъ, какъ много я перенесъ отъ пановъ и державцовъ, управляющихъ нашимъ краемъ. Поэтому не напыщенный гордостью, но вынужденный безмѣрными бѣдствіями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовскаго, я прибѣгнулъ къ ногамъ великаго хана крымскаго, чтобы при его содѣйствіи возвратить милость и благосклонность вашего королевскаго величества. Такъ какъ эта вражда имѣла слѣдствіемъ погибель многихъ невинныхъ душъ, то пусть Богъ, Верховный Судья всѣхъ дѣлъ, разсудитъ, кто былъ тому причиною. А я скорѣе откажусь отъ жизни, чѣмъ рѣшусь не исполнить малѣйшаго мановенія вашего королевскаго величества, милостиваго моего государя. Я также готовъ уступить свою власть недавно назначенному новому

предводителю казацкаго войска Залускому и передать ему булаву и знамя, полученныя мною отъ вашей королевской милости, лишь бы только я былъ увѣренъ въ благосклонности вашего королевскаго величества и могъ надѣяться, что подъ покровительствомъ вашимъ буду проводить вѣкъ спокойно и безопасно" [1]).

Издатели этого письма замѣчаютъ, что отвѣта на него со стороны короля не было, но это замѣчаніе невѣрно. Въ „Польской коронной метрикѣ" сохранилось письмо Казимира къ Хмельницкому, посланное ему 16 августа. Это письмо, какъ показываетъ его содержаніе, было отвѣтомъ короля на вышеприведенное письмо Богдана; оно-то и заставило послѣдняго прекратить битву. „Благородный и намъ любезный! писалъ король къ Хмельницкому. Милость и доброта наша столь велики, что мы и письмо твое приняли, хотя оно написано рукою, запятнанною убійствомъ или задержаніемъ посла[2]) нашего королевскаго, котораго мы до сихъ поръ невидимъ. Но мы, какъ помазанникъ Божій, подражая самому Господу Богу, который и наибольшіе проступки прощаетъ, готовы оказать тебѣ нашу милость и оставить тебя въ той же должности, дабы только ты принесъ намъ правдивое сердце, искреннюю вѣрность и почтительное подданство: не сносился бы съ иностранными государствами, нашихъ подданныхъ не бунтовалъ и тѣхъ, которыхъ при себѣ держишь, отпустилъ, о всякой обидѣ жаловался бы, а мы примемъ тебя въ милость нашу и сдѣлаемъ для тебя то, о чемъ будетъ ходатайствовать за тебя предъ нами, нашъ братъ, Царь крымскій. Данъ подъ Зборовымъ, мѣсяца Августа 16 дня, 1649 года, государствованія нашего польскаго перваго, а шведскаго втораго"[3]).

---

[1]) Пам. Кіев. к., т. I, отд. III, №№ 82 и 84.

[2]) Посолъ, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, былъ панъ Н. Смяровскій, посланный Казиміромъ къ Хмельницкому въ началѣ 1649 г. Онъ со своей свитой былъ задержанъ казаками; лошади и все имущество у него были отобраны. Но находясь подъ стражей въ Чигиринѣ, онъ велъ тайную переписку съ поляками,—о чемъ провѣдали казаки и утопили его. См. Пам. Кіев. ком., т. I, отд. III, №№ 66, 69, 74.

[3]) Польск. Кор. Метр. „Сн. Пол. съ Мал.", св. 1, подъ 1649 г.

Отъ того же числа послано и второе письмо Яна Казимира къ Исламъ-Гирею.

„Дошло къ намъ письмо твое, въ которомъ свидѣтельствуешь намъ пріязнь свою; за это мы тебя благодаримъ. Удивительно, однакожъ, что ты объявляешь намъ пріязнь свою, а между тѣмъ и теперь по отправленіи письма нападаешь на наши войска и обозы. Однакожъ, такъ какъ ты требуешь, чтобы мы выслали преимущественно вельможнаго нашего короннаго канцлера для заключенія трактатовъ и для переговоровъ съ тѣми лицами, которыя будутъ съ твоей стороны назначены и уполномочены, то мы исполнимъ твое требованіе и тотчасъ назначаемъ нашего канцлера, желая только, чтобъ на это время были пріостановлены непріятельскія дѣйствія. Когда ты сдѣлаешь это, то мы вышлемъ тотчасъ своего вельможнаго пана канцлера на мѣсто, ближайшее къ обоимъ войскамъ, а между тѣмъ, во всякое время, при случаѣ, мы готовы показать вамъ нашу благосклонность“. Эти письма имѣли рѣшительный успѣхъ; Хмельницкій приказалъ остановить сраженіе. Послѣ этого начались переговоры, которые окончились договоромъ 19 августа. Заключено было два трактата: одинъ между татарами и поляками, а другой между поляками и казаками. Въ первомъ трактатѣ крымское государство и польское королевство постановили между собою вѣчную дружбу: обѣ стороны обѣщали быть пріятелями общимъ пріятелямъ и врагами общимъ врагамъ. Король польскій Янъ Казимиръ обязывался за себя и за своихъ преемниковъ ежегодно уплачивать крымскому хану обычную дань, а Исламъ-Гирей, съ своей стороны, за себя и за своихъ наслѣдниковъ обѣщалъ давать полякамъ на помощь столько войска, сколько имъ потребуется. Сверхъ того Казимиръ обязался уплатить старую задержанную дань въ 300 тысячъ злотыхъ, изъ которыхъ ханъ немедленно долженъ получить только 100 тысячъ [1]).

Договоръ между поляками и казаками состоялъ въ слѣдующемъ:

---

[1]) Пам. К. ком., т. I. отд. III, № 85; Краткое опис. о каз. мал. нар., стр. 34.

1) Его королевское величество оставляетъ свое запорожское войско при всѣхъ старинныхъ правахъ и привиллегіяхъ.

2) Число войска запорожскаго будетъ простираться до 40 т.; составленіе списковъ поручается казацкому гетману. Тѣ казаки, которые не войдутъ въ реестровый списокъ, должны по прежнему повиноваться и служить своимъ владѣльцамъ.

3) Чигиринъ съ округомъ долженъ всегда находиться во владѣніи гетмана запорожскаго; Хмельницкій утверждается до самой своей смерти гетманомъ всего запорожскаго войска.

4 и 5) Общее прощеніе всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи.

6) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить казаки, вписанные въ реестръ, коронныя войска не могутъ занимать квартиръ.

7) Въ тѣхъ же мѣстахъ и жиды не могутъ пребывать ни владѣтелями, ни откупщиками, ни просто жителями.

8) Объ Уніи, о церквахъ и имѣніяхъ будетъ постановлено на будущемъ сеймѣ, его королевское величество позволяетъ отцу митрополиту кіевскому засѣдать въ сенатѣ.

9) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ будутъ раздаваться только тамошней шляхтѣ, исповѣдующей греческую вѣру.

10) Отцы іезуиты не имѣютъ права находиться въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ есть русскія школы.

11) Казаки не имѣютъ права торговать въ рознь горѣлкою, но могутъ курить и продавать только оптомъ (hurtem wolno). Пиво и медъ могутъ продавать въ рознь.

12) Всѣ изложенныя статьи должны быть утверждены на будущемъ сеймѣ [1]).

Король и поляки были въ восторгѣ отъ такого оборота дѣлъ; они были спасены Хмельницкимъ.

Послѣ подписанія договора Богданъ добился того, что его допустили до короля. Онъ, явившись въ лагерь короля, сталъ на колѣни и со слезами умолялъ его о милости и прощеніи. Народъ, недовольный поведеніемъ своего вождя, сложилъ по этому

---

[1]) Собр. Госуд. грам., ч. III, стр. 450—454; Краткое опис. 35; Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 415—416.

поводу ироническую легенду, въ которой, между прочимъ, довольно ясно выразился народный взглядъ на дѣятельность Богдана. „Вотъ какъ принялся воевать (Хмельницкій), то завоевалъ у ляховъ землю по самую Случь....... Хмельницкій между тѣмъ увидѣлъ, что надѣлалъ бѣды и полѣзъ къ королю просить милости; онъ прилѣзъ къ нему на четверенькахъ и упалъ къ ногамъ—„приліз до кроля рачки прохаты милости“ [1]).

---

[1]) Зап. о Юж. Р. Кулиша, т. I, стр. 14—15.

Глава 5-я.

Зборовскій договоръ не принесъ съ собою тѣхъ результатовъ, которыхъ добивался возставшій народъ. Онъ былъ заключенъ въ интересахъ меньшинства: только гетманъ и 40 т. казаковъ будутъ пользоваться тѣми благами, которыми поступались поляки въ пользу побѣдителей. Все остальное въ Малороссіи остается statu quo: шляхта по прежнему будетъ владѣть помѣстьями и крестьянами, а поспольство, которое составляло главную силу Хмельницкаго, по прежнему будетъ жить на чужой землѣ и работать на ея владѣльцевъ.

Поэтому Зборовскій договоръ не въ силахъ былъ прекратить соціальной борьбы между полякомъ и русскимъ, между паномъ и его подданнымъ; онъ не только не уничтожалъ сословныя преимущества шляхты, но и въ самое поспольство внесъ рознь, выдѣливъ изъ него извѣстную часть и надѣливъ ее правами привиллегированнаго сословія.

Возвратившись на Украйну, самъ гетманъ зажилъ по царски. Награбленныя богатства во время войны давали къ тому всѣ средства.

Мы выше уже упоминали о томъ, что Богданъ при дѣлежѣ добычи всегда получалъ львиную долю: такъ напр., послѣ корсунской побѣды, по свидѣтельству украинскаго лѣтописца, Хмельницкій отослалъ въ Чигиринъ 13 большихъ шестиколесныхъ возовъ, наполненныхъ дорогимъ панскимъ добромъ: золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнностями. Еще болѣе принесла ему пилявецкая побѣда, когда поляки оставили побѣдителямъ до 100 т. возовъ, нагруженныхъ всякаго рода припасами и разными драгоцѣнно-

стями. Послѣ зборовскаго договора Хмельницкій захватилъ въ свою пользу мѣстечко Мліевъ, доставлявшее, бывшему его владѣльцу, Конецпольскому, болѣе 200 тыс. битыхъ талеровъ [1]); городъ Чигиринъ съ округомъ также принадлежалъ ему.

По примѣру государей онъ окружилъ себя стражей, состоящей изъ трехъ тысячъ лучшихъ казаковъ, которые составляли его гвардію и трехъ тысячъ наемныхъ татаръ [2]).

Только скипетра и вѣнца недоставало ему, замѣчаетъ лѣтописецъ, чтобы быть совершеннымъ монархомъ. Славныя побѣды надъ поляками, восторженный пріемъ на Украйнѣ окончательно вскружили ему голову. Онъ хвалился предъ польскими коммисарами, что Богъ послалъ ему быть теперь единственнымъ господиномъ всей Руси. Грозилъ „изломать“ Москву, завоевать самаго римскаго папу и Польшу и вмѣстѣ съ Украйной отдать турецкому султану [3]).

Хмельницкій былъ уже далеко не тѣмъ, какимъ пришолъ на Запорожье, лишенный всего имущества и спасая свою голову отъ польскихъ пановъ. Онъ сдѣлался гордымъ и высокомѣрнымъ; панская кичливость и произволъ, которымъ отличались поляки, сказались теперь и у него.

Прежде онъ, казалось, старался только о томъ, чтобы снискать любовь и заслужить довѣріе народа. Онъ хранилъ народные обычаи, пользуясь только тою ограниченною властью, какая принадлежалъ выборному гетману: онъ созывалъ раду и во всѣхъ важныхъ дѣйствіяхъ сообразовался съ ея рѣшеніемъ. Теперь онъ все рѣже и рѣже прибѣгалъ къ радѣ, стараясь быть отъ нея независимымъ, распоряжаясь не только безъ ея согласія, но вопреки волѣ цѣлаго войска.

Храбрость, которую онъ выказывалъ прежде и которою всегда отличались казаки, казалось, оставила его; напротивъ, гетманъ сдѣлался даже трусливымъ. Такъ, во время осады Замостья, когда ядро, пущенное изъ крѣпости осажденными, едва не задѣло его, онъ удалился отъ войска и въ продолженіи трехъ недѣль не

---

[1]) Pamiętniki do panow..., т. II, стр. 123. Starożytnosci... Grabow.... стр. 366.

[2]) Pamiętniki do panow, т. II, стр. 119.

[3]) Памят. Кіев. Комм., т. 1, отд. III, № 329; Pamiętniki do panow, т. II, стр. 131.

показывался на полѣ сраженія, отдавая приказанія издали чрезъ своихъ приближенныхъ.

Однако поляки совершенно несправедливо обвиняли Хмельницкаго въ томъ, что онъ будто бы стремился сдѣлаться русскимъ княземъ. Такое положеніе было выше его понятій. „Онъ не могъ грезить о династическомъ господствѣ, говоритъ Лелевель: ни шляхетскія понятія, которыми онъ былъ проникнутъ, ни понятія казацкой черни не позволили бы допустить до послѣдняго“ [1]. Хмельницкій и теперь остался тѣмъ же польскимъ паномъ, который богатство и личный произволъ ставилъ выше всѣхъ привиллегій короля. Онъ не думалъ нарушать цѣлость польской республики, къ которой онъ питалъ искреннюю симпатію. Склонность и расположеніе казацкаго гетмана къ Рѣчи Посполитой не подлежатъ сомнѣнію. Въ письмѣ отъ 19 августа 1648 г. къ панамъ коммисарамъ онъ писалъ: „какъ сначала, видитъ Богъ, мы ничего злого не замышляли противъ республики, а напротивъ исполняли всякую повинность и оказывали послушаніе, такъ и теперь, хотя принуждены были сражаться съ тѣми, которые невинно на насъ нападали, однако, помня свою христіанскую кровь и не желая, чтобъ она проливалась болѣе и чтобъ посторонніе непріятели радовались, мы сами возвратились назадъ и велѣли возвратиться татарамъ..... Мы какъ прежде, такъ и теперь желаемъ оставаться вѣрными слугами и подданными республики“.

Въ посланіи въ 1648 г. къ самой Республикѣ Хмельницкій выражалъ тоже самое. „Всемогущій Богъ свидѣтель, что мы тяжкими бѣдствіями и неволею вынуждены были оскорбить величіе Божіе и достоинство вашихъ милостей, пановъ нашихъ милостивыхъ...

Теперь опять, какъ и прежде, мы желаемъ оставаться по прежнему вѣрными слугами Республики, прося, чтобъ былъ прощенъ намъ этотъ невольный грѣхъ; мы посылаемъ къ вашимъ милостямъ ксендза, который имѣетъ отъ городовъ свидѣтельство о томъ, какъ я здѣсь трудился... Если же бы ваши милости, милостивые паны, имѣли къ намъ какое нибудь непріязненное расположеніе и начали бы войну противъ насъ, то мы примемъ это

---

[1]) Лелевель, т. III, стр. 373. Polska Dzieje, изд. 1855 г.

за знакъ, что ваши милости, милостивые паны, не хотите имѣть насъ своими слугами, что для насъ будетъ очень прискорбно" [1]).

Свою любовь и уваженіе къ польской республикѣ Хмельницкій засвидѣтельствовалъ не словами только, но и дѣломъ.

Уже послѣ первыхъ битвъ съ поляками, онъ выражалъ искреннее желаніе къ прекращенію домашней войны. Онъ не разъ во время войны дѣлалъ отступленія, когда видѣлъ, что поляки находятся на краю гибели; призывалъ пановъ къ переговорамъ, но паны польскіе оставались глухи къ этимъ призывамъ! Онъ желалъ не ниспроверженія республики, а увеличенія ея дѣйствительнаго могущества. Этого можно было достигнуть во-первыхъ, чрезъ обновленіе польской шляхты новыми элементами, а во-вторыхъ, чрезъ увеличеніе королевской власти и ослабленіе произвола польскихъ магнатовъ. Хмельницкій преслѣдовалъ на Украйнѣ тѣ же шляхетно-аристократическіе идеалы, которые господствовали въ самой Польшѣ. Изъ прежней малороссійской шляхты и небольшаго количества казаковъ Богданъ Хмельницкій стремился сдѣлать такой же рыцарскій станъ, рыцарское товарищество, какимъ была шляхта въ Польшѣ. Казаки были надѣлены поземельною собственностью съ правомъ передачи ея своимъ наслѣдникамъ, съ правомъ держать хлоповъ; освобождены были отъ всякаго рода податей и повинностей, за исключеніемъ военной службы, которая составляла тогда не повинность, а привиллегію. Они имѣли свой самосудъ, имѣли право участвовать въ выборахъ своихъ начальниковъ: гетмана, полковниковъ и др. Впослѣдствіи, они могли участвовать на сеймахъ Рѣчи Посполитой и при выборѣ короля. Словомъ—на Украйнѣ должно было образоваться такое же привилегированное сословіе, какимъ въ Польшѣ была шляхта. Не вина Хмельницкаго, что онъ не достигъ своей цѣли, замѣчаетъ польскій историкъ, а вина въ томъ шляхетнаго, рыцарскаго стана [2]).

Дѣйствительно польское дворянство, то по злобѣ къ Богдану, который навлекъ на него тысячи бѣдствій, то вслѣдствіе пренебреженія къ своимъ бывшимъ хлопамъ, ни за что не хотѣло при-

---

[1]) Памят. Кіев. Комм. т. I, отд. III, №№ 46, 56.

[2]) Лелевель, т. III, стр. 374. Polska Dzieje.

нять казаковъ въ свой станъ; признать за ними права, которыя давало только шляхетное происхожденіе.

Но главная причина такой неуступчивости шляхты заключалась не въ этомъ. Польское дворянство не могло себѣ представить, чтобъ выскочка, бывшій хлопъ, могъ защищать и дорожить шляхетными правами и вольностями такъ, какъ стоялъ за нихъ природный шляхтичъ съ своими традиціями о золотой свободѣ. Паны знали также о той ненависти, которую къ нимъ питаютъ казаки и о особенномъ расположеніи послѣднихъ къ королю. Въ этомъ они, конечно, нисколько не ошибались. Тысячи бѣдствій, которыя переносили казаки, происходили отъ пановъ и ихъ дозорцевъ; но тѣ же казаки помнили, что короли давали имъ права и привиллегіи и если они теперь ими не пользовались, то это зависѣло отъ пановъ, которые неслушались королевскихъ распоряженій.

Отсюда естественно являлись у казаковъ, съ одной стороны, непримиримая ненависть къ польскому дворянству, а съ другой, расположеніе къ королю и ожиданіе отъ него милости.

Послѣ смерти Владислава IV и страшныхъ пораженій польскихъ войскъ, когда на избирательномъ сеймѣ польскіе паны изыскивали средства для прекращенія казацкаго мятежа, то Адамъ Кисель представлялъ, что самое лучшее средство состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе избрать короля. „У этихъ хлоповъ, говорилъ онъ, ничего не значитъ величіе республики. **„А що то есть Рѣчь Посполита—Мы сами Рѣчь Посполита, але (но) король то у насъ панъ!** „Король у нихъ, хлоповъ, что-то божественное“ [1]). Вотъ эти то понятія казаковъ о Рѣчи Посполитой и о королѣ и приводили въ страхъ польское дворянство и заставляли послѣднее опасаться принятія въ свой рыцарскій станъ украинскаго казачества. Еще Владиславъ стремился „сломать“ привиллегіи польскихъ пановъ посредствомъ казаковъ, Янъ Казимиръ также не чуждъ былъ этихъ замысловъ. Но до тѣхъ поръ, пока казаки были хлопами, пока они не представляли въ Рѣчи Посполитой могущественнаго сословія, не пользовались правами шляхты, до тѣхъ поръ они не могли быть дѣйствительнымъ орудіемъ въ рукахъ королей; сов-

---

[1]) „Богданъ Хмельн.“ т. II, стр. 45.

сѣмъ иное дѣло, если бы казаки пріобрѣли права участвовать въ сеймахъ и разсуждать о дѣлахъ Рѣчи Посполитой!

Самъ Богданъ Хмельницкій, хотя и представлялъ типъ малоросса, оторваннаго отъ родины, отъ своихъ соотечественниковъ польскимъ воспитаніемъ, польскою цивилизаціею, однако и онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ королевской власти. Подобно другимъ казакамъ, онъ много перенесъ отъ произвола польскихъ пановъ и это не могло остаться безъ слѣда на его отношеніяхъ къ нимъ, между тѣмъ какъ первое сочувствіе къ своему положенію онъ встрѣтилъ со стороны короля, который посовѣтовалъ ему оружіемъ добиться удовлетворенія за оскорбленіе Чаплинскимъ, оружіемъ снискать себѣ и своимъ соотечественникамъ права и защиту отъ произвола шляхты. Съ тѣхъ поръ Хмельницкій не переставалъ питать особенное расположеніе къ королевской особѣ.

Можетъ быть, если бы не умеръ Владиславъ IV, Польша и не испытала бы тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя разразились надъ нею въ эту эпоху. Не зная о смерти Владислава, Хмельницкій послалъ ему письмо, полное уваженія и искренней покорности.

„Пресвѣтлѣйшій милостивый король, панъ нашъ и благодѣтель!" писалъ Богданъ. „Вѣрность подданства нашего съ нижайшими рыцарскими услугами нижайше и покорнѣйше повергаемъ къ стопамъ в. к. милости." Затѣмъ, указавъ на причины, которыя заставили его взяться за оружіе, Хмельницкій закончилъ письмо нижайшею просьбою. „Нижайше просимъ вашу королевскую милость оказать намъ, нижайшимъ подножіямъ вашимъ, отеческое милосердіе и простить намъ невольный нашъ грѣхъ, повелѣть, именемъ священной вашей особы, оставить насъ при древнихъ правахъ и вольностяхъ, чтобъ мы, нижайшіе слуги вашей королевской милости, болѣе не терпѣли неволи" [1]).

Такое же расположеніе Хмельницкій имѣлъ и къ Яну Казиміру. Когда Богданъ осаждалъ Замостье, то достаточно было одного королевскаго приказанія, чтобы онъ отступилъ отъ крѣпости и удалился на Украйну. „Поляки шопотомъ говорили, передаетъ современникъ, что вѣрно Богъ послалъ на Хмельницкаго слѣпоту,

[1]) Памят. Кіев. Комм.. т. I, отд. III, № 24.

когда съ такими силами онъ не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонился отъ непріязненныхъ дѣйствій". Казаки подняли ропотъ, татары, находящіеся при гетманѣ, съ удивленіемъ спрашивали его, что значитъ такое внезапное отступленіе отъ крѣпости? Но на это недоумѣніе всѣхъ Хмельницкій отвѣчалъ „Я подданный короля и слуга короля и потому повинуюсь его повелѣнію" [1]).

Во время зборовской битвы Хмельницкій, побуждая своихъ воиновъ храбро сражаться, въ тоже время, разсказываетъ лѣтописецъ, „строго приказалъ своему воинству, чтобы никто во время сраженія не дерзалъ поднять убійственной руки на короля и прикасаться къ нему, какъ особѣ священной, то есть помазаннику Божію, но при всякомъ случаѣ чтилъ бы его съ благоговѣніемъ". Тотъ же лѣтописецъ передаетъ о томъ, какъ казаки исполняли приказаніе Хмельницкаго и благоговѣли предъ особою короля. Во время сраженія подъ Зборовымъ, „самъ король былъ нѣсколько разъ окруженъ казаками; но къ нему никто не прикасался и даже ни чѣмъ на него не металъ, а пропускали его съ почтеніемъ, и онъ бросилъ отъ себя въ одну партію кошелекъ съ деньгами, а въ другую партію далъ часы золотые ея командиру, который принялъ ихъ, снявши съ себя шапку и съ великимъ почтеніемъ, увѣривъ при томъ короля, чтобы онъ изволилъ ѣхать спокойно и ничѣмъ не тревожась; ибо его никто не тронетъ, а всякъ чтитъ съ благоговѣніемъ, какъ особу священную" [2]).

Но особенно ясно Хмельницкій выразилъ свое отношеніе къ королевской власти и высказалъ необходимость ея увеличенія для блага республики предъ панами коммисарами во время переговоровъ 1649 г. „Король пусть будетъ, говорилъ онъ, дѣйствительнымъ королемъ, чтобы карать и казнить шляхту, дуковъ-князей, чтобы онъ былъ вольнымъ. Провинится князь—отрубить ему голову, провинится казакъ — и съ нимъ тоже сдѣлать. А не хочетъ король вольнымъ королемъ быть, то какъ ему угодно".

---

[1]) „Богданъ Хмельн." т. II, стр. 51.

[2]) „Исторія Руссовъ" стр. 91—92.

Казаки говорили въ томъ же духѣ: „король какъ король, но вы короленята проказите много, да и напроказили“ [1]).

Въ одной изъ статей, поданныхъ коммисаромъ, Хмельницкій требовалъ, чтобы казацкій гетманъ и все запорожское войско зависѣло непосредственно отъ короля, а не имѣло бы надъ собою многихъ повелителей. На эту просьбу Янъ Казимиръ отвѣчалъ ему, что онъ и самъ желаетъ, чтобы было такъ, а не иначе [2]).

Мы выше говорили, что зборовскій договоръ не облегчалъ участи не только всего народа, такимъ или инымъ образомъ содѣйствовавшаго успѣхамъ Хмельницкаго, но даже и той массы казаковъ, которые не щадили жизни, сражаясь за общее дѣло.

Только 40 тыс. казаковъ будутъ пользоваться плодами усилій всего народа, а остальное войско, кромѣ свободы вѣроисповѣданія, не пріобрѣтало ничего. Правда, теперь на Украйнѣ большинство пановъ будетъ изъ русскихъ, православнаго исповѣданія, изъ тѣхъ же казаковъ и стало быть народъ не будетъ такъ страдать, какъ это было во время господства польскихъ пановъ и ихъ дозорцевъ. Но смыслъ народной борьбы заключался не въ борьбѣ только съ ляхами, но вообще съ панствомъ. На языкѣ народа „ляхъ“, „панъ“, „грабитель“—были синонимами.

Свой идеалъ общественной жизни народъ довольно ясно выразилъ словами думы:

„Та немае лучче,
Та немае краще
Як у нас на Вкраинi
Та немае пана
Та немае ляха
Та не буде измины“ [1])

Со словами „панъ“, „ляхъ“ народъ всегда соединялъ представленіе о своихъ бѣдствіяхъ и притѣсненіяхъ, которыя онъ терпѣлъ на Украйнѣ; отъ ляха происходили даже „шатости“ и „измѣна“. Но „ляхомъ“, „дукомъ срибляникомъ“, какъ свидѣтельствуетъ

---

[1]) Памят. Кiев. Комм., т. I, отд. III, стр. 319, 329—330.
[1]) Ibid, т. I, отд. III, стр. 363—364.
[1]) „Истор. пѣсни“. Ант.-Драгом., ч. II, № 3; Исторія Руссовъ, стр. 120.

народная дума о „Ганжѣ Андыберѣ“, народъ называлъ не только поляковъ, но и „значныхъ“ казаковъ, или вообще пановъ, господъ [1]).

Королевская декларація, выданная въ подтвержденіе зборовскаго договора, произвела въ народѣ величайшее негодованіе на гетмана. „Войску запорожскому, гласила эта декларація, возвращены и подтверждены всѣ права и преимущества; всѣ реестровые казаки (40 тыс.), вошедшіе въ составъ этого войска, по распоряженію гетмана нашего запорожскаго должны оставаться при своихъ правахъ и преимуществахъ. Крестьяне, напротивъ того, всѣ вообще какъ и приписанные къ нашимъ замкамъ и городамъ, духовные, папскіе и шляхетскіе должны остаться въ обычномъ крестьянствѣ“ [2]).

Но народъ не думалъ повиноваться; онъ не хотѣлъ надѣть снова ярмо, которое только-что сбросилъ. Поэтому нѣкоторые предпочитали лучше идти въ погонщики и прислужники къ реестровымъ казакамъ, чѣмъ работать на пановъ. Многіе ушли за пороги Днѣпра со всѣмъ своимъ имуществомъ, а иные бѣжали на Донъ и во владѣнія московскаго государства.

„Только наименьшая часть, писалъ Адамъ Кисель, кланяется своимъ панамъ“ [3]). Но и эти послѣдніе говорили: „дадимъ пану пару воловъ, четыре мѣры солоду и довольно съ него, лишь бы не умеръ съ голоду“, а другіе крестьяне, въ насмѣшку, обѣщались отдавать своимъ панамъ только по поклону въ большіе праздники. Панамъ, конечно, эта панщина показалась слишкомъ невыгодною и они начали силою принуждать хлоповъ къ работамъ, а тѣхъ, которые сопротивлялись, по прежнему топить и сажать на колъ. Крестьяне отвѣчали тѣмъ же самымъ: во многихъ мѣстахъ паны, только что возвратившіеся въ свои помѣстья, принуждены были снова бѣжать въ Польшу; а тѣ, которые не успѣли уходить отъ разъяренной черни, были ограблены и побиты. Богданъ сначала силою хотѣлъ заставить крестьянъ исполнять зборовскій договоръ,

[1]) Сборникъ Метлинскаго, стр. 377.
[2]) Пам. Кіев. Комм., т. II, отд. III, № 1.
[3]) Ibid, № 3.

но это вызвало въ народѣ страшное негодованіе на своего гетмана и даже поднялся открытый бунтъ противъ него.

Масса вооруженнаго народа, по однимъ извѣстіямъ, въ числѣ 40, а по другимъ—50 тысячъ, подъ предводительствомъ Нечая, брацлавскаго полковника, любимца народа, явилась къ Хмельницкому и укоряла его въ измѣнѣ народу. „Такъ ли ты вздумалъ, гетманъ запорожскій, кричала толпа, что по прежнему хочешь отдать насъ ляхамъ въ холопство и на мученіе? Не долженъ ли ты насъ защищать, какъ вѣрныхъ своихъ слугъ и единоземцевъ по своему обѣщанію? Или ты не видишь, что ляхи миромъ симъ хотятъ толькъ уловить насъ всѣхъ и злѣе прежняго подъ тяжесть правленія своего привесть? Если жъ тебѣ угодно оставаться подъ польскимъ игомъ, такъ извѣщаемъ, что мы иного гетмана себѣ изберемъ, который, конечно, лучше тебя будетъ стоять за насъ".

Выслушавши эти грозные и справедливые упреки, Хмельницкій, разсказываютъ лѣтописцы, уступилъ народу: онъ приказалъ остановить составленіе реестровъ и дозволилъ быть охочимъ казакамъ [1]).

Народъ успокоился, но не совсѣмъ: польскіе паны своимъ поведеніемъ по прежнему раздражали его. Хмельницкій видѣлъ, что бунтуетъ по преимуществу чернь и рѣшился отдѣлаться отъ нея самымъ жестокимъ образомъ. Адамъ Кисель писалъ королю, что гетманъ думаетъ начать внѣшнюю войну, чтобы на время занять чернь постороннимъ дѣломъ и разсѣять ее по полямъ въ битвахъ [2]).

Предлогъ къ войнѣ найти было не трудно. У молдавскаго господаря Лупулы была дочь, которая славилась своею красотою столько же, сколько отецъ ея своимъ богатствомъ. Она понравилась гетманскому сыну Тимофею, который и рѣшилъ на ней жениться. Но ея руки уже давно искалъ панъ Вишневецкій и для молдавскаго господаря было выгоднѣе и приличнѣе породниться съ знаменитою польскою фамиліею, чѣмъ съ необразованнымъ казакомъ.

---

[1]) Pamięt. do panow...., ч. II, стр. 122—123; „Лѣтоп. Повѣств.", стр. 136; Акты Юж. и Зап. Р.. т. III, № 301.

[2]) Пам. Кіев. Комм., т. II, отд. III, № 3.

Узнавъ о такомъ рѣшеніи господаря, Богданъ Хмельницкій рѣшился кровью народа добыть жену своему сыну. Скоро онъ собралъ массу черни и казаковъ, не вошедшихъ въ реестръ, и отправилъ ихъ въ Молдавію подъ начальствомъ Тимофея. Молодой Хмельницкій въ союзѣ съ татарами вторгнулся въ этотъ цвѣтущій край и предалъ его огню и мечу: города и села запылали; не было пощады ни взрослымъ, ни дѣтямъ; однихъ убивали, другихъ захватывали въ плѣнъ; не щадили и православныхъ церквей. Самовидецъ негодуетъ на гетмана за войну въ томъ краѣ, гдѣ „христіанство и въ особенности Русь взяли верхъ“ [1]).

Прекрасная столица молдавскаго господарства была обращена въ пепелъ; польскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что „Яссы были сожжены, какъ Троя изъ-за Елены“ [2]).

Напрасно господарь ожидалъ помощи отъ поляковъ: послѣдніе не могли придти къ нему на выручку, опасаясь столкновенія съ старымъ Хмельницкимъ, который стоялъ на границѣ съ большимъ войскомъ и слѣдилъ за поляками. Поэтому Лупула, не будучи въ состояніи съ одними собственными силами сопротивляться союзникамъ и чтобы прекратить дальнѣйшее опустошеніе своего господарства, далъ обѣщаніе Тимофею выдать за него свою дочь.

И такъ Богданъ достигъ одной цѣли: дочь господаря будетъ женою его сына. Но онъ не могъ разсѣять всей массы вооруженной черни и не могъ занять свой народъ этою войною на столько, чтобы онъ забылъ свое положеніе. Едва только онъ возвратился на Украйну, какъ ему снова пришлось выслушивать жалобы польскихъ пановъ на неповиновеніе хлоповъ, упреки и протесты послѣднихъ.

Хмельницкій, раздраженный упорствомъ народа, издалъ строгій универсалъ. „Дошло къ намъ извѣстіе, что когда наше пѣшее войско двинулось въ Валахію, нѣкоторые своевольные и именно принадлежащіе къ крестьянству, не будучи послушными и доброжелательными панамъ своимъ, а будучи совершенными непріятелями, много шляхты, господъ своихъ, потопили, поубивали и теперь непреставая въ своей дерзости нападаютъ на жизнь господъ и не

---

[1]) Лѣтоп. „Самовидца“, стр. 23.

[2]) Pamiętniki do panow, т. II, стр. 138.

хотятъ быть послушными, но производятъ бунты и своевольства. Поэтому, если бы еще явились такіе своевольные, которые бы покушались на жизнь господъ своихъ и послушными имъ быть не хотѣли, мы позволяемъ симъ универсаломъ нашимъ, чтобы такихъ своевольныхъ сами паны вмѣстѣ съ полковниками нашими бѣлоцерковскимъ или кіевскимъ наказывали строго и даже смертію. А тѣ, которые кровь неповинную пролили и нарушили покой, не избѣгнутъ смертной казни; какъ мы уже здѣсь и дѣйствительно не одного казнили смертію" [1]. Дѣйствительно, Хмельницкій, какъ свидѣтельствуютъ источники, жестоко каралъ непослушныхъ: однихъ вѣшалъ, другихъ сажалъ на колъ, а инымъ просто рубилъ головы [2]. Польскіе паны, пользуясь правомъ, даннымъ имъ самимъ гетманомъ, составляли войско изъ своей челяди, а нѣкоторые даже привели изъ Польши отряды вооруженныхъ людей и начали жестоко расправляться съ украинскими хлопами: отрѣзали уши, пороли носы, выкалывали глаза и пр. Польскіе жолнеры переходили границу, забирали силой у жителей хлѣбъ и причиняли другія нестерпимыя обиды [3].

Но какъ не свирѣпствовали поляки и Хмельницкій противъ крестьянъ, послѣдніе рѣшились лучше умереть, чѣмъ работать на своихъ прежнихъ господъ. Новая война была неизбѣжна. „Такой миръ, писалъ Адамъ Кисель королю, хуже войны: имѣть хлоповъ и не владѣть ими" [4]. Каждая противная сторона заботилась о пріобрѣтеніи союзниковъ. Поляки употребляли всѣ усилія, чтобы разрушить дружбу Хмельницкаго съ татарами. Въ 1650 году они уплатили хану дань за прошлые годы, обѣщались исправно давать новую и сдѣлали щедрые подарки татарскимъ мурзамъ. Но въ концѣ этого года Богданъ принялъ турецкое подданство и тѣмъ лишилъ поляковъ возможности найти союзниковъ между вассалами повелителя мусульманъ [5]. Теперь всѣ татарскіе беи и аги одинъ предъ другимъ старались заявить о своей дружбѣ къ новому под-

[1] Пам. Кіев. Комм.. т. II, отд. III, № 7.

[2] Ibid., № 3.

[3] Ibid., № 8.

[4] Ibid.

[5] Арх. Ин. д. „Пол. Кор. Метр.". Снош. Пол. съ Малор., св. 1.

данному султана и заискать его расположеніе къ себѣ. Въ февралѣ 1651 г. бей очаковскій, Арамаданъ, прислалъ Хмельницкому самое почтительное письмо. „Ясновельможный, милостивый панъ Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, мой милостивый панъ и братъ! Добраго здравія и во всемъ счастливаго успѣха отъ пана верховнаго Бога надолго желаю милостивому моему пану такъ, какъ самъ себѣ.

Ваша милость изволилъ писать ко мнѣ, своему слугѣ, будто бы вслѣдствіе моей непріязни войско наше замѣшкалось, но это случилось не по моей винѣ, а по винѣ недоброжелательнаго человѣка Вели-аги, который писалъ листы, будто по повеленію хана, чтобы татары не шли на помощь вашей милости, моему милостивому пану. Но мы имѣемъ извѣстіе, что султанъ уже рушилъ изъ Крыма и теперь находится въ Перекопѣ. Получивши объ этомъ вѣрное извѣстіе, мы посылаемъ къ вашей милости, нашего хорунжаго Ахмета. Панъ бей отправляется съ войскомъ въ пятницу и пойдетъ вмѣстѣ съ посланцами моего милостиваго пана, Матвѣемъ Бѣлошапкою и Бутькомъ. Мы снова просимъ вашу милость, моего милостиваго пана, изволь писать къ намъ листы, увѣдомляя о всемъ, что касается непріятеля“! Но тотъ же татарскій вождь Вели-ага, котораго Арамаданъ упрекалъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи казаковъ, самъ старался заискать Хмельницкаго и писалъ къ нему дружескія письма: „Я, Дервишъ, писалъ Вели-ага въ февралѣ того же года, Мехметъ-паша-Кайманъ желаю тебѣ здравія и счастливаго отъ Бога успѣха не иначе, какъ самъ себѣ! Можешь и самъ вспомнить обо мнѣ, мой милостивый панъ и братъ, какъ я съ вашею милостію находился подъ Збаражемъ съ войскомъ своимъ татарскимъ, котораго я былъ тогда начальникомъ. Прошу вашу милость, моего милостиваго пана, не забывать меня своею милостію и если будешь присылать до кого письма, то не забывай и ко мнѣ писать“. Онъ также сообщалъ Богдану, что войско татарское скоро двинется въ походъ на помощь казакамъ [1]). Нѣкоторые татарскіе мурзы, даже вопреки

[1]) „Снош. Пол. съ Мал.“, св. 1, см. Copia Listu Aramadana Beija Oczak“ и „Copia Listu Weli-agi do Chmielnickiego“ подъ 1651 г.

распоряженію турецкаго султана, обѣщались соединиться съ казаками противъ поляковъ. Такъ, одинъ Бекъ-мурза, которому отъ султана поручено было охранять бѣлогородское поле около Дуная, извѣщалъ Богдана, что онъ съ охотою придетъ къ нему на послугу войсковую, лишь бы только гетманъ далъ отвѣтъ ему чрезъ гонцовъ; „ибо мнѣ приказано отъ султана, писалъ мурза, идти не далѣе Тавлика, но я пойду и дальше, если буду имѣть письмо отъ гетмана, которое могло бы на случай оправдать меня предъ султаномъ“ [1]).

Эти документы мы привели съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ несправедливо мнѣніе, что будто бы татары въ 1651 г. не охотно шли къ Хмельницкому на помощь и не охотно дрались съ поляками во время извѣстной битвы при Берестечкѣ. Поляки не въ состояніи были перетянуть на свою сторону крымскаго хана, и если послѣдній не пришелъ еще зимой этого года на помощь къ казакамъ, какъ того желалъ Богданъ, то причина этого заключалась въ томъ, что сами татары боялись въ это время враждебнаго нападенія на свои владѣнія донскихъ казаковъ и калмыковъ, а потому и не выступали въ походъ противъ поляковъ. Извѣстно также, что самъ Хмельницкій весною этого года посылалъ нѣсколько тысячъ казаковъ на помощь хану противъ этихъ непріятелей [2]). Когда же опасность со стороны Дона миновала, то Иламъ-Гирей писалъ къ гетману, что онъ уже высылаетъ изъ Крыма татаръ къ нему на помощь, подъ начальствомъ мурзы Канъ-Мамбета, а чрезъ нѣсколько времени и самъ придетъ. „Пока у меня будетъ войско, писалъ ханъ, отъ казаковъ никогда не отступлю“ [3]). Въ тоже время ханъ, на предложеніе Казимира соединиться съ поляками противъ московскаго государства и казаковъ, отвѣчалъ, что „онъ не хочетъ разрывать дружбы съ московскимъ государствомъ и не оставитъ казаковъ, а потому и не можетъ жить въ дружбѣ съ польскимъ королевствомъ“ [4]).

---

[1]) „Пол. Кор. Метр.“, см. „Подлинное письмо Бек-мурзы“, подъ 1651.

[2]) Арх. Иностр. Д. „Крымскія дѣла“, св. 46.

[3]) Акты Южн. и зап. Р., т. III, стр. 458.

[4]) Пол. Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Крым.“, св. 4; „Крым. дѣла.“, св. 48.

По принятому нами плану касаться каждаго военнаго событія изъ этой эпохи на столько, на сколько оно освѣщаетъ личность самаго казацкаго вождя и характеризуетъ его отношеніе къ народному дѣлу, мы въ концѣ этой главы остановимся на битвѣ казаковъ и татаръ съ поляками при Берестечкѣ.

Богданъ Хмельницкій не охотно рѣшался начать новую войну съ поляками и нѣсколько разъ дѣлалъ предложеніе полякамъ окончить междуусобіе прочнымъ миромъ. Въ концѣ 1650 года онъ послалъ пословъ въ Польшу съ просьбою о подтвержденіи зборовскаго договора и объ уничтоженіи уніи. Но поляки, не смотря на то, что не пріобрѣли союзниковъ, рѣшились отмстить Хмельницкому и начать новую войну съ казаками. Поэтому на сеймѣ, бывшемъ въ декабрѣ этого года, паны объявили казацкимъ посламъ: „Если казаки не хотятъ довольствоваться зборовскими статьями, то король и Рѣчь Посполитая не имѣютъ средствъ удовлетворить ихъ. Что же касается новыхъ неслыханныхъ предложеній Хмельницкаго и требованій подтвержденія существующаго договора, то королевству даже принимать ихъ унизительно. Если казаки не оставятъ духа мятежа и не приведутъ въ исполненіе зборовскихъ статей при коммисарахъ, то Рѣчь Посполитая принуждена будетъ для успокоенія ихъ употребить силу“ [1].

Уничтоженіе уніи не было неслыханнымъ требованіемъ со стороны казаковъ, какъ объявляли поляки, оно входило въ статьи зборовскаго договора. Точно также на основаніи этого договора Хмельницкій просилъ короля допустить въ сенатъ кіевскаго митрополита, а другихъ притязаній, противныхъ зборовскимъ статьямъ, онъ вовсе не объявлялъ. Видно, что поляки, во что бы то ни стало, желали новой войны съ казаками; они даже отказывались подтвердить на сеймѣ то, что постановлено было подъ Зборовымъ. Чѣмъ же объяснить такое высокомѣріе польскихъ пановъ, на что они надѣялись въ виду грозной силы Хмельницкаго и татаръ? Въ Польшѣ въ это время было сильное религіозное возбужденіе противъ православныхъ. Католическое духовенство энергически дѣйствовало противъ схизмы: оно объявило отъ имени

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 279.

папы отпущеніе грѣховъ всѣмъ, которые примутъ участіе въ предстоящей войнѣ съ казаками. Самъ римскій папа прислалъ королю освященный мечъ и назвалъ его защитникомъ католической вѣры [1]). Словомъ, въ польскомъ королевствѣ въ это время предпринималось что-то вродѣ крестоваго похода противъ казаковъ. Изъ такого-то религіознаго воодушевленія вытекали неуступчивость поляковъ и рѣшимость ихъ попытать счастья въ новой казацкой войнѣ.

Но и между казаками было подобное же настроеніе: украинское духовенство ходило по городамъ и селамъ и возбуждало народъ къ защитѣ православія и войнѣ съ поляками. Коринскій митрополитъ Іосафъ, находившійся въ это время при Хмельницкомъ, опаясалъ казацкаго вождя мечемъ, освященнымъ на гробѣ господнемъ и самъ вызвался идти при войскѣ противъ католиковъ. Въ началѣ февраля мѣсяца этого года константинопольскій патріархъ Пароеній II прислалъ къ Хмельницкому грамоту, въ которой возбуждалъ и благословлялъ его на войну съ католиками, какъ врагами греческаго православія.

Эта грамота писана по латыни и довольно длинная, а потому мы помѣщаемъ здѣсь только извлеченіе изъ нея.

„Пароеній, милостію Божіею, архіепископъ Константинополя, Новаго Рима и вселенскій патріархъ.

Благочестивѣйшій, достославнѣйшій, знаменитѣйшій, христіаннѣйшій, правовѣрный, премудрый, достойнѣйшій, Богомъ хранимый и Богомъ прославленный, господинъ Зиновій Хмельницкій, въ духѣ возлюбленный, великій генералъ благочестиваго и великаго войска запорожскаго! Благословляю тебя и твою величайшую знаменитость, чрезъ божественную благодать всесвятаго и животворящаго Тройцы Духа испрошенную. Душевно и радостно привѣтствую тебя, моля Вседержащаго и Всемогущаго Бога, чтобы Онъ и самыя настоящія наши патріаршія письмена обратилъ во здравіе, благое счастіе, добрую славу и на побѣду противъ всѣхъ

---

[1]) Pamiętniki do panow, ч. II, стр. 167.

враговъ—видимыхъ и невидимыхъ; благословляю вмѣстѣ съ благочестивѣйшимъ, знаменитѣйшимъ и наилюбезнѣйшимъ сыномъ, господиномъ Тимофеемъ Зиновьевичемъ и со всѣмъ благочестивѣйшимъ и великимъ твоимъ воинствомъ во славу и утвержденіе вѣры и для нашего удовольствія и для нашей личной радости. Ибо уже давно въ глубинѣ души нашей посѣяна священная любовь къ сладчайшему твоему имени, достойнѣйшая слава о которомъ, по Высочайшему совѣту и Божественному предопредѣленію милосердаго и всемогущаго Бога, гремитъ по всей вселенной, благодаря сколько преукрашеннымъ отъ Бога качествамъ твоей души, т. е., я разумѣю здѣсь высоту и совершенство ума, мудрость, мужество, величіе, справедливость и правую вѣру, за которую борись и сражайся до самой смерти, столько же и внѣшнимъ, тѣлеснымъ Божественнымъ дарамъ, которые описать и подробно перечислить недостаточно продолжительнаго времени! Поэтому я оставляю сказать о нихъ твоимъ побѣдамъ противъ враговъ, посланный Богомъ завоеватель и борецъ во славу, возстановленіе правой вѣры и утвержденіе каѳолической Христовой церкви! Да освободятъ её твои, прославленныя Богомъ, десницы изъ тяжкаго и жестокаго рабства и плѣна, который угнѣталъ ее многіе годы въ тѣхъ краяхъ.

Благочестивѣйшій и преукрашенный вождь! Слыша о прошедшихъ опасностяхъ, о великомъ и жестокомъ униженіи, о ежедневныхъ преслѣдованіяхъ, безчисленныхъ тиранствахъ и о борьбѣ, которая происходила въ святой Божіей русской церкви съ противниками и враждебными гонителями нашей православной вѣры, мы всегда повергались въ неутѣшительную скорбь и тѣмъ болѣе, что не могли оказать никакой помощи благочестивой отрасли нашей великой христіанской церкви, какъ бы требовалъ того нашъ долгъ. Да продлитъ милосердіе Божіе твою жизнь на долгіе годы на славу и утвержденіе вѣры.

Давно уже мы искали удобнаго случая, чтобы, хотя чрезъ письма, побесѣдовать съ твоею знаменитостью, но продолжительность времени, разстояніе и многое другое лишало насъ этого. Наконецъ Богъ привелъ къ намъ пословъ твоей знаменитости, господъ

Антона Ждановича, Павла Ивановича и господина толмача Павла [1]), которыхъ мы приняли съ великою радостію".

Затѣмъ патріархъ писалъ, что онъ посылаетъ къ Хмельницкому свою грамоту и извиняется, что не могъ писать многое и объявить его знаменитости о безконечныхъ притѣсненіяхъ Христовой церкви отъ турокъ, которые угнетаютъ её безъ всякой законной причины, но по одной только своей злости, какъ предуготовители и орудія сатаны. Поэтому, говорилъ Пареепій, онъ выбралъ вѣрнаго и достойнѣйшаго изъ служителей своихъ Никиту Михайловича и посылаетъ его съ тѣмъ, чтобы онъ подробно и вѣрно разсказалъ Хмельницкому то, что касается его Парѳенія вѣчнаго молитвенника—и апостольской церкви.

Въ томъ же духѣ патріархъ писалъ и къ кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову, напоминая, между прочимъ, послѣднему о его зависимости отъ константинопольскаго патріархата. А въ письмѣ къ писарю Выговскому Парѳеній просилъ его, какъ приближеннаго къ гетману человѣка, чтобы онъ помогъ просьбамъ патріаршаго посла Никиты Михайловича о помощи церкви [2]).

---

[1]) Эти лица посланы Хмельницкимъ въ концѣ 1650 г. въ Констант. къ султану въ качествѣ пословъ.

[2]) Польская Кор. Метр. Снош. Пол. съ Малор., св. I. Эти сношенія стоили жизни Парѳенію. Молдавскій и Валахскій господари изъ ненависти къ Хмельницкому представили султану въ подозрительномъ видѣ его сношенія съ патріархомъ. Халкидонскій митрополитъ въ донесеніи царю Алексѣю Михайловичу въ 1652 году такимъ образомъ разсказываетъ о смерти Парѳенія. „Учинилась смерть патріарху Парѳенію отъ двухъ владѣтелей отъ молдавскаго и отъ мультянскаго за то, что онъ ихъ воли не творилъ и Хмельницкаго пословъ къ себѣ къ благословенію призвалъ и молебенъ пѣлъ и у себя ихъ накормилъ. И по той же дружбѣ послали они въ Цареградъ 30 т. ефимковъ, чтобы его известь, и по ихъ наученью грекъ Михайломъ зовутъ, затѣмъ ходилъ, промышлялъ и его патріарха извелъ". Греки, прибывшіе въ это время въ Москву, передавали слѣдующія подробности объ обстоятельствахъ смерти Парѳенія. „Турки убили патріарха по присылки мультянскаго и молдавскаго господарей; а убили патріарха такимъ образомъ: взяли его въ мѣшокъ, прежде ему глаза выняли, потомъ ушибли топоромъ межъ плечь и по лбу, потомъ ударили кинжаломъ въ брюхо и мертваго кинули въ море" „см. изъ исторіи снош. Росс. съ Вост." свящ. н. Никольскаго.

Къ этому же времени, вѣроятно, относится и письмо Кромвеля къ Богдану Хмельницкому. Отъ него сохранилось только одно начальное обращеніе, но и оно довольно ясно показываетъ, что письмо писано въ томъ же духѣ, въ какомъ писалъ и патріархъ Парѳеній. „Богданъ Хмельницкій, писалъ Кромвель, Божіею милостію генералиссимусъ греко-восточной церкви, вождь всѣхъ казаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихриста и іудеевъ!" [1]) Одинъ польскій писатель по поводу этого письма замѣчаетъ, что бунтовщикъ писалъ къ бунтовщику [2]).

Непріязненныя дѣйствія между казаками и поляками открылись еще въ февралѣ 1651 года. Война шла съ перемѣннымъ счастіемъ: храбрый казацкій полковникъ Нечай вмѣстѣ съ значительною частью своего отряда погибъ въ битвѣ съ гетманомъ Калиновскимъ, но за то виницкій полковникъ Богунъ жестоко отплатилъ полякамъ за гибель своего товарища: онъ разбилъ Калиновскаго на голову и захватилъ его весь обозъ [3]).

Самъ Хмельницкій, дожидая татаръ, выступилъ въ походъ только въ концѣ мая. Онъ имѣлъ теперь войска несравненно менѣе, чѣмъ прежде. Его прежнее обаяніе въ Малоросіи исчезло; народъ столько разъ разувѣрившійся въ честности своего гетмана, столько разъ обманутый имъ въ своихъ ожиданіяхъ, не только теперь не довѣрялъ ему, но даже ненавидѣлъ его за послѣднія казни. Многіе изъ прежнихъ его воиновъ пристали къ гайдамацкимъ загонамъ или образовали новыя шайки, предпочитая вести партизанскую войну, чѣмъ сражаться подъ командою измѣнника гетмана; другіе же ушли въ московскіе предѣлы, или на вольный Донъ, лишь бы не служить ненавистнымъ панамъ [4]). А были, говоритъ Н. И. Костомаровъ, и такіе казаки, которые при самомъ началѣ войны предложили ляхамъ свои услуги противъ того, кого

---

[1]) „Кіевская Старина" 1882 г., кн. 1, стр. 212.

[2]) Pamiętniki do panow, ч. II. стр. 235.

[3]) Ibid., стр. 154—157.

[4]) Запорож. Старина, стр. 54.

за годъ предъ тѣмъ боготворили. Такимъ образомъ значительная часть прежней арміи Хмельницкаго разсѣялась.

Но и польская республика, не смотря на религіозное воодушевленіе поляковъ къ борьбѣ съ казачествомъ, не могла выставить особенно значительнаго войска. По свидѣтельству одного украинскаго лѣтописца, у поляковъ было въ это время до 300 т.,— остались дома, говоритъ онъ, только жены, дочери да ксендзы [1].

Но это извѣстіе совершенно не правдоподобно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ несомнѣнные источники. До насъ дошелъ отъ этого времени списокъ наемныхъ солдатъ, составлявшихъ лучшую часть польскаго войска, изъ котораго видно, что поляки тогда въ состояніи были нанять только около 10 тысячъ [2]. Тоже число наемнаго войска показывается и въ „Лѣтоп. повѣствованіи о М. Р.“ [3]. Затѣмъ бывшіе въ этомъ году въ Москвѣ польскіе послы, желая преувеличить, по особеннымъ обстоятельствамъ, свои боевыя средства, говорили боярамъ, что Казимиръ отправился противъ казаковъ съ 50 т. войска [4]. Польскіе же лѣтописцы показываютъ число всего войска, бывшаго подъ Берестечкомъ, около 100 тыс. [5].

Что же касается казацкаго войска, то настоящее число его опредѣлить довольно трудно: украинскія лѣтописцы показываютъ его во сто тысячъ, а польскіе вдвое болѣе этого; но несомнѣнно, что Хмельницкій подъ Берестечкомъ имѣлъ minimum 80 т. Притомъ на его сторонѣ былъ крымскій ханъ, у котораго „было добраго коннаго бойца съ 80 т., да добычниковъ съ 100 т.“ [6].

Въ концѣ іюля 1651 года оба враждебныя войска столкнулись при Берестечкѣ, на р. Стыри. Въ первыя два дня сраженія татары храбро дрались съ поляками, но на третій день Исламъ-Гирей послѣ перваго натиска поляковъ стремительно бросился

---

[1]) Лѣтопись Грябянки.

[2]) Польская Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Малор.“, св. 1.

[3]) Стр. 78.

[4]) „Истор. Россіи“ Солов., т. 10.

[5]) Starożytnosci. . . Grabowski, стр. 271 Pamietniki do panow. . . ч. II, стр. 172.

[6]) Акты Юж. и Запад. Р., т. III, стр. 477.

въ бѣгство и увлекъ за собою татаръ [1]). Но этимъ бѣда казакамъ не окончилась: самъ гетманъ убѣжалъ отъ своего войска.

Причину бѣгства хана опредѣлить довольно трудно. Наши историки впрочемъ утверждаютъ, что будто бы Исламъ-Гирей, взявъ деньги съ поляковъ, измѣнилъ Хмельницкому и въ рѣшительную минуту битвы покинулъ его. Но это мнѣніе, между тѣмъ, противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о предъидущихъ и послѣдующихъ отношеніяхъ хана къ гетману. Притомъ для татаръ разгромить богатую Польшу было несравненно выгоднѣе, чѣмъ взять деньги съ поляковъ.

Какъ польскіе, такъ и украинскіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ также, что бѣгство татаръ было такъ стремительно, что они по дорогѣ бросали своихъ раненыхъ товарищей и добычу, а мусульмане, какъ извѣстно, считали величайшимъ грѣхомъ оставлять раненыхъ въ рукахъ непріятеля [2]).

Еслибы ханъ взялъ деньги съ поляковъ, то ему небыло бы никакой надобности обращаться въ подобное бѣгство, а полякамъ преслѣдовать бѣгущихъ, какъ это они сдѣлали [3]).

Казацкій полковникъ Семенъ Савичъ разсказывалъ московскимъ боярамъ о бѣгствѣ хана, между прочимъ, слѣдующее. Когда, говорилъ онъ, гетманъ догналъ хана и сталъ упрекать его за то, что онъ не захотѣлъ биться съ поляками, то ханъ отвѣчалъ ему „а для чего ты, пане гетмане, таборомъ ставился близко табора польскихъ людей“ [4]).

Одинъ украинскій лѣтописецъ передаетъ также, что ханъ во время рѣшительнаго сраженія закричалъ: „въ казацкомъ войскѣ измѣна“ и бросился бѣжать. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что самъ ханъ подозрѣвалъ Хмельницкаго въ измѣнѣ и это подозрѣніе было не безъ основанія. Въ этотъ день битвы, гетманъ не самъ командовалъ казацкимъ войскомъ, а почему-то поручилъ эту обязанность генеральному эсаулу Гурскому, отъ измѣны ко-

---

1) Pam. do panow, ч. II, стр. 175—182.

2) Starożytnosci Grabow, ч. 1, стр. 321; Акты Ю. и Зап. Р., т. III, № 329.

3) Ibid. Pamiętniki do panow, ч. II, стр. 184.

4) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 478.

тораго, какъ передаетъ лѣтописецъ, и произошло пораженіе казаковъ. Этотъ Гурскій недавно предъ тѣмъ былъ нобилитованъ польскимъ королемъ, т. е. получилъ право польскаго дворянства. Въ рѣшительный день битвы, принявъ главное начальство надъ казаками, онъ захотѣлъ показать себя достойнымъ той чести, которую получилъ отъ польской республики: во время нападенія поляковъ подъ начальствомъ пана Вишневецкаго, онъ подвинулъ своихъ казаковъ назадъ, пропустилъ мимо себя польское войско и тѣмъ, съ одной стороны, разстроилъ задніе ряды казаковъ, а съ другой далъ возможность Вишневецкому всѣми силами обрушиться на татаръ [1]). Крымскій ханъ, стоявшій въ это время на горѣ и наблюдавшій за ходомъ битвы, замѣтилъ измѣну Гурскаго и бросился въ бѣгство.

Казацкій полковникъ Семенъ Савичъ разсказывалъ также московскимъ боярамъ, что въ этотъ день битвы два казацкихъ начальника измѣнили казакамъ и передались на сторону поляковъ. Такимъ образомъ, по этимъ извѣстіямъ оказывается, что ханъ оставилъ поле битвы не вслѣдствіе подкупа поляками, а потому что замѣтилъ измѣну въ казацкомъ войскѣ.

Для насъ, впрочемъ, несравненно важнѣе уяснить причину бѣгства самаго Богдана Хмельницкаго. Польскіе лѣтописцы передаютъ, что когда Хмельницкій догналъ хана, то послѣдній задержалъ его и только за огромную сумму денегъ далъ ему свободу [2]).

Но другіе источники, болѣе достовѣрные, не только не подтверждаютъ этихъ извѣстій польскихъ лѣтописцевъ, но и разсказываютъ объ этомъ событіи совершенно иначе. Ни у „Самовидца, ни у Грябянки, ни въ Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго“, нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы крымскій ханъ насильственно задержалъ Богдана. Напротивъ, они единогласно свидѣтельствуютъ, что когда Хмельницкій догналъ Исламъ-Гирея, то послѣдній хотя самъ лично и не захотѣлъ вернуться на поле сраженія,

---

[1]) Краткое Истор. опис. о М. Р., стр. 16.

[2]) Pamiętniki do panow, ч. II, стр. 198. Starożytnosci. . . . Grabow, стр. 334.

однако далъ ему на помощь своихъ мурзъ съ двумя десятками тысячъ татаръ [1]).

Полковникъ Семенъ Савичъ, которому должно было быть хорошо извѣстно все, что касалось бѣгства татаръ и гетмана, разсказывая московскимъ боярамъ о берестечской катастрофѣ ни слова не говоритъ о насильственномъ задержаніи ханомъ Хмельницкаго.

Ханъ, разсказывалъ полковникъ, убѣжалъ отъ казаковъ въ пятницу 23 іюня. Когда гетманъ догналъ его около Ямполя, въ 20 вер. отъ Берестечка, и упрекнулъ его въ измѣнѣ—то ханъ „всякими мѣрами божился, что онъ чипивъ не побѣгъ, а только гнался за своими татарами, чтобы ихъ перенять и уговорить возвратиться въ обозъ къ черкасамъ; а какъ де онъ свое войско настигъ, то и остановился". „И въ то де время ханъ Нурадинъ и мурзы шертовали Хмельницкому на томъ, чтобы имъ со всѣмъ войскомъ тотчасъ возвратиться назадъ подъ Берестечко, въ обозъ къ запорожскимъ казакамъ. (А съ гетманомъ былъ тогда Иванъ Лукьяновъ, который нынѣ присланъ въ послахъ къ царю) и Хмельницкій написалъ универсалъ свой и послалъ въ обозъ съ нимъ Ивана Лукьянова (то было въ субботу вечеромъ), а въ универсалѣ томъ писалъ, чтобы войско было готово на бой съ поляками во вторникъ между 10 и 12 часами. Иванъ самъ пріѣхалъ съ универсаломъ въ обозъ въ понедѣльникъ и какъ де войску вычли универсалъ, стало войско опять весело. И во вторникъ де войско все изготовилось противъ универсала, но второй надесять часъ дня прошолъ, а гетмана съ ханомъ не бывало. Какъ де пошли ханъ съ войскомъ своимъ и съ гетманомъ назадъ въ запорожскій обозъ, то пошелъ дождь и войско татарское все перемокло и стали межъ себя говорить хану: видишь ли, что намъ самъ Богъ не велитъ идти и дождь пустилъ; куда намъ теперь мокрымъ и въ грязи идти на бой съ поляками? Сами де мокры, а лошади утомлены и голодны! И такъ де наговорили хана, чтобы опять съ войскомъ воротиться назадъ, а уже де былъ близко обозъ черкасскій; а какъ де поворотились, то бѣжали, одинъ другаго не до-

[1]) Стр. 25; стр. 101; Лѣт. Повѣств., стр. 154.

жидая, и всѣ свои набытки по дорогѣ метали: такой де страхъ на нихъ нашелъ. А гетманъ де Богданъ Хмельницкій съ ханомъ же поѣхалъ, и бѣжалъ де ханъ и Хмельницкій ажъ подъ Константиновъ и, остановившись, учалъ де ханъ съ Хмельницкимъ говорить: самъ де не придумаю, какой де на нихъ страхъ напалъ; вѣрно де на нихъ поляки вѣдовство наслали [1]).

Въ этомъ разсказѣ полковникъ Савичъ ничего не говоритъ о насиліи хана надъ гетманомъ; онъ разсказываетъ, что Хмельницкій самъ, добровольно, побѣжалъ за ханомъ, а еслибы было иначе, т. е. еслибы ханъ насильно увлекъ за собою гетмана, то полковникъ не упустилъ бы упомянуть объ этомъ.

Точно также и самъ Богданъ Хмельницкій въ письмѣ къ султану, писанному вскорѣ послѣ берестечской катастрофы, говоря объ этомъ событіи, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о насильствѣ хана[2]). Между тѣмъ онъ въ это время былъ уже турецкимъ подданнымъ и ему былъ полнѣйшій расчетъ пожаловаться повелителю мусульманъ на вѣроломство одного изъ его вассаловъ.

Видно, что Хмельницкимъ овладѣла трусость: онъ не надѣялся съ однимъ казацкимъ войскомъ управиться съ поляками и боялся, въ случаѣ пораженія казаковъ, чтобы не попасть въ плѣнъ. Нужно также замѣтить, что гетманъ убѣжалъ отъ своего войска не одинъ, а взялъ съ собою пріятеля Выговскаго и сына своего Тимофея.

Сами же казаки бѣгство хана и своего вождя объяснили слѣдующимъ образомъ: „Старшина насъ покинула; Хмельницкій всему виною! Онъ злодѣй измѣнникъ погубилъ насъ! Мы выбились изъ ляшской неволи, а онъ насъ опять предалъ панамъ! Мы возстали, вотъ онъ намъ за это и надѣлалъ бѣды! Онъ подружился съ бусурманомъ и самъ ушелъ вмѣстѣ съ нимъ, а насъ оставилъ на зарѣзъ. Будемъ просить милости у короля; а его злодѣя поймаемъ и выдадимъ. У насъ будетъ лучше его гетманъ“ [3]). Такъ разсуждали казаки на вольной радѣ подъ Берестечкомъ, по ухо-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 479.

[2]) Польск. Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Мал.“, св. I.

[3]) „Богд. Хмельн.“, т. II, стр. 344.

дѣ Хмельницкаго, будучи окружены польскими войсками. Голосъ народа, въ данномъ случаѣ,—голосъ Божій и ему нельзя не вѣрить. Тѣмъ болѣе, что одинъ украинскій лѣтописецъ замѣчаетъ: „нѣкоторые изъ малороссійскихъ писателей повѣствуютъ объ ономъ (о бѣгствѣ Хмельницкаго), что Хмельницкій тогда умышленно оставилъ свое войско для того, что не во всемъ его казаки стали уже слушаться, ниже вести съ поляками войны, но перестать хотѣли" [1]).

Въ народной думѣ о берестечской битвѣ въ уста Богдана влагаются слѣдующіе стихи, на которые историкъ не можетъ не обратить вниманія.

„Ой не я той хміль зеленый по тички не вьюся;
Ой не я той казак Хмельницкій з ляшками не бьюся!
—А деж твои, Хмельниченьку, воронні коні?
У гетмана Потоцького стоять на пригони.
—А деж твои, Хмельниченьку, кованиі вози?
У містечку Берестечку заточені въ лозі!
Що я з вами, вражи ляхи, не поправді бився!"

Стало быть, было общее убѣжденіе въ вѣроломной измѣнѣ Богдана своему войску. Хмельницкій, мы видимъ, уходитъ изъ подъ Берестечка, имѣя minimum 80 т. храбрѣйшаго войска, съ которымъ онъ еслибы безъ помощи татаръ и не побѣдилъ поляковъ, то во всякомъ случаѣ не потерпѣлъ бы и пораженія.

Покинутое вождемъ казацкое войско долгое время одно, безъ предводителя, съ успѣхомъ отражало всѣ нападенія многочисленнаго непріятеля. Сами поляки удивлялись въ это время мужеству и храбрости казаковъ! Не надѣясь взять казацкій таборъ съ боя, поляки наконецъ рѣшились заключить миръ съ казаками, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они выдали имъ Хмельницкаго, Выговскаго и другихъ старшинъ. По свидѣтельству лѣтописцевъ, казаки на такое предложеніе поляковъ отвѣчали слѣдующее: „Хмельницкаго съ Выговскимъ выдать обѣщаемъ, но старшину ни за что, хотя бы намъ и пришлось умереть" [2]). Изъ

---

[1]) Лѣт. Гряб., стр. 105; „Лѣт. Повѣств.", стр. 158.

[2]) Pamiętniki do panow., ч. II, стр. 187; Лѣт. Гряб., стр. 104. Прилож. къ „Богд. Хмельн.", т. III, стр. 342.

этого отвѣта казаковъ видно, что они теперь цѣнили Хмельницкаго менѣе, чѣмъ какого-нибудь полковника, или хорунжаго. Когда же поляки не согласились на миръ, то казацкое войско пробилось сквозь непріятельскія полчища и ушло на Украйну.

Полякамъ достался казацкій обозъ и шкатулка Хмельницкаго, въ которой хранились письма къ нему отъ турокъ, татаръ, поляковъ и др. [1])

---

[1]) Starożyt. Grabowsk. стр. 329. „Szkatulę z tak wielką listów tureckich, tatarskich, polskich wzięto, że będzie co czytác.“

Глава 6-я.

Берестечская побѣда не дала полякамъ тѣхъ выгодъ, которыхъ они ожидали отъ нея. Казацкое войско было разсѣяно, но не истреблено: большинство казаковъ, покинувши свой таборъ подъ Берестечкомъ, не смотря на всѣ затрудненія на пути, добралось до Украины и снова готово было къ битвамъ. Ни польскій король, ни польскіе паны не желали преслѣдовать казаковъ съ цѣлію истребить ихъ. Для короля не было никакого расчета уничтожать казачество, которое всегда относилось къ нему съ уваженіемъ и въ которомъ онъ при случаѣ могъ найти опору своей власти противъ польскихъ магнатовъ. Поэтому пущенный въ то время слухъ, что король будто бы умышленно выпустилъ казаковъ изъ ихъ обоза, имѣлъ за собою достаточно основаній. Точно также не было никакого расчета истреблять казаковъ и тѣмъ польскимъ панамъ, которые имѣли на Украинѣ свои имѣнія: имъ казалось, что послѣ берестечской катастрофы, казаки уже не въ состояніи болѣе бунтовать и согласятся попрежнему работать на своихъ господъ. Наконецъ, многіе изъ польскихъ пановъ не желали преслѣдовать казаковъ потому, что спѣшили возвратиться домой, для защиты своихъ владѣній въ самой Польшѣ, которымъ угрожалъ въ то время трансильванскій князь Рагоци.

Только коронный гетманъ Потоцкій съ немногими другими панами былъ иного мнѣнія и съ радостію принялъ предложеніе короля идти на Украйну, чтобы окончательно потушить казацкій мятежъ. Онъ стремился отомстить Хмельницкому за прежнія пораженія и въ особенности за свой плѣнъ, изъ котораго только недавно выпустили его татары.

*

Подъ начальствомъ Потоцкаго двинулось на Украйну не болѣе 30 т. войска. Эта армія была ненадежная: значительная ея часть состояла изъ тѣхъ отрядовъ посполитаго рушенья, которые пришли въ обозъ уже послѣ берестечскаго дѣла, стало-быть —изъ людей мало опытныхъ и мало привычныхъ къ военнымъ походамъ. Между тѣмъ этому войску, прежде чѣмъ достигнуть Украйны, нужно было пройти Волынь, край совершенно опустошенный. Уже спустя нѣсколько дней, послѣ начала похода, поляки очутились въ ужасномъ положеніи: съѣстные запасы истощились, а на пути невозможно было достать въ достаточномъ количествѣ ни хлѣба, ни мяса. Изъ донесенія королю пана Мясковскаго, участника въ этомъ походѣ, видно, въ какомъ критическомъ положеніи находилась въ это время польская армія! „Слякоть и ужасная въ самомъ началѣ непогода, писалъ онъ 1-го августа къ Казимиру, въ теченіи нѣсколькихъ дней, причинила большой вредъ конницѣ и пѣхотѣ; потомъ такой голодъ, о какомъ за людской памяти не слыхано, развѣ гдѣ-нибудь при самой жестокой осадѣ замковъ и городовъ; но ни въ хотинскомъ, ни въ московскомъ, ни въ збаражскомъ войскѣ такого голода не видано. Пѣхота принуждена употреблять отвратительную пищу; хлѣба никоимъ образомъ достать нельзя, даже за самую дорогую цѣну; а мяса, кромѣ конской падали, не видятъ; даже ѣдятъ такую падалину, которая ужъ три дня гніетъ въ болотѣ,—принуждены, какъ звѣри, питаться сырою кожею или травою. . . . Нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ, потому что край, въ которомъ мы надѣемся имѣть хлѣбъ, еще далекъ, и притомъ и онъ такъ опустошенъ, что объ немъ можно сказать: земля же была неустроена и пуста. Нѣтъ ни городовъ, ни селъ, одно поле и пепелъ; не видно ни людей, ни звѣрей живыхъ, только птицы летаютъ въ воздухѣ“ [1]).

Потоцкій ежедневно видѣлъ убыль въ своемъ войскѣ: одни воины умирали отъ голода и болѣзней, а другіе, подъ видомъ собиранія припасовъ, удалялись изъ обоза и уходили въ Польшу. Гетманъ уже не думалъ о тѣхъ блестящихъ побѣдахъ и тріумфахъ,

---

[1]) Памят. К. Комм., т. II, отд. III, № XI.

которые грезились ему въ началѣ похода; онъ заботился теперь только о спасеніи своего войска и спѣшилъ на Украйну, гдѣ надѣялся найти съѣстные припасы для своего войска. Наконецъ, въ половинѣ августа поляки достигли Украйны; но здѣсь ихъ ожидало полнѣйшее разочарованіе! Поляки надѣялись, какъ мы говорили выше, что, послѣ берестечскаго пораженія казацкаго войска, жители Украйны съ покорностью встрѣтятъ побѣдителей и наложатъ на себя прежнее ярмо безъ всякаго сопротивленія. Но эти ожиданія не оправдались: все русское населеніе рѣшилось скорѣе умереть, чѣмъ принести повинную польскимъ панамъ.

Едва сдѣлалось извѣстнымъ о приближеніи польскаго войска, какъ украинскій народъ началъ бросать свои дома и свое имущество и уходить въ глубь Украйны, за Днѣпръ. Все, что нельзя было унести съ собою, русскіе безпощадно жгли, чтобы не доставалось ихъ врагамъ. Вмѣсто хлѣба поляки успѣли захватить на Украйнѣ только жатву на поляхъ; но всѣ полевыя орудія и даже мельницы были обращены въ пепелъ. Тѣже русскіе, которые не успѣли бѣжать отъ польскаго войска, запирались въ замкахъ и защищались съ отчаянною храбростью. Потоцкій потерялъ массу войска, прежде чѣмъ могъ завладѣть украинскими городами и крѣпостями, попадавшимися ему на пути: каждый городъ, каждое село онъ долженъ былъ брать приступомъ; никто не просилъ пощады; всѣ гибли или отъ польскаго оружія или же сами убивали себя, лишь бы не доставаться живыми своимъ побѣдителямъ! [1]) „Неукротимая чернь, доносилъ королю Мясковскій, видя войско огромное, ни души не выслала просить о помилованіи, но посылала намъ тысячу ругательствъ и совѣтовала ляхамъ не мучить коней, чтобы было на чемъ уходить въ Краковъ“ [2]).

Несравненно лучше шли польскія дѣла въ Литвѣ. Тамъ долгое время велась только оборонительная война; но послѣ берестечскаго сраженія князь Радзивиллъ перешелъ въ наступленіе и одержалъ надъ казаками блестящія побѣды. Значительная армія казаковъ подъ начальствомъ полковника Небабы была разбита ли-

---

[1]) Краткое опис. о казацк. мал. нар., стр. 60—61.

[2]) Пам. К. К., т. II, отд. III, стр. 109.

товскими войсками и самъ начальникъ вмѣстѣ съ тремя другими полковниками погибъ въ сраженіи. Антонъ Ждановичъ, защищавшій путь къ Кіеву, не смотря на значительное войско, находящееся въ его распоряженіи, принужденъ былъ уступить Радзивиллу и оставить въ его рукахъ Кіевъ [1]).

Теперь обратимся къ самому Хмельницкому. „Самовидецъ" разсказываетъ, что Богданъ Хмельницкій (во время бѣгства изъ подъ Берестечка), не доходя до Константинова, повернулъ къ Любартову, а потомъ пришелъ въ Паволичь. Здѣсь чрезъ нѣсколько времени онъ узналъ о судьбѣ своего войска подъ Берестечкомъ.

Гетманъ находился теперь въ самомъ критическомъ положеніи: народъ считалъ его измѣнникомъ и потерялъ въ него вѣру; поляки всѣми силами старались захватить его въ свои руки и отплатить ему за всѣ тѣ бѣды, которыя онъ причинилъ Польшѣ своимъ возстаніемъ. Когда Богданъ изъ Паволочи пришелъ къ Чигирину, то народъ, прежде принимавшій своего батьку съ восторгомъ и любовію, теперь не хотѣлъ даже пустить его въ городъ. Храбрый полковникъ Мартынъ Сулима поднялъ противъ гетмана знамя бунта и съ согласія вольной рады осудилъ его на смерть. Только благодаря случайному обстоятельству это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе: Сулима въ одной стычкѣ съ поляками попался въ плѣнъ и это спасло Хмельницкаго [2]).

Находясь въ такомъ положеніи, Богданъ употребилъ всю свою энергію, чтобы возвратить прежнюю преданность народа и поправить берестечское дѣло: по всей Украйнѣ онъ разослалъ универсалы, призывая народъ на защиту отечества. Но немногіе стали подъ знамена вѣроломнаго измѣнника! Только полковникъ Богунъ успѣлъ собрать значительное войско и преградить дальнѣйшее наступленіе Потоцкаго. Онъ укрѣпилъ Бѣлую-Церковь и сталъ тамъ твердою ногою; сюда же скоро прибылъ и самъ Хмельницкій съ двумя тысячами татаръ [3]).

---

[1]) Крат. опис., стр. 59; Пам. К. К., т. II, отд. III, № XII.

[2]) „Запорож. Стар.", ч. II, стр. 76; Пам. К. К., т. II, отд. III, № XI.

[3]) „Кратк. опис. о к. м. нар.", стр. 60.

Между тѣмъ Потоцкій, хотя и соединился съ Радзивилломъ, однако медленно подвигался впередъ. Онъ столько же въ настоящее время боялся казаковъ, какъ и Хмельницкій его самого. Дойдя до Бѣлой-Церкви польскій гетманъ остановился здѣсь лагеремъ и думалъ только о томъ, какъ бы выгоднѣе заключить миръ съ казаками. Послѣ такого длиннаго перехода по опустошенному и враждебному краю, его войско было истощено и не было способно къ дальнѣйшимъ военнымъ операціямъ. Одинъ полякъ писалъ королевичу: „положеніе наше подъ Бѣлою-Церковью было самое отчаянное; войска мало, въ запасахъ — недостатокъ; но Хмельницкій позорно уступилъ намъ“ [1]).

Дѣйствительно, Богданомъ овладѣло необыкновенная трусость: не смотря на желаніе цѣлаго войска биться съ поляками, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе заключить съ ними миръ. Онъ написалъ краснорѣчивое письмо къ Потоцкому, въ которомъ убѣждалъ его не проливать долѣе христіанской крови и постановить прочный миръ съ казаками. Потоцкій только того и ждалъ! Скоро съ той и другой стороны назначены были коммиссары для переговоровъ, а 28-го сентября уже былъ подписанъ мирный договоръ. По этому договору, извѣстному въ исторіи подъ именемъ „бѣлоцерковскаго“, число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20 т.; польскіе паны сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ попрежнему будутъ владѣть своими имѣніями на Украйнѣ и тотчасъ могутъ взять въ свою власть всѣ доходы, кормы, мельницы и судопроизводство; религія греческая, также соборы, церкви и монастыри должны оставаться при прежнихъ правахъ — какъ было до возстанія; жиды какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ короля и въ имѣніяхъ шляхты, такъ и теперь могутъ быть; гетманъ запорожскаго войска не долженъ имѣть никакихъ сношеній съ иностранными государствами и во всемъ подчиниться коронному гетману. Словомъ украинскій народъ снова обращался къ тому ужасному положенію, въ которомъ онъ находился и до возстанія [2]).

---

[1]) Starożytnosci Grabow., ч. II, стр. 352.

[2]) Памят. Кіев. Ком., т. II, отд. III, № XIV.

Вотъ къ какимъ результатамъ привела Хмельницкаго его политика, шедшая въ разрѣзъ съ стремленіями народа!

„Украйна, говорится въ „Запорож. Стар.“, вновь теперь должна страдать подъ ярмомъ деспотовъ, какъ страдала послѣ Полтора-Кожуха, изнеможенная, ограбленная, разоренная, усѣянная могилами и пожарищами; и жидъ снова звучалъ злотыми у вратъ храма православнаго, а ляхъ—своею саблею надъ головою нищаго селянина и безоружнаго казака“.

Что же дѣлалъ теперь Хмельницкій? Неужели онъ равнодушно смотрѣлъ на бѣдствія своего отечества?

Да, Хмельницкій, по свидѣтельству источниковъ, былъ глухъ къ страданіямъ народа; онъ молча слушалъ его жалобы и все болѣе и болѣе увеличивавшійся ропотъ. Самъ Богданъ жилъ въ довольствѣ и роскоши; недовѣряя казакамъ, онъ окружилъ себя наемною дружиною татаръ и снова старался войти въ дружбу съ поляками. По смерти Потоцкаго Хмельницкій „въ память ему правилъ тризну казнію казаковъ, возмутившихся на ляховъ и пировалъ съ ляхами, будто съ друзьями сердца своего“ [1]).

Но не сердечно относились къ Богдану сами ляхи: они искали только удобнаго случая, чтобы погубить виновника всѣхъ бѣдъ. Когда, по заключеніи бѣлоцерковскаго договора, Богданъ явился въ лагерь поляковъ, то они задумали отравить его во время пиршества и только случайно, замѣтивъ въ винѣ, поданномъ ему, ядъ, онъ избавился отъ смерти [2]).

Не безопасна была жизнь Богдана и между своими соотечественниками. Негодованіе на него народа перешло въ заговоры на его жизнь, а заговоры разражались открытымъ возстаніемъ. Мартынъ Сулима, заслужившій любовь и преданность народа, освободившись изъ польскаго плѣна, снова составилъ заговоръ на жизнь стараго гетмана, хотя, впрочемъ, и теперь безуспѣшно. На этотъ разъ онъ рѣшилъ привести въ исполненіе заговоръ при посредствѣ Тимофея, старшаго сына гетмана. Вольная рада, собранная самимъ Сулимою изъ недовольныхъ казаковъ и черни,

---

[1]) „Запорож. Стар.“, стр. 78.

[2]) Starożytnosci Grabow, ч. I, стр. 313.

осудивъ стараго Хмельницкаго на смерть, рѣшила избрать на его мѣсто Тимофея. Сулимѣ и его сторонникамъ казалось, что этотъ пылкій и отважный юноша, не по лѣтамъ честолюбивый, изъ страсти властвовать, можетъ служить удобнымъ орудіемъ въ исполненіи ихъ заговора; но зная вообще сыновнюю привязанность къ своему родителю, заговорщики рѣшили скрыть отъ Тимофея осужденіе гетмана на смерть. Имѣя уже около 10 т. всадниковъ подъ своимъ знаменемъ, Сулима началъ дѣйствовать и, повидимому, довольно искусно. Онъ послалъ къ молодому Хмельницкому депутацію и съ нею письменныя просьбу и присягу отъ имени всего запорожскаго войска. „Оба акта, говорится въ „Запор. Стар.“, красиво написанные на пергаментѣ, изукрашенномъ гербами полковъ, были вложены въ ящикъ, наполненный залотомъ и серебромъ“. Депутаты объяснили Тимофею, что войско избираетъ его гетманомъ на время для окончанія войны съ поляками, такъ какъ отецъ его не можетъ рѣшиться снова начать борьбу со врагами, будучи обязанъ бѣлоцерковскимъ договоромъ. Но эта хитрость не удалась. Молодой Хмельницкій, или былъ предупрежденъ кѣмъ-нибудь изъ заговорщиковъ, или можетъ быть самъ проникъ въ дѣйствительныя ихъ намѣренія, перехитрилъ стараго Сулима. Онъ, повидимому, съ непритворною радостію принялъ депутатовъ, выслушалъ содержаніе актовъ, поцѣловалъ ихъ и, взявъ за руку старшаго депутата Антона, сказалъ ему: „не забуду Мартына, какъ не забылъ и онъ меня“. Затѣмъ Тимофей написалъ къ Сулимѣ письмо, въ которомъ просилъ его къ себѣ на свиданіе для окончательныхъ переговоровъ о дѣлѣ. Мартынъ Сулима, получивъ это письмо, пріѣхалъ къ Тимофею и былъ принятъ имъ ласково; но на другой день безъ лѣваго уха и правой руки былъ отосланъ къ гетману вмѣстѣ съ актами. „Я невиноватъ предъ тобою“, сказалъ Богданъ Сулимѣ, когда послѣдняго ввели къ нему окровавленнаго, закованнаго, но еще грознаго и самонадѣяннаго. Старый казакъ, строго взглянувъ на своего гетмана, произнесъ: „кончай“! Богданъ немедленно приказалъ казнить своего знаменитаго сподвижника и любимца народа.

На сколько этотъ разсказъ достовѣренъ—судить довольно трудно, но имѣя въ виду общее враждебное настроеніе народа про-

тивъ Хмельницкаго, нельзя отрицать нѣкоторую справедливость его. Это былъ уже третій заговоръ Сулимы противъ гетмана и кончился также неудачно, какъ и первые два. Сторонники Сулимы, послѣ его казни, не имѣя другого такого отважнаго руководителя, принесли повинную своему гетману [1]).

Тѣмъ не менѣе ропотъ на Хмельницкаго продолжался; положеніе его на Украйнѣ время отъ времени становилось опаснѣе и никакія жестокости не могли укротить недовольныхъ. „Такъ то ты, гетманъ, кричалъ народъ, ищешь покоя у ляховъ, а насъ снова хочешь выдать имъ на мученіе, но прежде чѣмъ это будетъ, ты самъ положишь голову и погибнешь вмѣстѣ съ ляхами“! [2]) Разсказываютъ, что даже запорожцы, собравшись въ числѣ 20 т., приходили въ Чигиринъ, чтобы убить гетмана. Но Хмельницкій при посредствѣ своей татарской стражи и вѣрныхъ казаковъ отбилъ ихъ нападеніе. Тогда бунтовщики бросились въ Переяславль, захватили этотъ городъ въ свои руки и укрѣпились въ немъ; однако не долго держались въ немъ: послѣ двухнедѣльной осады, Богданъ силою взялъ эту крѣпость и всѣхъ бунтовщиковъ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, предалъ казни [3]).

Другіе источники упоминаютъ о возстаніи противъ Хмельницкаго—на правой сторонѣ Днѣпра Хмелецкаго, на лѣвой—Бугая; но особенно сильный бунтъ былъ поднятъ бывшимъ корсунскимъ полковникомъ Лукьяномъ Мозырею. Онъ, послѣ Сулимы, былъ душою всѣхъ тѣхъ, которые были недовольны гетманомъ и желали окончательнаго изгнанія изъ Украйны поляковъ. Мозыра подъ свое знамя собралъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и съ успѣхомъ началъ было войну съ поляками: высланные противъ него гетманомъ Калиновскимъ два отряда жолнеровъ были совершенно разбиты; даже самъ Потоцкій, сынъ покойнаго гетмана, не осмѣлился сразиться съ Мозырею и поспѣшно удалился съ лѣвой стороны Днѣпра, куда онъ явился было на помощь отрядамъ Ка-

---

[1]) „Запор. Стар.“, ч. II, стр. 77--80.

[2]) Лѣт. Грябянки, стр. 108.

[3]) „Запор. Стар.“, ч. II, стр. 130.

линовскаго. Вѣсть объ этомъ столкновеніи скоро достигла польскаго короля и послѣдній именемъ своимъ и всей Посполитой Рѣчи требовалъ отъ Хмельницкаго строгаго суда надъ виновниками бунта. Богданъ, чтобы показать свое усердіе и покорность, приказалъ казнить главныхъ предводителей мятежниковъ—Хмелецкаго, Мозыру и другихъ.

„Повѣрьте, гетманъ, писалъ Богданъ къ Калиновскому, я всѣми силами стараюсь о спокойствіи...; въ доказательство же моей готовности быть вѣрнымъ слугою Рѣчи Посполитой, я желаю самъ, чтобы виновные по суду были преданы смертной казни". Кромѣ этихъ осужденныхъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, по разнымъ мѣстамъ Украйны, частію по приговору коммиссій, а частію по волѣ гетмана рубили головы, вѣшали, сажали на колъ и проч. [1]).

Такимъ образомъ Украйна находилась между молотомъ и наковальней: съ одной стороны её грабили польскіе паны и жолнеры, а съ другой самъ гетманъ жестоко расправлялся съ тѣми, которые оказывали сопротивленіе своимъ грабителямъ. Все это побуждало народъ бросать свою „милу Украйну" и искать пріюта въ чужой странѣ. Массы поселянъ, сжегши свои дома и имущество, которое не могли унесть съ собою, уходили въ московское государство, въ незаселенныя еще степи и въ короткое время населили слободы—Ахтырку, Сумы, Харьковъ, Изюмъ, Бѣлополье и др. [2]).

Но для Хмельницкаго, какъ и для поляковъ, было невыгодно лишиться такой массы „быдла", какъ назывался тогда простой народъ, и потому онъ издалъ строгій универсалъ противъ такихъ переходовъ. „Ужъ теперь, объявлялъ онъ въ универсалѣ, негодится дѣлать того, что дѣлалось прежде: никому не будетъ пощады, кто не хочетъ покориться"! [3]).

Въ предъидущей главѣ мы говорили, что Богданъ Хмельницкій послѣ зборовскаго договора, когда вооруженная чернь, не во-

---

[1]) Лѣт. Гряб; Пам. Кіев. комм., т. III, отд. III, стр. 8. „Богд. Хмельн." т. III, стр. 14—16.

[2]) „Краткое опис. о казацк. малор. нар.", стр. 66.

[3]) „Богд. Хмельн." т. III, стр. 11.

шедшая въ реестръ, начала поднимать бунты противъ него и польскихъ пановъ, рѣшился занять ея вниманіе дѣломъ постороннимъ и разсѣять её по полямъ битвъ. Онъ тогда началъ войну съ молдавскимъ господаремъ Лупулою за то, что послѣдній не хотѣлъ выдать свою дочь за его сына Тимофея. Однако сила заставила господаря дать согласіе на этотъ бракъ. Хмельницкій въ то время не успѣлъ женить сына на молдавской господарынѣ, по случаю новой войны съ поляками; а послѣ берестечскаго пораженія самъ Лупула не желалъ исполнить своего обѣщанія и прямо объявилъ казацкому гетману, что онъ не отдастъ своей дочери за его сына. Теперь Богданъ, помирившись съ поляками, снова затѣялъ войну съ Лупулою и силою рѣшился добыть жену своему сыну Тимофею: онъ призвалъ на помощь Карачь-Мурзу съ нѣсколькими десятками тысячъ татаръ и отправился въ Молдавію. Лупула въ свою очередь вооружился и призывалъ на помощь къ себѣ поляковъ.

Янъ Казимиръ, король польскій, по совѣту съ сенаторами, разсказываетъ украинскій лѣтописецъ, внявъ господарскому прошенію и желая воспрепятствовать свадьбѣ Хмельницкаго и даже его самого забрать въ свои руки, приказалъ гетману Калиновскому не пропускать казацкое войско въ Молдавію и защищать Лупулу. Богданъ, узнавъ, что Калиновскій сталъ съ войскомъ на пути между Ладыжиномъ и Батогомъ съ намѣреніемъ защищать молдавскаго господаря и не желая ссориться съ поляками, отправилъ къ нему предупредительное письмо, въ которомъ совѣтовалъ ему уступить дорогу Тимофею, чтобы не произошло враждебнаго столкновенія между казаками и поляками. Но Калиновскій, введенный своими агентами въ обманъ на счетъ силъ Тимофея, не послушался этого совѣта и загородилъ ему дорогу своимъ войскомъ. Тогда самъ Богданъ поспѣшилъ на помощь сыну и въ страшной битвѣ около мѣстечка Батога разбилъ на голову польское войско. „Въ этотъ несчастный для поляковъ день, передаетъ украинскій лѣтописецъ, не только многіе коронные сыны, полковники, ротмистры и иные знатные персоны, конные и пѣшіе офицеры—одни были побиты, другіе потонули въ Бугѣ, третьи достались ремню крымскому, но и самъ гетманъ Калиновскій по-

гибъ". Хмельницкій, вѣроятно, съ цѣлью загладить свой проступокъ, выкупилъ у татаръ на свои деньги до 250 знатныхъ поляковъ и съ ласками отправилъ ихъ въ Польшу [1]).

Послѣ пораженія польскаго войска малдавскій господарь, не будучи въ состояніи сопротивляться Тимофею Хмельницкому, выдалъ за него свою дочь и тѣмъ отвратилъ отъ своего государства наступавшую грозу.

---

[1]) Лѣтопись Величко, т. 1, стр. 107—112.

Глава 7-я.

Однимъ изъ выдающихся событій много-знаменательной эпохи Богдана Хмельницкаго справедливо считается присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Но чтобы понять смыслъ и значеніе этого событія, какъ дѣла Хмельницкаго, нужно имѣть въ виду его предъидущія и послѣдующія отношенія къ Москвѣ, равнымъ образомъ и его отношенія къ Турціи, которой онъ былъ данникомъ уже съ 1650 года.

Поднявъ возстаніе противъ Польши, Богданъ Хмельницкій не могъ игнорировать московское государство, индиферентно относится къ нему, а напротивъ заискивать и расположить его въ свою пользу, чтобы не имѣть врагомъ. Между Польшей и московскимъ государствомъ былъ заключенъ оборонительный союзъ противъ татаръ и московское правительство, по первому требованію поляковъ, обязывалось посылать имъ войска на помощь, въ случаѣ нападенія на нихъ крымской орды. Но орда, какъ мы видѣли, дѣйствовала противъ Польши въ союзѣ съ казаками; стало-быть московское правительство, помогая полякамъ противъ татаръ, неизбѣжно должно было враждебно столкнуться и съ Хмельницкимъ. Уже въ январѣ 1648 года, Адамъ Кисель, кіевскій каштелянъ, въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ, князю Долгорукому, требовалъ на основаніи этого договора, что „какъ только орда пойдетъ противъ польскаго королевства, то чтобъ московскія войска стояли за одно съ поляками противъ татаръ“ [1]). Долгорукій отвѣчалъ Киселю, „что московскія войска уже готовы промыш-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 108.

лять надъ бусурманами за одно съ поляками и великій Государь Алексѣй Михайловичъ, ради дружбы и любви съ великимъ польскимъ королемъ Владиславомъ, приказалъ своему воеводѣ Хотмышскому вмѣстѣ съ служилыми людьми, дѣтьми боярскими, драгунами и стрѣльцами быть готовымъ идти на бусурманъ“ [1]). Но сами поляки были причиною того, что московское правительство не могло во время подать имъ помощи противъ татаръ. Въ то время, когда московскія войска начали уже собираться въ походъ, Адамъ Кисель писалъ къ князю Долгорукому, что крымскій ханъ, по повелѣнію султана, уже оставилъ свое намѣреніе напасть на Польшу, а потому помощь пока не нужна [2]). Поляки въ это время заботились только о Богданѣ Хмельницкомъ, хотя и незнали истинныхъ его намѣреній. Первыя извѣстія о немъ московскіе бояре получили отъ того же самаго А. Киселя. „Тысяча или нѣсколько болѣе своевольныхъ казаковъ, извѣщалъ онъ князя Долгорукаго въ письмѣ отъ 17-го марта 1648 г., подъ начальствомъ простого хлопа Хмельницкаго убѣжали на Запорожье; но такъ какъ они думаютъ подбить донскихъ казаковъ выйти на море, то если Хмельницкій придетъ на Донъ, чтобы тамъ его не принимали, не щадили и не пускали на море“ [3]).

Но Хмельницкій убѣжалъ, какъ мы знаемъ, не къ донскимъ казакамъ, а къ крымскому хану, отъ котораго и получилъ помощь въ нѣсколько тысячъ татаръ. Московскіе послы въ Крыму извѣщали Адама Киселя, что въ Крымъ прибыли четыре человѣка казаковъ съ предложеніемъ холопства хану и съ просьбою помочь запорожскому войску противъ поляковъ. Кисель отписалъ имъ, что все войско запорожское вѣрно своему правительству, а бунтуетъ одинъ измѣнникъ Хмельницкій съ нѣсколькими хлопами; польское войско скоро отправится добывать мятежниковъ. Однако это мнѣніе не оправдалось. Скоро сами поляки узнали, что Хмельницкій вмѣстѣ съ запорожцами и татарами двинулся противъ поляковъ, а Адамъ Кисель въ письмѣ отъ 1-го мая, извѣщая пу-

---

[1]) Ibid, № 128.
[2]) Ibid., № 146.
[3]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 163.

тивльскаго воеводу о походѣ татаръ, просилъ его немедленно соединить московскія войска съ польскими и идти на встрѣчу непріятеля [1]). Но прежде чѣмъ московскія войска могли собраться въ походъ, поляки потерпѣли страшныя пораженія 9-го мая при Желтыхъ Водахъ, а 18-го подъ Корсунемъ. Такой неожиданный успѣхъ Хмельницкаго далъ совсѣмъ иной оборотъ дѣлу. Московскіе бояре увидѣли, что бунтуетъ не простой хлопъ и не нѣсколько своевольныхъ казаковъ, если польскія войска потерпѣли отъ нихъ два такихъ страшныхъ пораженія, а потому они остановили свои войска и выжидали, что будетъ дальше.

Между тѣмъ Хмельницкій изъ перехваченной имъ переписки московскихъ воеводъ съ Адамомъ Киселемъ узналъ, что московское государство намѣрено помогать полякамъ и рѣшился во что бы то ни стало отвлечь Алексѣя Михайловича отъ союза противъ него съ Польшей.

8-го іюня Богданъ Хмельницкій написалъ къ Алексѣю Михайловичу самое почтительнѣйшее и просительное письмо, въ которомъ онъ объявлялъ, что казаки подняли возстаніе за православіе, на защиту правъ и вольностей старожитной греческой вѣры, которыя были попраны безбожными аріанами. „Но творецъ избавитель нашъ, Іисусъ Христосъ, писалъ Богданъ, смилуясь надъ бѣдствіями убогихъ людей и кровавыми слезами бѣдныхъ сиротъ, озаряя на насъ милостію и своимъ святымъ милосердіемъ, какъ бы пославъ свое святое слово, изволилъ освободить насъ: которую яму ископали было для насъ, сами въ нее попали“.

Затѣмъ Хмельницкій извѣщалъ, что два польскія войска, по милости Божіей, были разбиты и три великихъ польскихъ гетмана захвачены имъ въ плѣнъ. Сообщалъ также и о томъ, что Владиславъ умеръ, но умеръ насильственно отъ тѣхъ же безбожныхъ непріятелей — польскихъ пановъ. Въ заключеніе письма Хмельницкій писалъ Царю: „Желали бы и мы имѣть въ своей землѣ такого же самодержца государя, какъ ваша царская вельможность; если на то есть твоя воля, то просимъ, какъ только ляхи снова начнутъ наступать на насъ, то чтобы не медля съ вой-

---

[1]) Ibid, № 182.

скомъ шелъ на ихъ государство, а мы съ своей стороны будемъ промышлять надъ ними“ [1]). Это письмо не могло не произвесть впечатлѣнія на религiознаго и чувствительнаго Алексѣя Михайловича. Теперь московскiй государь могъ думать, что Хмельницкiй—не простой мятежникъ, но стоитъ во главѣ всего запорожскаго войска, возставшаго на защиту своей греческой вѣры, которую исповѣдываетъ и онъ самъ, что наконецъ Хмельницкiй ведетъ борьбу противъ тѣхъ безбожныхъ поляковъ, которые извели своего короля.

Богданъ Хмельницкiй, выставляя себя предъ московскимъ правительствомъ защитникомъ православiя, въ то же время не щадилъ и угрозъ противъ того же самаго государства, у котораго онъ искалъ протекцiи и помощи. Въ началѣ iюля онъ такимъ образомъ писалъ къ путивльскому воеводѣ: „Хотя вы и писали, что будто бы собирались идти противъ татаръ, однако подлинно вѣдали, что война у ляховъ не съ татарами, а нами; впрочемъ, дай Боже, чтобы и всякiй непрiятель войска нашего запорожскаго также сломалъ себѣ шею и не имѣлъ потѣхи, какъ нынѣ Богъ послалъ намъ сломать ляховъ“[2]).

Еще рѣзче Хмельницкiй высказывалъ свою угрозу въ другомъ письмѣ къ тому же воеводѣ. „Вотъ уже третьяго посла вашего поймали, писалъ онъ; вы тайно ссылаетесь съ ляхами воевать насъ. Но если вы желаете поднять мечъ противъ насъ, противъ своей же христiанской вѣры, то мы будемъ молиться Богу, чтобы и вы не имѣли потѣхи также, какъ и кто иной. **Знайте же, что, побившись между собою, намъ легко помириться**, а помирившись, пойдемъ на васъ и Богъ за измѣну вашу погубитъ васъ. Мы хотимъ вамъ добра и государю вашему добраго государствованiя и королевства польскаго; а затѣмъ, какъ желаете, такъ и дѣлайте: хоть съ ляхами, хоть съ нами— то вамъ вольно!“ Такимъ образомъ Богданъ одною рукою отдавалъ московскому государству свою Украину, а другою показывалъ ему мечъ.

---

[1]) Ibid., № 197.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 218.

Въ томъ же 1648 году начались сношенія Хмельницкаго и съ Турціею. Заключивъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, онъ не могъ не заискивать Высокой Порты, отъ которой зависѣло, на чью сторону послать татаръ — на сторону казаковъ, или ляховъ. Поэтому Хмельницкій столько же льстилъ турецкому султану, сколько и московскому государю.

Послѣ корсунской битвы онъ отправилъ въ Константинополь кропивницкаго полковника Деджелея, въ качествѣ посла отъ запорожскаго войска. Судья подольскій писалъ: „Послы Хмельницкаго сначала дурно были приняты Портою. Визирь сказалъ имъ: вы измѣнили своимъ панамъ и своей вѣрѣ, измѣните и намъ. Они отвѣчали: мы у ляховъ терпѣли неволю болѣе, нежели у васъ плѣнники на галерахъ. Просимъ только дать намъ татаръ, а мы будемъ платить вамъ дань, какъ молдаване и валахи, будемъ давать вамъ плѣнниковъ, сколько потребуете, а противъ каждаго изъ вашихъ непріятелей посылать 10 т. войска; въ залогъ же мы отдадимъ вамъ Каменецъ“ [1]).

Эти выгодныя предложенія соблазнили турокъ; притомъ имъ теперь представлялся удобный случай отмстить давнему своему врагу Польшѣ, а въ исконныхъ непріятеляхъ — казакахъ имѣть преданныхъ друзей. Вмѣстѣ съ Деджелеемъ Порта отправила къ Богдану своего посла, который прибылъ въ Переяславль въ то время, когда гетманъ возвратился туда послѣ пилявецкой побѣды. Турецкій посолъ привезъ Хмельницкому отъ султана саблю, хоругвь и булаву; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что уже Высокая Порта послала приказы крымскому хану и силистрійскому пашѣ помогать казакамъ людьми и деньгами [2]).

Въ это же время былъ заключенъ договоръ съ султаномъ турецкимъ и войскомъ запорожскимъ и народомъ русскимъ относительно торговли на Черномъ морѣ. Содержаніе этого договора свидѣтельствуетъ, какъ о дружескомъ сближеніи Украйны съ Турціей, такъ и о томъ, что войско запорожское не было націей гра-

---

[1]) Пам. Кіев. ком., т. I, отд. III, стр. 306; Pamiętniki do panow., ч. II, стр. 54.

[2]) Кратк. опис. о М. Р., стр. 223, изд. 1878 г.

бителей и хищниковъ, какъ представляли его нѣкоторые поляки, но что оно хорошо понимало свое назначеніе быть въ то время посредникомъ внѣшней торговли между обширнымъ турецкимъ государствомъ и христіанскими державами—Польшей и Москвой. Если бы Хмельницкій твердо держался Турціи, какъ желали того сами турки, то Украина, подъ управленіемъ своихъ гетмановъ, представляла бы довольно цвѣтущій край, благодаря своимъ естественнымъ богатствамъ и выгодной внѣшней торговлѣ.

Вотъ пункты этого замѣчательнаго договора.

1) Султанъ турецкій позволяетъ войску казаковъ и ихъ народу имѣть свободное плаваніе на Черномъ морѣ ко всѣмъ своимъ портамъ, городамъ и островамъ, также на Бѣломъ морѣ ко всѣмъ своимъ владѣніямъ и островамъ съ ихъ портами, и къ портамъ другихъ государей и владѣніямъ христіанскимъ, также ко всѣмъ рѣкамъ и ко всѣмъ городамъ, съ коими, по желанію своему, въ торги и купеческія дѣла входить имѣютъ, продавать, покупать и мѣнять по волѣ своей, стоять въ портахъ и выѣзжать, когда захотятъ, безъ всякаго препятствія, сопротивленія и затрудненія.

2) Для споспѣшествованія новой торговлѣ войска запорожскаго и народа его, султанъ турецкій освобождаетъ купцовъ ихъ отъ всякой пошлины, мыта и подати, а также и товары ихъ, какіе только они въ государство его ввозить, или изъ государства его вывозить захотятъ, срокомъ на сто лѣтъ (если не на сто, то хотя на пятьдесятъ или, по крайней мѣрѣ, на тридцать), за чѣмъ должностные начальники повсюду смотрѣть будутъ, а по истеченіи ста лѣтъ, если Богъ позволитъ, то большую тягость податей нести имѣютъ, какъ и самые турки.

3) Дома для складки товаровъ, въ городахъ и портахъ султана турецкаго, какъ при Черномъ морѣ, такъ и при Бѣломъ быть имѣющихъ, позволяетъ султанъ войску казаковъ заводить и тѣмъ торговать, и купцамъ ихъ свободно пребывать, не платя никакой подати въ продолженіи вышеупомянутыхъ ста лѣтъ.

4) Намѣстникъ войска запорожскаго и народа ихъ въ Стамбулѣ имѣть будетъ свое пребываніе съ должнымъ почтеніемъ и безъ всякой опасности и обязанъ ходатайствовать о правосудіи обиженнымъ казацкимъ купцамъ, также и войско запорожское намѣ-

стника султанскаго въ портовомъ городѣ своемъ имѣетъ, который долженъ выдавать паспорты казакамъ для свободнаго ихъ проѣзда на галерахъ или корабляхъ, куда захотятъ и за паспортъ не болѣе брать одного червонца. Въ присутствіи его, начальникъ галеры или корабля имѣетъ учинить присягу, что онъ никакой измѣны противъ государства султанова не сдѣлаетъ; оный же намѣстникъ султана обязанъ право сіе, писанное на турецкомъ языкѣ, каждому требующему на письмѣ выдать за своеручною подписью и съ приложеніемъ печати.

5) Для удержанія своевольныхъ людей отъ нападеній на море, съ дозволенія султана, войско запорожское заложитъ нѣсколько городовъ портовыхъ ниже пороговъ, даже до устья Буга въ Днѣпръ, откуда и торговлю свою производить и безопасность на морѣ противъ своевольства обезпечить само собою имѣетъ.

6) Если бы кто своевольно изъ войска запорожскаго нападалъ на море, надъ такимъ надлежащій судъ учинить должно войско запорожское при намѣстникѣ султанскомъ; а для сего торговлѣ казаковъ и купечествъ ихъ затрудненій и препятствій дѣлать никогда и никто въ государствѣ турецкомъ не будетъ.

7) Если бы съ Дону какое возникло своевольство и оттуда на море выѣхали для разбоя, то вмѣстѣ съ турецкими галерами ловить надлежитъ и казацкихъ своевольниковъ наказывать, и взаимно другъ другу вспомоществовать, чтобъ море было чисто и свободно.

8) Если бы галера казацкая въ чемъ-нибудь право султана (да сохранитъ Богъ) преступила: то начальникъ сей галеры долженъ быть наказанъ, а сама она съ товарами и работниками своими останется свободною, и другія въ товариществѣ съ нею находящіяся галеры имѣютъ быть свободными, дабы невинно не терпѣли, и заключенный миръ былъ ничѣмъ не нарушенъ.

9) Если бы галера или корабль казацкій разбились при берегу султанскомъ, то вещи тѣ, которыя могутъ сохраниться, были бы спасены и наслѣдникамъ отданы.

10) Касательно долговъ купеческихъ, право купцамъ казацкимъ такое же быть имѣетъ, какъ и туркамъ во всемъ государствѣ и судъ немедленный.

11) Галеръ или кораблей казацкихъ ни на какія потребы, ни на какую службу султанъ турецкій употреблять не позволитъ, ни ихъ людей, ни товаровъ, ни оружія; но свободный входъ и выходъ со всѣмъ, что имѣютъ, когда захотятъ, имъ обѣщаетъ и обезпечиваетъ.

12) Когдабъ какой купецъ умеръ въ государствѣ турецкомъ, на морѣ или на сушѣ, то все имущество его принадлежать будетъ наслѣдникамъ его и никѣмъ удержано быть не можетъ; и хотя бы что отказалъ, или записалъ при смерти не дѣйствительнымъ почитаться будетъ.

13) Невольниковъ христіанскихъ у турокъ, такъ какъ и турецкихъ у христіанъ купцамъ казацкимъ свободно выкупать дозволено будетъ: а если бы невольникъ христіанскій, въ государствѣ турецкомъ находившійся, на галеру или корабль казацкій убѣжалъ, то его утаивать или укрывать начальникъ галеры не имѣетъ, но долженъ выдать его и за сіе никакого убытка или обиды не потерпитъ ни онъ, ни галера его, ни люди, ни товаръ его; также когдабъ работникъ какой вольный или невольный съ галеры казацкой бѣжалъ, турки должны будутъ выдать его казакамъ [1]).

Въ то же время прибыли къ Хмельницкому и послы молдавскаго господаря Лупулы и трансильванскаго князя Рагоцы съ предложеніемъ союза. Гетманъ принялъ пословъ съ честью и взаимно отправилъ своихъ пословъ. Судья подольскій извѣщалъ подкоморья львовскаго, „что Лупула принялъ съ почетомъ казацкихъ пословъ и, кажется, противъ насъ собираетъ большое войско; запретилъ принимать жидовъ и ляховъ, всѣ проходы днѣпровскіе заперъ, только не далъ рѣшительнаго отвѣта касательно соединенія войскъ, ссылаясь на декларацію, полученную имъ отъ Порты [2]).

Но болѣе серьезный договоръ заключенъ былъ между Рагоци и казаками. Рагоци обязался помогать войскомъ казакамъ противъ поляковъ и немедленно, послѣ возобновленія польско-казац-

---

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., ч. III, стр. 444.

[2]) Пам. Кіев. ком., т. 1, отд. III, стр. 444.

кой войны, сдѣлать нападеніе на Краковъ. Съ своей стороны казаки должны помочь Рагоци завладѣть польскимъ престоломъ [1]).

Заключая договоры съ Турціей и его вассалами, Хмельницкій старался заискивать и московское государство: онъ съ особенною честью принялъ посла Алексѣя Михайловича, Унковскаго и скоро отправилъ въ Москву своего посла Вешняка, чигиринскаго полковника, съ предложеніемъ принять войско запорожское подъ свою оборону и помочь войскомъ противъ поляковъ. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ, что онъ приметъ запорожское войско, „если только король польскій учинитъ его свободнымъ; но помощи ему противъ поляковъ дать не можетъ въ силу вѣчнаго съ ними мира“ [2]). Хмельницкій теперь начиналъ новую войну съ Польшей и потому боялся соединенія противъ себя московскихъ войскъ съ польскимм. Но далеко не такъ почтительно отнесся гетманъ казацкій къ московскимъ посламъ, прибывшимъ къ нему послѣ его зборовской побѣды и зборовскаго договора. Путивльскій воевода въ письмѣ отъ 16 сентября 1649 г. сообщалъ Алексѣю Михайловичу: „По твоему указу, великій государь, я послалъ Хмельницкому Василія Путивльца и Марка Антонова, чтобы онъ учинилъ расправу съ городовымъ атаманомъ Горбинымъ за то, что онъ въ листѣ своемъ твое государево имя писалъ не по достоинству. Гетманъ два дня не принималъ пословъ и только на третій день допустилъ ихъ къ себѣ. Получивши отъ нихъ письма и прочитавши ихъ, сказалъ: „не успѣлъ де я изъ обозу пріѣхать, а съ твоей государевой стороны начали уже пріѣзжать съ жалобами“. Когда же послы пришли на другой день, то гетманъ началъ ихъ бранить и называть ихъ лазутчиками: „ѣздите вы не для расправы, а для лазутчества“, и потомъ съ угрозами велѣлъ намъ, холопамъ твоимъ, сказать словесно: не только литовскіе люди, которые государевою землею владѣютъ за межою, ждали-бъ его скоро и мы, холопы твои, въ гости подъ Путивль; идетъ де онъ, гетманъ, войною тотчасъ на твое государство мос-

---

[1]) „Крат. опис. о каз.“, стр. 20; Лѣт. Самов., стр. 16; Памят. Кіев. к., т. 1, отд. III, № 70.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, №№ 245 и 256.

ковское: „вы о дубьѣ, да о пасѣкахъ хлопочете, говорилъ Хмельницкій, а я де все и города московскіе и Москву сломаю“. Да и противъ тебя, государь, говорилъ гетманъ непригожія слова. „Кто де на Москвѣ сидитъ, и тотъ отъ меня не отсидится! за то что не помогъ онъ мнѣ ратными людьми противъ поляковъ; я съ нимъ не мирился и креста не цѣловалъ, а который король польскій мирился и крестъ цѣловалъ, тотъ де умеръ; говорю вамъ не тайно, что подлинно иду на московское государство войною. Нужно было васъ казнить смертію, но я вамъ казнь эту отдаю, получше васъ королевскіе послы—и тѣхъ я казнилъ“. Въ томъ же письмѣ воевода доносилъ, что не только самъ Хмельницкій угрожаетъ войною, но и полковникъ Небаба и всѣ черкасы открыто говорятъ, что идутъ они войной на московское государство, подъ Путивль и подъ другіе города [1]). Вскорѣ, послѣ этого, тотъ же воевода писалъ къ Алексѣю Михайловичу, что черкасы уже собираются вмѣстѣ съ татарами напасть на московскіе города, но сначала они думаютъ отправить своихъ пословъ въ Москву и просить жалованья войску запорожскому. „А если ты, государь, не укажешь давать имъ жалованья, то черкасы, соединяясь съ татарами, рѣшили идти на московское государство; гетманъ уже велѣлъ собираться въ походъ и готовить ружья и всякіе запасы; онъ же приказалъ воротить татаръ, чтобы они въ Крымъ не уходили, а остановились около чернаго лѣсу“ [2]). То же самое доносили въ Москву и другіе пограничные воеводы.

Но Богданъ не только словами оскорблялъ московское правительство, но и дѣломъ. Онъ перехватывалъ московскихъ гонцовъ въ Польшу, приказывалъ своимъ казакамъ отбирать у нихъ лошадей и платье, по цѣлымъ недѣлямъ держалъ ихъ прикованными къ пушкѣ или въ оковахъ [3]). Въ то же время многіе казаки цѣлыми отрядами наѣзжали на московскіе города и села и дѣлали имъ безчисленныя обиды: пасли свои стада по полямъ, засѣяннымъ хлѣбомъ, и по сѣнокосамъ, опустошали лѣса, воро-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 280.

[2]) Ibid. № 283.

[3]) Ibid, №№ 204, 225.

вали лошадей, грабили дворы и жгли гумна, убивали жителей, а многихъ уводили въ плѣнъ, чтобы продавать татарамъ. Между тѣмъ ни полковники казацкіе, ни самъ Хмельницкій не дѣлали никакой расправы надъ грабителями по жалобамъ московскихъ воеводъ. Путивльскіе и другіе воеводы доносили въ Москву, что они не получаютъ никакого удовлетворенія по своимъ жалобамъ на казаковъ. Хмельницкій ограничивался только тѣмъ, что приказывалъ какому нибудь полковнику наказать виновныхъ, но далѣе пустыхъ приказаній онъ не дѣлалъ ничего. Еще менѣе обращали вниманія на жалобы москвитянъ его полковники: бутурлинскій полковникъ Небаба, когда явились къ нему жалобщики, обругалъ ихъ скверными словами, поднималъ на нихъ саблю и даже грозилъ смертью, если они обратятся съ жалобами въ другой разъ [1]).

Зато на словахъ Хмельницкій высказывалъ особенное расположеніе къ московскому государству и не скупился на обѣщанія. „Я, говорилъ гетманъ, со всѣмъ своимъ запорожскимъ войскомъ, радъ всею душой служить православному государю и не только польскіе и литовскіе города отдамъ Москвѣ, но даже Константинополь и другіе города до самаго Іерусалима очищу и подведу подъ высокую государеву руку“ [2]). Въ другой разъ московскому гонцу Григорію Неронову Богданъ говорилъ такія рѣчи: „какъ я призывалъ крымскаго царя на помощь, то закрѣпили мы между собою душами — другъ на друга войною не приходить и другъ другу помогать; крымскій царь говорилъ мнѣ: когда ляховъ побьемъ, то кого ты, гетманъ, надъ собой и войскомъ запорожскимъ хочешь государемъ имѣть, тому и я радъ служить; крымскій царь говорилъ также, что и онъ хочетъ московскаго государя имѣть надъ собою государемъ и надъ всей ордой“. Нероновъ, слушая такія неправдоподобныя сообщенія, сказалъ, что „это дѣло нестаточное, чтобы ханъ хотѣлъ имѣть надъ собою государя нашего, потому что онъ живетъ въ подданствѣ у турецкаго царя“ [3]).

[1]) Акты Южн. и Западн. Р., т. III, №№ 286, 188, 190; Дополн. къ III т., №№ 18, 45.

[2]) Ibid, № 307.

[3]) Исторія Россіи. Соловьевъ, т. X, стр. 260.

Но вотъ представился случай, когда Богданъ могъ на дѣлѣ показать свое расположеніе къ московскому государю. По указу царя Алексѣя Михайловича, къ гетману прибыли московскіе послы и спрашивали его объ извѣстномъ самозванцѣ Тимошкѣ Акундиновѣ. „Правда, говорилъ Богданъ, у насъ былъ такой человѣкъ, который называется княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ; жилъ недѣль съ десять въ Чигиринѣ, по гдѣ теперь—неизвѣстно". Послы просили гетмана сыскать его и выдать имъ. Но онъ отвѣчалъ: „теперь нѣтъ времени сыскивать этого человѣка, да если бы и нашелся, то выдать никакъ нельзя; у насъ въ запорожскомъ войскѣ такой обычай: какой бы воръ ни прибѣжалъ, хотя и великое зло сдѣлавши въ своемъ государствѣ, принимаютъ и никого не выдаютъ". Однако, агенты московскіе скоро провѣдали о мѣстопребываніи самозванца и сообщили посламъ. Посолъ Унковскій прибылъ въ Чигиринъ и просилъ гетмана показать радѣніе государю и выдать вора. „Здѣсь казаки и вольность, отвѣчалъ Хмельницкій; всякому человѣку вольно къ намъ пріѣхать отовсюду и жить безопасно; отдать мнѣ его безъ войсковаго совѣта нельзя. Этотъ мужикъ у насъ не называется сыномъ царя Василія, а если услышимъ, что называется не только сыномъ царя, но даже простымъ княземъ, велимъ казнить, а отдать нельзя". Впрочемъ, Хмельницкій обѣщался посовѣтоваться объ этомъ съ старшинами и исполнить просьбу государя; но эти обѣщанія остались словами и послы московскіе возвратились ни съ чѣмъ [1]).

Такое поведеніе Богдана Хмельницкаго не могло не навлечь со стороны правительства Алексѣя Михайловича подозрѣнія въ искренности его намѣреній и въ чистотѣ его расположенія къ московскому государству. Московскіе бояре справедливо могли подозрѣвать гетмана, что онъ, дѣлая имъ такія неисполнимыя обѣщанія, какъ подданство Крыма, завоеваніе Цареграда, Іерусалима, польскихъ и литовскихъ городовъ и прося помощи противъ поляковъ, только льститъ и желаетъ только втянуть московское государство въ войну съ Польшей. Поэтому, мнѣ кажется, Н. Ив. Костомаровъ несправедливо, въ данномъ случаѣ, укоряетъ въ

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, №№ 305—312.

близорукости тогдашнее правительство Алексѣя Михайловича. „Не вина Хмельницкаго, говоритъ онъ, что близорукая, невѣжественная политика боярская не поняла его, свела преждевременно въ гробъ, испортила плоды его десятилѣтней дѣятельности и на многія поколѣнія отсрочила дѣло, которое совершилось бы съ несравненно меньшими усиліями, если бы въ Москвѣ понимали смыслъ стремленій Хмельницкаго и слушали его совѣты“ [1]. Но Хмельницкій не только до 1654 г. ни въ чемъ не показалъ своей преданности московскому государству, но и послѣ онаго, какъ увидимъ ниже, искалъ только благопріятнаго случая, чтобы измѣнить Москвѣ и не разъ нарушалъ переяславскій договоръ въ самыхъ главныхъ пунктахъ. Сдержанная политика московскихъ бояръ имѣла за собою самыя благоразумныя основанія: трудно было довѣряться Хмельницкому, когда ничто не свидѣтельствовало о его постоянствѣ и искренности отношеній его къ Москвѣ. Между тѣмъ московское правительство, принимая теперь Украйну подъ свое покровительство, должно было разорвать миръ съ Польшей и рѣшиться испытать новыя бѣдствія войны, едва оправившись отъ старыхъ, бывшихъ тоже слѣдствіемъ войны съ поляками.

Притомъ московское правительство знало о союзѣ гетмана съ крымскимъ ханомъ и Турціей и опасалось этого союза. Польскій король Казиміръ, „по братской дружбѣ“, чрезъ пословъ своихъ увѣдомлялъ Алексѣя Михайловича, что Хмельницкій поддался турецкому султану и думаетъ вмѣстѣ съ ханомъ воевать московское государство. Посланники, находящіеся въ Крыму, доносили въ Москву, что въ 1650 году Хмельницкій отправилъ пословъ къ султану съ просьбою о помощи ратными людьми и желаніемъ поддаться ему со всѣмъ запорожскимъ войскомъ и идти на всякаго непріятеля султана [2]. Въ то же время въ Москвѣ имѣли извѣстія о томъ, что гетманъ посылалъ на помощь хану свое войско противъ донскихъ казаковъ — подданныхъ московскаго государства [3].

---

[1] „Исторія Р. въ жизнеопис.“, вып. 5, стр. 286.

[2] Архивъ Иностр. Д. „Крымскія дѣла“, св. 46, № 7.

[3] Ibid., св. 46, № 7; св. 47, № 1.

Дѣйствительно, въ 1650 году Богданъ Хмельницкій вмѣстѣ съ войскомъ запорожскимъ поддался турецкому султану, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ несомнѣнные документы. Въ концѣ этого года султанъ прислалъ къ Хмельницкому слѣдующую грамоту [1]. „Наиизбраннѣйшій изъ монарховъ религіи Іисусовой, знатнѣйшій изъ народа христіанскаго, гетманъ Богданъ Хмельницкій, котораго конецъ да будетъ счастливъ!

Писаніемъ этимъ, исходящимъ отъ высокаго и пресвѣтлаго трона нашего, извѣщаемъ: уже до Высокой Порты нашей, происходящей отъ Магомета-Мустафы, великаго пророка нашего (который пусть наслаждается вѣчнымъ миромъ), вмѣстѣ съ вашими послами нашъ посланный, одинъ изъ чаушей и урядниковъ нашихъ, Османъ-Чаушъ возвратился съ вашимъ письмомъ, исполненнымъ самой завзятой искренности. Сообразно съ обычаями всего свѣта, наивысшій визирь и намѣстникъ нашъ приказалъ наивѣрнѣйше перевести все отъ слова и до слова и подалъ намъ. Мы узнали все содержаніе его, то-есть ваше и вашего войска прошеніе, что вы сѣтуете на своихъ неискреннихъ друзей и своихъ враговъ и другія сѣтованія; однимъ словомъ все, о чемъ только вы къ намъ писали, мы поняли и уразумѣли наилучшимъ образомъ. Знайте же хорошо, что наша Высокая Порта не забываетъ своихъ друзей и умѣетъ столько же оказывать онымъ милость и милосердіе, сколько и карать враговъ своихъ. И такъ вы, съ полною откровенностію высказавшись, отдаетесь вполнѣ подъ крыло и подъ протекцію непобѣдимой Порты нашей и мы сердечно и съ особенною пріятностью принимаемъ васъ, а въ вѣрности и искренности вашей мы не сомнѣваемся потому, что нашли ихъ правдивыми. Касательно же того, что вы подъ секретомъ устно поручили сказать упомянутому Османъ-Чаушу, о всемъ томъ онъ далъ намъ подробную и достаточную реляцію: вслѣдствіе чего мы немедленно къ крымскому хану Исламъ-Гирею послали свой крѣпкій и строгій указъ, приказывая ему, чтобы онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ на польскую сторону, напротивъ, если

[1] Польская Корон. Метр. „Снош. Польши съ Малор.“, св. 1, см. List od Sultan Mechmeta Cesarza Tur. do Chmielnickiego подъ 1650.

бы съ какой нибудь стороны подулъ злой вѣтеръ, военная тревога или другія какія невзгоды угрожали вамъ и всему вашему войску, если бы поляки неожиданно и насильно вздумали напасть на васъ, то чтобъ онъ своимъ смѣлымъ и быстролетнымъ войскомъ татарскимъ постарался помочь вамъ, гдѣ бы только это оказалось нужнымъ. Мы ему сурово приказали. А пока только вы со всѣмъ вашимъ войскомъ будете признательными, искренними и вѣрными подданными счастливой Портѣ нашей, до тѣхъ поръ съ упомянутымъ ханомъ ведите сношенія безопасно и не обманетесь. Уже теперь Высокая Порта вполнѣ принимаетъ васъ подъ свою протекцію и вы, будучи вѣрными, чрезъ пословъ своихъ, которыхъ имѣете къ намъ присылать, подробно извѣщайте о всемъ, что дѣлается въ тамошнихъ краяхъ. Нынѣ же въ знакъ искренняго и благосклоннаго расположенія, исходящаго отъ великихъ царей, монарховъ и владыкъ всего свѣта, вмѣстѣ съ симъ яснымъ писаніемъ нашимъ посылаемъ вамъ штуку златоглаву и кафтанъ. Посему требуемъ, чтобы вы, повѣривъ сему ясному писанію, возложили на себя кафтанъ въ знакъ своего подданства. Касательно же того, что вы просили наияснѣйшую Порту, что вы готовы давать дань, какъ иные наши христіанскіе данники даютъ, то мы, будучи сердечно расположены къ вамъ и узнавши ваши добродѣтель и вѣрность, будемъ этимъ довольны. Затѣмъ просимъ, чтобы вы прислали сюда на резиденцію пословъ своихъ изъ людей достойныхъ. А въ подтвержденіе нашей дружбы и нашего договора посылаемъ сіе наше писаніе, которому старательно требуемъ отъ васъ полной вѣры".

Въ мартѣ 1651 года прислалъ письмо къ гетману и визирь турецкій Меллитъ-Ахметъ. Онъ писалъ къ Хмельницкому, что письма, которыя онъ прислалъ черезъ Османъ-Чауша къ его величеству султану, къ нему визирю и другимъ царскимъ вельможамъ, доставлены въ цѣлости; какъ самъ султанъ, такъ и всѣ приближенные благосклонно и съ радостью приняли увѣренія казацкаго гетмана и всего запорожскаго войска въ расположеніи къ Высокой Портѣ и вѣрности ея монарху; равнымъ образомъ и все, что поручено Осману-Чаушу передать устно, уразумѣли и вполнѣ повѣрили. Затѣмъ визирь повторялъ Хмельницкому, что

къ крымскому хану и подвластнымъ его султанамъ, какъ и всѣмъ старшимъ рыцарямъ татарскаго войска отъ имени султана и отъ себя онъ послалъ строгіе наказы, чтобы они зорко слѣдили за непріятелями войска запорожскаго и при первой надобности, не мѣшкая, тотчасъ давали помощь. „Лишь бы только самъ гетманъ, продолжаетъ Меллитъ, твердо держался Турціи согласно свидѣтельствуемой имъ пріязни и не вѣрилъ сладкимъ, но фальшивымъ рѣчамъ ляховъ, какъ и со стороны турокъ не будетъ вѣры всякимъ людскимъ навѣтамъ“. Визирь хвалитъ намѣренія Хмельницкаго отправить своихъ пословъ на „обычный сеймъ въ Варшаву и проситъ его немедленно дать знать султану и ему о дѣлахъ и замыслахъ поляковъ. Въ заключеніе письма визирь выразилъ желаніе, чтобы искренняя дружба между Турціей и казаками продолжалась вѣчно. Вмѣстѣ съ этимъ ласковымъ и дружелюбнымъ письмомъ Хмельницкому присланы были подарки отъ султана кафтанъ, а отъ визиря драгоцѣнный кораллъ персидскій [1]). Секретное порученіе Хмельницкаго, о которомъ упоминается въ грамотѣ султана, касалось поведенія крымскаго хана Исламъ-Гирея. Мы уже выше говорили, что частыя посольства и взаимная переписка между ханомъ и поляками, начавшаяся послѣ зборовскаго договора, возбудили у Хмельницкаго подозрѣніе въ благонадежности хана. Гетману казалось, что ханъ Исламъ-Гирей думаетъ измѣнить ему и соединиться съ поляками противъ казаковъ. Эта неувѣренность Хмельницкаго въ искренности къ нему отношеній Исламъ-Гирея и была, можно сказать, главною причиною, побудившею его принять турецкое подданство, чтобы чрезъ верховнаго повелителя мусульманъ имѣть возможность всегда и безопасно пользоваться силами татаръ. И онъ не ошибся; его рѣшительный шагъ имѣлъ полнѣйшій успѣхъ: самъ крымскій ханъ, его визирь и татарскіе мурзы, узнавъ объ этомъ, поспѣшили въ своихъ письмахъ къ нему увѣрить его въ несомнѣнномъ своемъ расположеніи и вѣчной пріязни. Въ тоже время одинъ изъ придворныхъ султана, Бекташъ-ага, прислалъ къ Хмельниц-

---

[1]) Пол. Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Малор.“, св. 1 см. Copia listu Mellit-Achmeta do Chmielnickiego подъ 1651 г.

кому письмо, въ которомъ называлъ его своимъ милымъ сыномъ; сообщалъ о томъ, что при дворѣ повелителя мусульманъ всѣ вельможи, радуясь подданству гетмана, днемъ и ночью прославляютъ великіе его подвиги; уже, писалъ ага, посланы крѣпкіе и суровые указы до беевъ очаковскаго и бѣлгородскаго, чтобы они всѣми силами помогали казакамъ, а равнымъ образомъ и суровый выговоръ молдавскому господарю, за его враждебное отношеніе къ Хмельницкому. Онъ также, какъ и визирь, побуждалъ Богдана поспѣшить присылкою пословъ и во всемъ довѣриться Османъ-Чаушу [1]).

Весною этого года, начиная новою войну съ поляками, Богданъ отправилъ своего посла — полковника Джелея — въ Константинополь съ письмомъ къ султану и съ просьбою о помощи казакамъ. Султанъ не замедлилъ исполнить просьбу новаго своего подданнаго и далъ приказаніе господарямъ Молдавіи и Валахіи и силлистрійскому пашѣ идти на помощь къ казакамъ. Но эти силы не поспѣли явиться во время, силлистрійскій паша едва только перешелъ Дунай, какъ получилъ извѣстіе о берестечскомъ пораженіи и потому возвратился назадъ.

Заключивши бѣлоцерковскій договоръ, столь невыгодный для Украины, и ожидая новой войны съ поляками, Хмельницкій въ концѣ сентября 1651 г. отправилъ слѣдующее письмо къ султану: „Великій царь анатолійскій, всей Греціи и иныхъ безчисленныхъ земель, городовъ и замковъ владыка, султанъ Мехметъ! униженно кланяется вашему царскому величеству и главу свою подъ ноги вашего царскаго величества повергаетъ вѣрный Богданъ.

На этихъ дняхъ, подданный вашего царскаго величества, Османъ-Чаушъ вмѣстѣ съ нашими послами въ добромъ здоровьи прибылъ до войска нашего и листы вашего величества, какъ подобаетъ, мы почтительнѣйше отъ него приняли. Ваше царское величество обѣщали намъ на помощь хана крымскаго и другія войска изъ добруджской земли, но мы, не желая быть праздными, съ помощью наивысшаго Бога, имѣли страшную битву съ ляхами, о чемъ вашему величеству сообщитъ вашъ вѣрный подданный Османъ-Чаушъ, который присутствовалъ во всѣхъ битвахъ и ви-

[1]) ibid. см. List Bektasz-agi do Chmielnickiego.

дѣлъ все, что тамъ дѣлалось; но такъ какъ помощь изъ Крыма и добруджской земли опоздала, то пришлось намъ постановить миръ съ ляхами. Однако мы постоянно и ненарушимо остаемся въ давнишней дружбѣ съ крымскимъ ханомъ и желаемъ сохранить эту дружбу до конца живота нашего. Равнымъ образомъ желаемъ быть вѣрными подданными вашего величества и искренними друзьями хана. Султанъ Нурадинъ, участвуя съ нами во всѣхъ сраженіяхъ, оказалъ храбрость и достоинъ за свою отвагу всякаго отличія и справедливой награды при особенной благодарности; ибо онъ показалъ себя при насъ такъ, какъ подобаетъ доброму воину. Хотя мы съ ляхами и постановили миръ, однако держимъ ихъ въ рукахъ, поэтому униженно просимъ ваше царское величество снова написать хану, чтобы онъ сохранялъ дружбу, которую мы съ нимъ заключили и чтобы во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣлахъ и случайностяхъ находился при насъ—что и мы взаимно ему и вашему величеству обѣщаемъ; а на сейчасъ поклонъ нашъ, какъ вѣрнаго подданнаго, отдаемъ вашему царскому величеству, прося Господа Бога даровать вамъ долголѣтнее здравіе и побѣды надъ всякими врагами. Вашего царскаго величества вѣрный и нижайшій подданный Богданъ Хмельницкій съ войскомъ запорожскимъ“ [1]).

Объ этихъ сношеніяхъ Богдана скоро прослышали казаки, хотя о подданствѣ его султану знали только одни казацкіе старшины. Такъ, послѣ берестечскаго пораженія, нѣкоторые казаки говорили, что если теперь счастіе будетъ на сторонѣ поляковъ, то они пойдутъ въ турецкія земли, найдутъ тамъ себѣ убѣжище и будутъ жить съ большею вольностію и спокойствіемъ, нежели на Украйнѣ; объ этомъ, говорили они, уже писано силлистрійскому пашѣ. Но союзъ съ мусульманами былъ вообще не популяренъ на Украйнѣ и нѣкоторые полковники, какъ Гладкій и Гуляницкій, узнавши о подданствѣ гетмана султану, открыто укоряли его въ томъ, что онъ отдаетъ христіанъ въ рабство мусульманамъ [2]).

---

[1]) Пол. Кор. Метр. „Снош. Польши съ Малор.“, св. I, см. „Copia listu Chmielnickiego do ottom. Cesarza“ подъ 1651 г.

[2]) „Лѣтоп. Повѣств.“, стр. 93, 169.

О подданствѣ Богдана Хмельницкаго скоро узнали и сами поляки. Въ декабрѣ 1651 г. турецкій визирь извѣстилъ объ этомъ польскаго короля въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Войска казацкія, писалъ визирь къ Яну Казимиру, вмѣстѣ съ своимъ гетманомъ, будучи подданными королей польскихъ и не желая болѣе переносить чрезмѣрныхъ обидъ и угнетеній отъ поляковъ, безъ всякаго съ нашей стороны принужденія, но сами, добровольно, приславши изъ среды своей достойнѣйшихъ людей, поддались наияснѣйшей Портѣ и всему мусульманскому народу. Какъ въ писанныхъ договорахъ, такъ и устно они обѣщались быть пріятелями пріятелей нашихъ и врагами нашихъ враговъ, обѣщались за себя, за сыновей своихъ и ихъ потомковъ вѣчно быть подданными нашихъ царей. Мы же, чтобы не было съ ихъ стороны нападеній сушею или моремъ на владѣнія государства оттоманскаго и владѣнія хана крымскаго, утвердили ихъ договоры и приняли ихъ подданство, давши имъ на то листы и привиллегіи отъ наияснѣйшаго цесаря и отъ его намѣстниковъ“ [1]. Объ этомъ же писалъ въ 1651 г. Яну Казимиру и находящійся при Портѣ посолъ австрійскаго императора [2].

Поддавшись турецкому султану, Богданъ Хмельницкій въ тоже время не прекращалъ своихъ сношеній съ московскимъ государствомъ; онъ боялся, чтобы въ предстоящей войнѣ казаковъ съ поляками московское правительство не послало помощи послѣднимъ и, чтобы отклонить отъ этого, то онъ манилъего обѣщаніемъ подданства, то пускалъ въ ходъ угрозы.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1651 года Хмельницкій писалъ къ боярину Морозову, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ своимъ государемъ о милости его къ запорожскому войску и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялъ, что онъ, гетманъ, и казаки всегда рады служить его царскому величеству. Но вскорѣ послѣ этого, одинъ изъ приближенныхъ Хмельницкаго, грекъ Павелъ писалъ Алексѣю Михайловичу, чтобы онъ относительно соединенія Украйны съ московскимъ государствомъ не писалъ къ самому гетману и только воздавалъ бы

---

[1] Польская Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Турц.“, св. 20, см. List od Wezyra Tur. do krola Jana Kaz., подъ 1651 г.

[2] „Лѣтоп. Повѣств.“, стр. 77.

ему свое царское благодареніе, а велѣлъ писать объ этомъ къ Ивану Выговскому. „Ходилъ я, писалъ грекъ, къ гетману и онъ въ разговорѣ о Москвѣ съ клятвою говорилъ, смотря на образъ Спаса: пойду на Москву и разорю ее пуще Литвы; я де посылаю отъ всего своего сердца, а они лицу моему насмѣхаются“ [1]).

Но прежде чѣмъ Богданъ собрался „разорить Москву“, его самаго постигла въ іюнѣ 1651 г. извѣстная берестечская неудача. Послѣ бѣлоцерковскаго договора положеніе Хмельницкаго на Украйнѣ, какъ мы выше говорили, было довольно критическое: народъ и слышать не хотѣлъ о повиновеніи польскимъ панамъ и поднялъ бунты противъ своего гетмана; между тѣмъ, какъ послѣдній собирался уже начать вторую войну съ молдавскимъ господаремъ. Тогда въ мартѣ 1852 года онъ отправилъ въ Москву своего посланца Ивана Искру съ предложеніемъ подданства. Заявивъ московскимъ боярамъ, впрочемъ довольно неопредѣленно, о желаніи гетмана поддаться православному царю, казакъ Искра болѣе всего хлопоталъ въ Москвѣ о томъ, чтобы государь держалъ запорожское войско въ милостивомъ царскомъ жалованьи, а если будетъ наступать на Украйну польскій король, то чтобы царь подалъ казакамъ помощь [2]).

Послѣ успѣшнаго окончанія второй молдавской войны, Богданъ Хмельницкій въ ноябрѣ 1652 г. послалъ письмо къ Алексѣю Михайловичу. Но въ этомъ письмѣ онъ ни слова не говоритъ о подданствѣ Украйны. Гетманъ благодарилъ только государя, что онъ „не отдаляетъ запорожское войско отъ своей благодати“, просилъ, чтобы онъ не давалъ помощи ляхамъ, а, напротивъ, всѣми мѣрами помогалъ православнымъ людямъ и обѣщался прислать вскорѣ пословъ съ низкимъ челобитьемъ [3]).

Дѣйствительно, въ декабрѣ 1852 г. прибыли въ Москву послы отъ гетмана и запорожскаго войска—Самуилъ Богдановъ съ товарищами для переговоровъ. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ своимъ боярамъ узнать, „съ чѣмъ явились послы“. Посланники говорили:

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 316 и 327.

[2]) Собр. государ. гр. и дог., ч. III, № 148.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. III, стр. 487.

„то де ихъ дѣлу начало и конецъ, что прислалъ гетманъ и все запорожское войско бить чоломъ, чтобы царское величество, ради православной христіанской вѣры, умилосердился надъ ними, велѣлъ принять ихъ подъ свою государеву высокую руку; если царское величество пожалуетъ, подъ свою государеву руку принять изволитъ и объявитъ объ этомъ имъ, посланникамъ, то они тогда начнутъ говорить о томъ, о чемъ имъ наказано“ [1]).

Тогда Алексѣй Михайловичъ приказалъ своимъ боярамъ спросить пословъ опредѣленнѣе, что значитъ желаніе запорожскаго войска быть подъ высокою государевою рукою. Казацкіе посланцы на это отвѣчали: „какъ гетману ихъ, Богдану Хмельницкому, и всему запорожскому войску быть подъ царскаго величества высокою рукою, о томъ они не вѣдаютъ и отъ гетмана съ ними о томъ ничего не наказано, вѣдаетъ то только гетманъ. А съ ними де только наказано бить челомъ царскому величеству; какъ прежде его царское величество былъ къ нему, гетману, и ко всему запорожскому войску милостивъ, также-бы и нынѣ своей государской милости отъ нихъ не отдалялъ и непріятелямъ ихъ, полякамъ, помощи на нихъ не давалъ; а кромѣ де этого ни о чемъ съ ними говорить не наказано“ [2]).

Переводя этотъ дипломатическій языкъ на обыкновенный, мы видимъ, что гетманъ и запорожское войско желали, чтобы государь московскій по прежнему присылалъ имъ подарки, держалъ ихъ въ своемъ милостивомъ жалованьи и не давалъ противъ нихъ помощи полякамъ—вотъ что значитъ быть подъ высокою государевою рукою! Этотъ отвѣтъ казацкихъ пословъ не могъ не привести правительство Алексѣя Михайловича въ недоумѣніе, и потому казацкое посольство возвратилось ни съ чѣмъ.

Очевидно, что Богданъ Хмельницкій хитрилъ и выжидалъ и это понимали московскіе бояре; но событія 1653 года положили предѣлъ его хитрости: они заставили Богдана сдѣлать рѣшительный шагъ и молить московское правительство о принятіи Украи-

---

[1]) Ibid, стр. 484.
[2]) Ibid, стр. 487.

ны въ подданство. Тогда и само московское правительство отнеслось иначе къ предложеніямъ запорожскаго войска.

Въ 1653 году Богданъ Хмельницкій, хотя ему и на Украйнѣ было много дѣла и онъ долженъ былъ бы беречь людей для защиты ея отъ поляковъ, началъ третью молдавскую войну.

Поводомъ къ этой войнѣ послужили чисто личныя дѣла Богдана, которыя заключались въ слѣдующемъ. Молодой Хмельницкій, послѣ женитьбы своей на дочери молдавскаго господаря Лупулы, рѣшился завоевать для себя, или для своего тестя сосѣднее государство Валахію, гдѣ былъ въ это время господаремъ Радулъ; „а послѣ этого, говорилъ онъ, пусть отъ меня бережется и трансильванскій князь Рагоци“ [1]). Объ этомъ замыслѣ скоро узналъ Радулъ и сообщилъ Рагоцѣ. Тогда между ними заключенъ былъ союзъ противъ враждебныхъ намѣреній Хмельницкаго и Лупулы. Въ то время, какъ Тимофей набиралъ войска на Украйнѣ и подговаривалъ татаръ, соединенныя войска трансильванскаго князя и господаря Радула вторглись въ Молдавію, выгнали Лупулу изъ его владѣній, а молдавскимъ господаремъ поставили своего сторонника Стефана лагофета молдавскаго. [2]) Но вскорѣ, именно весною 1853 года на помощь Лупулы явился Тимофей Хмельницкій съ казаками и татарами и, разбивши войска новаго господаря и Рагоци, снова посадилъ своего тестя на молдавское господарство. Затѣмъ онъ вторгнулся въ Валахію и предалъ ее огню и мечу: воины его грабили имущество, убивали жителей, не щадя ни пола, ни возраста, жгли жилища, насиловали женщинъ и даже оскверняли христіанскіе храмы [3]). Однако, на возвратномъ пути, Тимофея настигли новыя войска Рагоци и разбили его такъ, что онъ едва съ малою частью воиновъ успѣлъ убѣжать на Украину.

Извѣстія о грабежахъ и убійствахъ молодаго Хмельницкаго во владѣніяхъ данниковъ султана произвели величайшее неудовольствіе при дворѣ Высокой Порты. Турецкіе вельможи были возму-

---

[1]) Лѣт. Величко, т. 1, стр. 133.

[2]) Ibid.

[3]) „Богд. Хмельн.“, т. III, стр. 66.

*

щены такимъ самовольствомъ Хмельницкаго, который, будучи подданнымъ султана, безъ вѣдома своего повелителя, вторгнулся съ оружіемъ во владѣнія его союзниковъ и данниковъ и произвелъ тамъ страшные безпорядки. Въ то же время явились къ двору султана послы отъ обоихъ господарей и Рагоци и обвиняли Хмельницкаго во враждебныхъ замыслахъ противъ турецкаго государства: онъ думаетъ, говорили они, покорить Молдавію и Валахію и поднять всѣхъ христіанъ противъ турокъ. Какъ ни неправдоподобно было это обвиненіе, тѣмъ не менѣе оно имѣло дѣйствіе и произвело впечатлѣніе на Порту не въ пользу новаго подданнаго. Одинъ изъ агентовъ Ивана Выговскаго сообщалъ послѣднему слѣдующее. „Султанъ видѣлъ сонъ, будто греки сорвали съ головы его покрывало. Султанъ истолковалъ этотъ сонъ въ томъ смыслѣ, что греки думаютъ свергнуть турецкое господство и потому онъ обѣщался вырѣзать всѣхъ грековъ; но приближенные успокоили его, доказывая, что греки всегда въ его рукахъ и если отъ нихъ случится какая бѣда, то султанъ долженъ надѣяться на своихъ вѣрныхъ подданныхъ[1]).

Между тѣмъ Хмельницкій еще зимою 1653 г. обратился къ Турціи за помощью. Порта приказала нѣкоторымъ своимъ пашамъ помогать казакамъ; но когда сдѣлались извѣстными безпорядки въ Молдавіи, то помощь эта была задержана. Румелійскій паша Сіяушъ отвѣчалъ Богдану. „Мы давно прибыли бы къ вамъ на помощь, но замѣшкались по причинѣ молдавскихъ дѣлъ. Другъ нашъ, волошскій воевода жилъ себѣ въ покоѣ и ему такую шкоду учинили; тѣмъ мы весьма оскорбляемся! Мы уже нѣсколько разъ писали къ Счастливой Портѣ, но на наши письма никакого указа не послѣдовало; неизвѣстно, или кто тому воеводѣ дружитъ, или по другой какой причинѣ указъ замедлилъ“ [2]). Если паша дѣлалъ только намеки на самовольство Хмельницкаго, то великій турецкій визирь написалъ ему грозное письмо. „Присылали вы, писалъ визирь Богдану, къ великому и счастливому государю нашему, къ его вышнему порогу, вѣрнаго и добраго человѣка

---

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. Д.“, св. 9, № 28.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 338,

изъ полковъ своихъ и къ намъ, другу своему, писали. Мы ту грамоту прочли великому государю нашему, владѣтелю четвертой части всей земли и сообщили вашу просьбу......... Уже было послано приказаніе силлистрійскому пашѣ спѣшить къ вамъ на помощь; но замедлилъ онъ потому, что сынъ твой вошелъ съ ратными людьми въ отчины нашего государя и произвелъ ссору между его холопами, господарями молдавскимъ и валахскимъ и тѣмъ прогнѣвилъ нашего государя. А ты, достовѣрный другъ нашъ, подданный государя нашего, долженъ знать, что нашъ государь самодержавный и грозный: всѣ подданные его имѣютъ надъ собою страхъ и пребываютъ въ его повиновеніи и послушаніи до единаго человѣка. Вѣдомо вамъ самимъ также и то, что безъ его великаго государя повелѣнія никто не можетъ вступить въ его государскую отчину и благосчастная мысль его къ тому не принадлежитъ. И тебѣ бы сему письму внимать, ибо сдѣлавшись подданнымъ такому великому государю, ты долженъ оберегать честь своего государя и творить его повелѣнія. И если пойдете по этому пути и подобострастіе надъ собою будете имѣть, то вамъ день отъ дня предъ иными нашими подданными прибавится чести. И вамъ бы людей своихъ ратныхъ унимать и во владѣнія государя нашего входить не велѣть и сдѣлать о томъ крѣпкій наказъ. Уже послано повелѣніе ратнымъ людямъ Добруджи, какъ и его величеству хану крымскому идти къ вамъ на помощь. Вамъ бы про то вѣдать и сына своего взять къ себѣ, а посланнаго нашего Мегметъ-Агу отпустить безъ задержанія и о холопствѣ своемъ великому государю своему отписать немедленно; а мы о вашемъ челобитьи донесемъ государю и будемъ вамъ радѣть“ [1]).

Это грозное письмо дало понять Хмельницкому, что обманывать турокъ, злоупотреблять ихъ довѣріемъ и пользоваться ихъ силами для своихъ личныхъ интересовъ безнаказанно нельзя.

Между тѣмъ на Украйнѣ дѣла его были въ самомъ грустномъ положеніи.

Въ мартѣ 1653 года вторгнулся въ брацлавское воеводство польскій полковникъ Чарнецкій съ 15 т. войска, разбилъ пѣ-

---

[1]) Акты Юж. и Запад. Р., т. III, № 339.

сколько казацкихъ отрядовъ, сжегъ нѣсколько городовъ и селъ, а жителей ихъ, говоритъ украинскій лѣтописецъ, безъ всякой милости и пощады немилосердно и безчеловѣчно предалъ смерти [1]). Храбрый полковникъ Богунъ, благодаря своему искусству и отвагѣ, прогналъ Чарнецкаго, но этимъ дѣла Хмельницкаго не поправились. Тогда онъ отправилъ посольство и письма въ Польшу съ просьбою прекратить кровопролитіе и назначить коммисаровъ для переговоровъ; обратился къ посредничеству литовскаго гетмана Радзивилла и молдавскаго господаря — но все это было напрасно. Поляки отвѣчали ему, что они тогда только согласятся на миръ, если онъ пришлетъ къ нимъ одного изъ своихъ сыновей въ залогъ и задержитъ турецкаго посла. Въ началѣ іюня этого года Богданъ отправилъ новаго посла, кіевскаго полковника Антона и съ нимъ самое униженное письмо къ Яну Казимиру. „Богъ свидѣтель, писалъ гетманъ, что какъ прежде, такъ и теперь мы отъ чистаго сердца желаемъ быть вѣрными подданными вашей королевской милости и, не замышляя никакой измѣны противъ вашей милости, ожидаемъ не грознаго съ обѣихъ сторонъ кровопролитія, но, надѣясь на благоволеніе вашей королевской милости, ожидаемъ вождѣленнаго мира“ [2]).

Чрезъ этого же полковника поданы были гетману Потоцкому просительныя статьи казаковъ, состоящія въ трехъ пунктахъ. Въ первомъ, Хмельницкій старался выставить свое усердіе въ исполненіи бѣлоцерковскаго договора: „мы рѣшились было, писалъ онъ, ни въ чемъ не нарушать постановленнаго мира и поэтому грозно казнили смертію тѣхъ, которые съ нашей стороны подали поводъ къ нарушенію мира, какъ Гладкаго, Мозыру и другихъ“; указывалъ на нѣкоторыхъ пановъ, которые безъ всякаго повода со стороны казаковъ нападали на людей, обезпеченныхъ миромъ, многихъ убили, а нѣкоторыя селенія и мѣстечки истребили огнемъ, старался оправдать свой поступокъ подъ Батогомъ, сваливая всю вину на гетмана Калиновскаго.

---

[1]) Лѣт. Величко, т. 1, стр. 132.

[2]) Пам. Кіев. ком., т. III, отд. III, № 32.

Во второмъ пунктѣ Богданъ жаловался на непріязненныя дѣйствія Чарнецкаго и Маховскаго, которые вторгнулись въ Украину въ то время, когда онъ велъ переговоры о мирѣ съ паномъ Зацвилиховскимъ, присланнымъ къ нему отъ короля.

Наконецъ въ третьемъ, гетманъ просилъ униженно короля уничтожить унію въ королевствѣ Польскомъ и княжествѣ Литовскомъ;—оставить казаковъ по зборовскому договору въ числѣ сорока тысячъ, а еслибы это число показалось слишкомъ великимъ, то просилъ назначить коммисаровъ для переговоровъ. „А если король и вся республика, писалъ Хмельницкій въ заключеніе этихъ статей, не будутъ къ намъ милостивы, то мы, хотя бы даже его королевская милость приказалъ нападать на насъ войскомъ своимъ, уже и защищаться не будемъ, не желая болѣе проливать крови, но всѣ будемъ разными способами промышлять о животахъ своихъ“ [1]).

Антона поляки даже не допустили до короля и ему отвѣчалъ гетманъ Потоцкій. „Не измѣннику Хмельницкому, по всему запорожскому войску отвѣчаю я, говорилъ Потоцкій. Король только тогда проститъ вамъ и покажетъ свою милость, если войско выдастъ самого Хмельницкаго и задержитъ чауша, присланнаго отъ Порты“ [2]).

Но скоро явился въ польскій лагерь, стоящій около Львова, московскій посолъ съ предложеніемъ посредничества со стороны своего правительства для примиренія поляковъ и казаковъ на основаніи зборовскаго договора. Это заставило польскаго гетмана умѣрить свои требованія и войти въ соглашеніе съ Хмельницкимъ безъ всякаго посредничества иностранныхъ государей. Онъ отправилъ письмо къ Богдану съ предложеніемъ средствъ къ умилостивленію короля. „Не должно быть удивительнымъ для вашей милости и для всего запорожскаго войска, писалъ гетманъ, что ваша милость, панъ, не получилъ отъ его королевской милости отвѣта на первыя письма. Самъ знаешь, что ты не умѣлъ уважать благосклонности, такъ многократно оказанной его милостію

---

[1]) Пам. Кіев. ком., т. III, отд. III, № 12.
[2]) Лѣт. Величко, т. 1, стр. 137.

королемъ и республикою. Теперь, когда пришло ко мнѣ посланіе отъ вашей милости и отъ войска запорожскаго съ просьбою къ королю, въ которой съ большею, чѣмъ прежде, покорностію вы отдаетесь на милость короля и республики, я осмѣлился прочитать ваше прошеніе королю и сенату, при немъ находящемуся.... Ваша милость, панъ, ссылаешься на зборовскія и бѣлоцерковскія статьи, не помня, что какъ зборовскія такъ и бѣлоцерковскія благодѣянія, оказанныя его королевскою милостью, ты самъ уничтожилъ, сначала берестечскимъ, а потомъ батогскимъ бунтами, которыхъ уже ни король, его милость, ни республика болѣе переносить не могли и потому республика вмѣстѣ съ королемъ положила такое строгое рѣшеніе, видя, что ваша милость, панъ, никогда не сохраняешь подтвержденной присягою вѣрности къ республикѣ....... Однакожъ изъ полученнаго письма вашей милости, написаннаго къ королю, я съ удивленіемъ вижу, что ваша милость сознаетъ свои проступки и что совершенно отдаешься на волю, милость и благосклонность его королевской милости, свидѣтельствуясь Богомъ, что все это пишешь отъ чистаго сердца". Поэтому Потоцкій совѣтовалъ гетману остановиться съ войскомъ на Украинѣ, вполнѣ предаться на волю короля, послать къ нему лучшихъ старшинъ съ повинною отъ всего запорожскаго войска, приказать крестьянамъ, чтобы они вышли съ поклонами на встрѣчу королю, идущему съ войсками на Украйну и ожидать покорно милостиваго его рѣшенія [1]).

И такъ Хмельницкому теперь не обѣщали не только зборовскихъ благодѣяній, но и бѣлоцерковскихъ, требуя отъ него вполнѣ отдаться на милость короля и республики. Чтобы объяснить это высокомѣріе поляковъ и такія ихъ чрезмѣрныя требованія, нужно имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства. Они хорошо знали о томъ неудовольствіи Порты на Хмельницкаго, которое было слѣдствіемъ его молдавскихъ дѣлъ. Силлистрійскій паша писалъ къ Казимиру, чтобы онъ усмирилъ казаковъ, называя ихъ разбойниками. Самъ султанъ турецкій въ іюнѣ 1653 года прислалъ къ королю дружелюбное письмо и просилъ его забыть

---

[1]) Памят. Кіев. ком., т. III, отд. III, № 6; Лѣт. Велич., т. I, стр. 135—138.

тѣ пораженія, которыя потерпѣли поляки отъ казаковъ, при помощи буджакскихъ и крымскихъ ордъ. „Поляки сами были виноваты, писалъ султанъ къ Казимиру, въ непріязненныхъ къ себѣ отношеніяхъ татаръ, не платя имъ дани, которую обязались давать по послѣднему трактату". Вскорѣ послѣ этого крымскій визирь въ письмѣ къ коронному канцлеру жаловался на казаковъ, что они не соблюдаютъ присяги и извѣщалъ, что татары теперь желаютъ дружбы съ королемъ [1]).

Молдавскій и валахскій господари прислали къ польскому королю пословъ съ предложеніемъ дружбы и своихъ войскъ для уничтоженія Хмельницкаго. Даже съ Рагоци, трансильванскимъ княземъ, который до того времени былъ самымъ непримиримымъ врагомъ Яна Казимира, у поляковъ завязались довольно дружелюбныя отношенія, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ переписка между ними въ этомъ году. Рагоци обѣщался отдать въ распоряженіе короля 30 тыс. своего войска для борьбы съ казаками, а паны польскіе послали къ нему посла Ясокольскаго для заключенія искренняго союза [2]).

Словомъ, всѣ прежніе союзники Хмельницкаго старались отвергнуться отъ него, а нѣкоторые даже перейти на сторону его враговъ.

Богданъ рѣшился снова обратиться съ универсаломъ къ своему народу. Лѣтописецъ говоритъ, что въ началѣ августа онъ разослалъ по Украйнѣ до 60 универсаловъ. Гетманъ, выставляя на видъ ту опасность, какая грозитъ Украйнѣ со стороны поляковъ, господарей и Рагоци, просилъ народъ бросить жатву хлѣба и всѣ домашнія дѣла и спѣшить къ нему въ обозъ. „Я, говорилъ Хмельницкій въ универсалѣ, началъ настоящую войну съ поляками не изъ личныхъ расчетовъ. а ради правъ и вольностей всей Украйны, за православную вѣру и святыя церкви" [3]).

---

[1]) Пол. Кор. Метр. „Снош. Польши съ Турц.", св. 20; ibid. „Снош. Польши съ Крымомъ", св. 4, подъ 1653 г.

[2]) Пол. Кор. метр. „Снош. Пол. съ Трансильв.", св. 1. Лѣт. Величко, т. I, стр. 134.

[2]) Лѣт. Величко, т. I, стр. 139—141.

Но народъ, столько разъ обманутый своимъ гетманомъ, разоренный безконечными его войнами, теперь уже не внималъ его призыву и не охотно шелъ подъ его знамена. Хмельницкій даже силой хотѣлъ заставить идти на войну тѣхъ, которые не слушались его универсаловъ: такъ онъ велѣлъ сжечь городъ Лоевъ, когда его жители отказались стать подъ его знамена. Напротивъ, многіе русскіе города и села высылали депутатовъ съ повинною на встрѣчу королю, который шелъ къ Украйнѣ [1]).

Оставалась единственная надежда на московское государство, которое могло помочь Хмельницкому выпутаться изъ его затруднительнаго положенія.

Въ апрѣлѣ 1653 года, предпринимая третью молдавскую войну, Богданъ отправилъ въ Москву своихъ пословъ Бырляя и Мужиловскаго. Посольство это было принято благосклонно, потому что московское правительство еще въ мартѣ рѣшило принять Украйну подъ свое покровительство. Но Хмельницкій, еще не зная, или непредвидя, чѣмъ кончатся его молдавскія дѣла, далъ своимъ посламъ слишкомъ ничтожное полномочіе, чтобы московскіе бояре могли съ ними вести переговоры, которые бы привели къ какимъ нибудь результатамъ. Послы казацкіе заявили боярамъ, что у нихъ есть только словесный наказъ отъ гетмана и всего запорожскаго войска, именно: а) чтобы государь принялъ войско запорожское подъ свою высокую руку и далъ ему помощь противъ поляковъ, и б) чтобъ государь позволилъ имъ пройти чрезъ его владѣнія къ шведской королевѣ [2]). Но московское правительство слышало уже нѣсколько разъ подобное предложеніе и потому отпустило казацкихъ пословъ ни съ чѣмъ, даже не позволивъ имъ пройти чрезъ свои владѣнія въ Швецію. Впрочемъ, правительство Алексѣя Михайловича рѣшило отправить въ Польшу своего посла съ предложеніемъ посредничества къ примиренію поляковъ съ казаками. Этотъ посолъ нашелъ короля въ Львовѣ 20 іюля. Онъ объявилъ польскимъ панамъ, что государь его желаетъ, чтобы король помирился съ казаками на основаніи зборовскаго договора.

---

[1]) Богд. Хмельн., т. III, стр. 84—88.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, № 337.

Паны отвѣчали, что они о зборовскомъ договорѣ и слышать не хотятъ, потому что этотъ договоръ нарушенъ самимъ Хмельницкимъ, но для царскаго величества король покажетъ свое милосердіе, если Хмельницкій принесетъ повинную, отдастъ булаву и впередъ не будетъ гетманомъ, а казаки положатъ оружіе и согласятся на 6 т. реестровыхъ, какъ было прежде. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, послы объявили панамъ: „пусть король только уничтожитъ унію, не будетъ тѣснить православія, а мы уговоримъ Хмельницкаго, чтобы онъ во всѣхъ другихъ статьяхъ положился на волю королевскую". Но предлагая это послѣднее условіе, московскіе послы не имѣли права поручиться предъ польскими панами, какъ требовали этого послѣдніе, что Хмельницкій приметъ его и потому переговоры эти кончились ничѣмъ.

Между тѣмъ молдавскія дѣла, о которыхъ мы говорили выше, заставили Богдана Хмельницкаго рѣшительно обратиться къ протекціи московскаго государства. „Вижу, говорилъ онъ гонцу путивльскаго воеводы, что государской милости не дождаться, не отойти мнѣ бусурманскихъ невѣрныхъ рукъ и если государской милости ко мнѣ не будетъ, то я слуга и холопъ турецкому". Путивльскій воевода извѣстилъ объ этомъ своего государя, прибавивъ, что у Хмельницкаго были турецкіе послы и идетъ еще полномочный посолъ, чтобы принять отъ него присягу.

Это извѣстіе заставило московское правительство торопиться окончаніемъ дѣла объ Украйнѣ. Въ концѣ іюня къ Хмельницкому прибылъ посолъ съ грамотою отъ Алексѣя Михайловича, въ которой говорилось, что государь принимаетъ запорожское войско подъ свою протекцію и уже собираетъ ратныхъ людей противъ поляковъ. Въ началѣ августа, отправивъ сына своего Тимофея въ Молдавію, Богданъ послалъ благодарственное письмо Алексѣю Михайловичу и просилъ его скорѣе подать помощь казакамъ, „такъ какъ поляки, писалъ онъ, уже наступаютъ на Украйну" [1]). Въ тоже время онъ послалъ два письма, отъ 9 и 12 августа, къ патріарху Никону съ просьбою о его ходатайствѣ предъ государемъ, чтобы онъ не медлилъ прислать скорую помощь Украйнѣ

---

[1]) Ист. Р. Солов., т. X. стр. 310—314.

для защиты отъ поляковъ православной вѣры и святыхъ церквей [1]).

Хмельницкій торопилъ Москву потому, что положеніе его часъ отъ часу становилось хуже и хуже. Въ половинѣ августа онъ получилъ извѣстіе отъ сына Тимофея, что онъ, разбитый въ полѣ непріятелями, запертъ въ замкѣ Сочавѣ соединенными силами господарей, Рагоци и поляковъ [2]). Въ тоже время поляки захватили нѣсколько городовъ и укрѣпленныхъ замковъ въ брацлавскомъ воеводствѣ, истребили значительное число казаковъ и подвигались ближе къ Днѣпру [3]). Хмельницкій не зналъ, что дѣлать: съ одной стороны сынъ призывалъ его спѣшить на выручку Сочавы, а съ другой нужно было защищать Украйну. Въ это время полковники высказали своему гетману горькую правду „непотребно намъ чужую землю оборонять, а свою безъ остереганья метать; потребно намъ за себя стоять и свою землю оборонять“. Эта правда такъ взбѣсила Хмельницкаго, что онъ вынулъ саблю и ударилъ по рукѣ одного черкасскаго полковника [4]). Гетманъ не послушался своихъ полковниковъ и двинулся къ Сочавѣ, но на дорогѣ онъ встрѣтилъ казаковъ съ трупомъ Тимофея, который умеръ отъ раны, полученной имъ отъ непріятельскаго ядра. Приказавъ казакамъ отвезти останки Тимофея въ Чигиринъ, Богданъ продолжалъ свой путь на соединеніе съ крымскимъ ханомъ. Между тѣмъ поляки, узнавъ о намѣреніяхъ Хмельницкаго, рѣшились преградить ему дорогу въ Молдавію и двинулись къ Каменцу. Нѣкоторые польскіе паны основательно доказывали королю, что слѣдуетъ идти прямо на Хмельницкаго и разбить его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ соединиться съ ханомъ, но это мнѣніе не было принято. Дѣйствительно, для поляковъ это былъ самый удобный моментъ нанести казакамъ пораженіе; ибо они имѣли войска несравненно болѣе, чѣмъ Хмельницкій. Но король польскій спѣшилъ на соединеніе съ своими союзниками, надѣясь еще болѣе увеличить ими свои силы. Дошедши до мѣстечка Жванца, расположен-

---

[1]) Памят. Кіев. Комм., т. III, отд. III, №№ 8 и 9.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 502.

[3]) Памят. Кіев. Комм., т. III, отд. III, № 11.

[4]) Исторія Мал. Р. Б.-Каменск., т. I, примѣч. 302.

наго при рѣкѣ того же имени и отстоящаго недалеко отъ Каменца, онъ остановился тамъ лагеремъ.

Въ то время какъ поляки спорили между собою о планѣ военныхъ дѣйствій и не предпринимали ничего рѣшительнаго, Хмельницкій успѣлъ соединиться съ крымскимъ ханомъ. Исламъ-Гирей, недовольный дѣйствіями казаковъ въ Молдавіи, неохотно теперь шелъ къ нимъ на помощь и только приказаніе султана заставило его соединиться съ Хмельницкимъ. Впрочемъ, сами поляки виновны были въ томъ, что допустили это соединеніе: на всѣ дружелюбныя къ нимъ письма хана и его визиря, они отвѣчали недовѣріемъ и не присылали дани, которой требовали отъ нихъ татары.

Между тѣмъ Хмельницкій составилъ довольно искусный планъ погубить подъ Жванцемъ польское войско: онъ приказалъ татарскимъ отрядамъ обойти польское войско и преградить доставку ему провіанта изъ Волыни и Подоліи, а самъ вмѣстѣ съ ханомъ расположился обозомъ противъ польскаго лагеря. Этотъ планъ имѣлъ полнѣйшій успѣхъ. Не получая припасовъ изъ Польши, польскіе отряды вторгались въ Молдавію, силой забирали хлѣбъ и скотъ и тѣмъ раздражили ея жителей. Послѣдніе изъ союзниковъ поляковъ скоро сдѣлались ихъ врагами: они нападали на польскіе отряды и истребляли ихъ по частямъ. Въ тоже время Рагоци, по требованію хана, отозвалъ свои войска и покинулъ своихъ союзниковъ въ самую критическую минуту. Но этимъ еще не кончилась бѣда поляковъ. Польскія войска, запертыя въ лагерѣ непріятелями, терпя холодъ и голодъ и не получая жалованья, скоро начали дезертировать изъ обоза цѣлыми массами. Притомъ въ польскомъ лагерѣ между военачальниками обнаружились самыя гибельныя несогласія: одни настаивали на томъ, чтобы дать генеральную битву непріятелямъ, пока не разбѣжались еще войска, а другіе требовали тайно оставить лагерь и уйти въ глубь Польши. Словомъ, польскому войску грозила вторая пилявецкая катастрофа.

Узнавъ о такомъ положеніи поляковъ, Богданъ Хмельницкій побуждалъ хана двинуться всѣми силами на польское войско и истребить его, или взять въ плѣнъ. Однако ханъ не только не согласился на это предложеніе своего союзника, но и продолжалъ

секретно отъ него вести сношенія съ поляками: онъ требовалъ отъ нихъ денегъ, обѣщаясь отстать отъ казаковъ. Посланецъ султана, находящійся при татарскомъ войскѣ, давно уже убѣждалъ Исламъ-Гирея бросить Хмельницкаго и возвратиться въ Крымъ; того же желали и татарскіе мурзы [1]). Но ханъ, зашедши такъ далеко, не желалъ возвратиться ни съ чѣмъ. При этомъ сами поляки, не смотря на крайность своего положенія, раздражали хана своимъ высокомѣріемъ и гордостью. 30 Ноября коронный канцлеръ, на ласковое письмо ханскаго визиря, отвѣчалъ ему самымъ вызывающимъ образомъ. „Что задумали, то и дѣлайте, писалъ онъ Сеферъ-Кази. Вы грозите намъ зимовкою и опустошеніемъ нашего государства, но помните, что и у насъ есть сила, посполитое рушенье, которую вы испытали подъ Берестечкомъ. То взаимныя рѣчи: можемъ и мы говорить, что пойдемъ въ ваши владѣнія; ибо отъ насъ такое же разстояніе до васъ, какъ и отъ васъ до насъ“ [2]). Но положеніе поляковъ ухудшалось со дня на день; вскорѣ какъ самъ Янъ-Казимиръ, такъ и его приближенные увидѣли, что единственное спасеніе для остатковъ польскаго войска состоитъ въ томъ, чтобы принять условія хана, которыя послѣдній уже давно предлагалъ, то есть купить миръ цѣною золота. Украинскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что польскій король, отправивъ предварительно татарскимъ мурзамъ пять тысячъ червонныхъ, просилъ хана назначить коммиссаровъ для переговоровъ. Исламъ-Гирей, побуждаемый своими мурзами, немедленно согласился вести переговоры и 4 декабря выслалъ на условленное мѣсто своихъ пословъ. Послѣ нѣскольких препирательствъ и взаимныхъ уступокъ между поляками и татарами 15 декабря состоялся, такъ называемый, жванецкій договоръ. Король обязался уплатить хану за прошлые годы дань и исправно давать новую, а ханъ позволилъ полякамъ свободно выступить изъ лагеря и обѣщался не помогать болѣе казакамъ.

Хмельницкій не былъ приглашенъ участвовать въ этихъ переговорахъ. Однако Исламъ-Гирей, заключая отдѣльный договоръ

---

[1]) „Богд. Хмел.“, Кост. т. III, стр. 105.

[2]) Польск. Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Крым.“, св. 4 под. 1653. см. „Copia Listu od koron. kancl. do Sefer-Kasi“.

съ поляками, не забылъ и казаковъ: онъ обязалъ короля оставить ихъ при зборов. статьяхъ. Нѣкоторые, впрочемъ, повѣствуютъ, что Исламъ-Гирей обѣщался польскому королю помогать усмирить казаковъ и обратить Украйну въ то положеніе, въ которомъ она находилась до 1848 года. Тогда Хмельницкій, говорится въ малороссійскихъ источникахъ, видя, что ханъ заботится только о своей прибыли и, не надѣясь въ тоже время на возобновленіе пріязни съ поляками, рѣшился навсегда отторгнуть Украйну отъ Польши и принять со всѣмъ своимъ народомъ протекцію московскаго монарха [1]).

---

[1]) Лѣт. Величко т. I, стр. 154—158; Крат. опис. о Мал. Р. стр. 238; Лѣт. Самов. стр. 172.

Глава 8-я.

Въ то время, когда Богданъ Хмельницкій напрягалъ всѣ усилія, чтобы поправить казацкое дѣло на Украйнѣ, призывалъ на помощь татаръ и турокъ, отправлялъ пословъ въ Константинополь съ цѣлью засвидѣтельствовать предъ султаномъ о своихъ и всего запорожскаго войска вѣрно-подданническихъ чувствахъ, въ Москвѣ окончательно рѣшено принять его и все запорожское войско подъ высокую государеву руку. 1-го октября 1653 года былъ созванъ соборъ изъ всякихъ чиновъ и людей, которымъ было объявлено о неправдахъ польскаго короля и о челобитьѣ казацкаго гетмана и всего запорожскаго войска. Соборъ приговорилъ такъ, какъ объ этомъ напередъ было рѣшено государемъ и его боярскою думою, то-есть принять Богдана Хмельницкаго и все казацкое войско съ городами ихъ и землями подъ протекцію московскаго государства и объявить полякамъ за ихъ неправды войну. [1]) Но еще ранѣе рѣшенія собора изъ Москвы были отправлены къ Хмельницкому послы—Стрѣшневъ и Бредихинъ, которые должны были объявить гетману о полномъ согласіи своего государя на предложеніе запорожскаго войска [2]). 9-го октября Алексѣй Михайловичъ послалъ на Украйну боярина Бутурлина, окольничаго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина принять присягу отъ гетмана и всей Украйны. Богданъ Хмельницкій, какъ мы выше говорили, былъ въ это время въ походѣ и только 24-го декабря возвратился въ Чигиринъ, гдѣ его уже давно ожидали московскіе послы Стрѣшневъ и Бредихинъ.

---

[1]) „Собр. государ. грам. и догов.“, ч. III, № 157.

[2]) „Архивъ иностр. д.“, „Малорос. дѣла“, св. 6, № 3.

Рѣшившись принять московскую протекцію, Богданъ Хмельницкій прежде чѣмъ сдѣлать въ этомъ отношеніи рѣшительный шагъ, обратился за совѣтомъ къ низовому запорожскому войску.

Въ первые годы возстанія Хмельницкаго славные запорожцы оставили привольные свои острова на Запорожьи, чтобы принять дѣятельное участіе въ борьбѣ соотечественниковъ съ поляками; но кошъ запорожскій не уничтожился, Запорожье хотя и опустѣло, но не совсѣмъ: тамъ всегда оставалось нѣсколько тысячъ человѣкъ во главѣ своего кошеваго атамана. Послѣ же зборовскаго договора и въ особенности послѣ несчастнаго берестечскаго пораженія Запорожье снова наполнилось. Многіе изъ тѣхъ, которые не желали повиноваться польскимъ панамъ, или не желали служить подъ знаменами измѣнника гетмана, спѣшили удалиться на Сѣчь. Тамъ, разселившись по островамъ и лѣсамъ, они снова зажили прежнею привольною жизнью. По прежнему запорожцы повиновались только кошевому атаману и слушались голоса только своей вольной рады. Запорожье осталось вѣрно своимъ традиціямъ; оно преимущественно было стражемъ интересовъ народа и выразителемъ его стремленій. Въ то время, когда Богданъ Хмельницкій вмѣстѣ съ своими приближенными въ борьбѣ съ поляками преслѣдовалъ на Украйнѣ шляхетно-казацкіе интересы, вызволялъ только себя, полковниковъ и реестровыхъ казаковъ, Запорожье составляло живой протестъ противъ этихъ стремленій. Послѣ бѣлоцерковскаго договора, какъ мы говорили выше, запорожцы въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ явились на Украйну, требовали отъ Хмельницкаго вниманія къ народу и хотѣли даже убить его и избрать другаго гетмана. Но они въ тоже время не могли серьезно бороться съ Богданомъ, обаяніе котораго на Украйнѣ было еще довольно сильно, на сторонѣ котораго была казацкая старшина, преданное ему войско и татары. Запорожцы хотя и боялись союза гетмана съ татарами, однако мало обращали на оный вниманія и по прежнему вмѣстѣ съ донцами нападали на татарскіе улусы, грабили татаръ, отнимали у нихъ ясырь, когда они изъ Польши или Украйны возвращались въ Крымъ и даже самихъ татаръ брали въ плѣнъ. Такъ, по свидѣтельству украин-

скаго лѣтописца, въ 1653 году московскіе люди выкупили у нихъ за 900 золотыхъ нѣсколько плѣнныхъ татаръ [1]).

Въ отношеніи гетмана Запорожье держало себя самостоятельно: когда нужна была ему помощь запорожцевъ, то онъ обращался къ нимъ не съ приказаніемъ, но съ просьбою на имя кошеваго атамана. Такъ весною 1653 года Богданъ написалъ къ низовому войску письмо, въ которомъ спрашивалъ совѣта относительно московской протекціи и просилъ прислать нѣсколько тысячъ войска. Но запорожцы хотя и отправили къ гетману на помощь около 10 тысячъ человѣкъ, однако относительно протекціи даже не удостоили его отвѣта. Поэтому 26-го декабря этого года, когда Стрѣшневъ и Бредихинъ объявили Хмельницкому цѣль своего посольства, то онъ снова отправилъ письмо въ Запорожье на имя его милости, пана кошеваго атамана и всего низоваго войска. „Отпускаемъ къ вамъ войско ваше низовое запорожское, - писалъ Богданъ, которое вы въ прошлое лѣто по желанію нашему прислали намъ на военную потребность противъ непріятелей поляковъ, за что особенно благодаримъ вашихъ милостей, и впередъ о такой же неотмѣнной пріязни старательно васъ просимъ. На письмо наше, посланное вашимъ милостямъ, милостивому панству, еще прошлымъ лѣтомъ относительно протекціи пресвѣтлѣйшаго и высокодержавнѣйшаго московскаго монарха, до сихъ поръ никакого отвѣта не имѣемъ. Теперь снова посылаемъ къ вамъ нашего нарочнаго посла и особенно желаемъ, чтобы ваши милости, милостивое панство, доскональио выразумѣвши то самое письмо, совершенный и искренній на него отвѣтъ вскорѣ прислали и дали намъ совѣтъ. Подобно тому, какъ мы не начинали той войны съ поляками безъ воли и совѣта вашего, такъ и дѣла о московской протекціи не будемъ совершать безъ вашего совѣта и соизволенія. Хотя, по совѣту нашей старшины, мы и дали отзывъ нашъ къ его царскому величеству и самодержцу, однако же безъ вѣдома и соизволенія вашего кончать этого дѣла не будемъ“ [2]).

---

[1]) Лѣтоп. Величко, т. I, стр. 170.

[2]) Лѣтопись Величко, т. 1, стр. 167.

Вмѣстѣ съ письмомъ Богданъ послалъ запорожцамъ въ подарокъ тысячу битыхъ талеровъ, которые усердно просилъ принять.

Вскорѣ, именно 3-го января 1654 г., запорожцы прислали отвѣтъ гетману на его посланіе. Запорожцы писали: какъ изъ самаго письма гетмана, такъ и своими глазами они ясно видятъ, что съ поляками уже невозможно болѣе вести дружбы; въ продолженіи шести лѣтъ погубивъ столько народу на Украйнѣ, поляки нисколько не думаютъ о томъ, чтобы смягчить свое сердце, укротить свой гнѣвъ, утвердить права и вольности малороссійской отчизны и показать къ ней свою пріязнь и миръ. „Поэтому, писали запорожцы, не совѣтуемъ вамъ болѣе искать ихъ дружбы, а намѣреніе ваше относительно московской протекціи признаемъ заслуживающимъ вниманія и даемъ вамъ такой совѣтъ: не нужно оставлять этого дѣла, но привести его къ наилучшей пользѣ нашей малороссійской отчизны и всего запорожскаго войска; когда будете заключать договоръ, то просимъ вашу милость самому прилежно заботиться о томъ, чтобы въ немъ не было чего лишняго, вреднаго для нашей отчизны и противнаго нашимъ стародавнимъ правамъ и вольностямъ“ [1]).

Хотя запорожцы и просили своего гетмана старательно заботиться объ интересахъ отчизны при договорѣ съ московскимъ государствомъ, однако онъ теперь находился въ такомъ положеніи, что ему нельзя было долго торговаться съ московскими послами: силою постороннихъ обстоятельствъ онъ принужденъ былъ принять тѣ условія, на которыя могла согласиться только противная сторона.

Послѣ жванецкаго договора, простившись съ крымскимъ ханомъ, Богданъ поспѣшно возвратился на Украйну и уже 24-го декабря прибылъ въ Чигиринъ, гдѣ его давно дожидались московскіе посланники—Стрѣшневъ и Бредихинъ. Послѣдніе объявили, что государь принимаетъ казаковъ подъ свою высокую руку. Хмельницкій въ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу отъ 28-го декабря благодарилъ его за такую милость: „только на Бога и на твое пресвѣтлое царское величество надѣемся мы“ писалъ гетманъ [2]).

---

[1]) Лѣтоп. Величко, т. 1, стр. 168—169.

[2]) Собр. Госуд. грам. и дог., ч. III, № 159.

*

Получивши отъ московскихъ посланныхъ объявленіе о согласіи московскаго правительства о принятіи Украйны подъ его покровительство, Богданъ Хмельницкій, по свидѣтельству „Исторіи Руссовъ“, созвалъ въ Чигиринѣ высшихъ чиновниковъ и знатныхъ казаковъ и объявилъ имъ цѣль московскаго посольства. Предметомъ совѣщанія былъ вопросъ о томъ, кого казакамъ держаться: Турціи или Польши или московскаго государства. „Обстоятельства наши въ настоящее время такія, говорилъ гетманъ собравшимся на раду, что намъ нельзя оставаться въ нейтральномъ положеніи, а необходимо принять протекцію какой нибудь державы“. Молодые чиновники и казаки объявили свое согласіе на соединеніе съ турками, указывая на то, говоритъ лѣтописецъ, что „у нихъ воинскій народъ въ нарочитомъ уваженіи и почтеніи и для поселянъ у нихъ нѣтъ ни арендъ жидовскихъ, ни великихъ налоговъ и повинностей, какъ въ Польшѣ; а что всего важнѣе, нѣтъ у нихъ крѣпостныхъ и продажныхъ людей, или крестьянства какъ въ Московщинѣ это водится“.

Но гетманъ и старые казаки, указывая на различныя неудобства соединенія съ турками, между прочимъ говорили: „для христіанъ добровольно отдаться во власть невѣрныхъ, или задружить и общеніе съ ними имѣть есть смертельный грѣхъ и поступокъ предъ всѣмъ христіанствомъ позорный и предосудительный..... но кромѣ того, когда, соединясь съ невѣрными, ударимъ на царство московское, на сей единственный и свободный остатокъ державы христіанской, и покоримъ его подъ такое иго магометанское, въ каковомъ пребываютъ наши единовѣрные іерархества: константинопольское, антіохійское, іерусалимское и александрійское, то что мы тогда будемъ предъ лицемъ свѣта? По истинѣ, ни что иное, какъ притча во языцѣхъ и посмѣяніе въ людяхъ“...

Эти соображенія заставили и противниковъ московской протекціи согласиться съ гетманомъ и старыми полковниками; по сему на этой радѣ рѣшено соединиться съ московскимъ государствомъ и объявить объ этомъ московскимъ посламъ. Въ это же время гетманъ поручилъ генеральному судьѣ Самойлу Богданову и переяславскому полковнику Павлу Тетерѣ написать договорныя

статьи съ царемъ московскимъ и затѣмъ представить ихъ на разсмотрѣніе его и всего малороссійскаго совѣта [1]).

На эти совѣщанія и рѣшенія указываетъ и самъ Богданъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ запорожцамъ, посланномъ имъ изъ Чигирина 26-го декабря.

31-го декабря прибыли въ Переяславль и главные московскіе послы, Бутурлинъ съ товарищами, которые должны были принять присягу отъ гетмана и всего запорожскаго войска. Узнавши объ этомъ, Хмельницкій приказалъ всей казацкой старшинѣ и прочимъ чинамъ и войску собраться для окончанія дѣла въ Переяславль, куда и самъ прибылъ 6-го января. Здѣсь гетманъ и казаки сначала совѣщались между собою на тайной радѣ, а потомъ 8-го января собралась явная, общая рада.

На этой радѣ гетманъ обратился къ собравшимся съ такою рѣчью. „Панове полковники, эссаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане. Вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имя русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно и, видно, нельзя намъ жить безъ царя. Поэтому, мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, кого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ чрезъ своихъ пословъ; второй —ханъ крымскій; третій король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый—царь православный Великой Руси, царь восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Тутъ котораго хотите, того и избирайте! Царь турецкій бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья, православные христіане греки, и въ какомъ они утѣсненіи отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хотя мы по нуждѣ и свели съ нимъ дружбу, однако приняли чрезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіан-

[1]) Исторія Руссовъ, Кониск., стр. 117—119.

ской! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно и сказывать—сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата, христіанина! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главою І. Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Возлюбимъ его съ усердіемъ! Кромѣ его царской руки мы не найдемъ благотишнѣйшаго пристанища.“ Въ заключеніе рѣчи Богданъ сказалъ жестокія и грозныя слова: „если же кто съ нами несогласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога.“

Тогда народъ отвѣчалъ: „волимъ подъ царя восточнаго, православнаго! Лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть нежели ненавистнику Христову, поганину достаться“.

Послѣ этого гетманъ и казацкіе старшины отправились въ соборную церковь и присягнули на вѣчное подданство государю. Но московскіе бояре отказались присягнуть за государя и даже дать подпись свою въ томъ, что онъ не будетъ нарушать правъ и вольностей малороссійскаго народа, какъ того требовали гетманъ и казаки. „А того, что за великаго государя вѣру учинить, отвѣчали бояре, николи не бывало и впредь не будетъ [1]). Дѣло не статочное, чтобы намъ дать подпись за руками своими“ [2]).

Такъ описывали переяславскую раду московскіе послы въ своихъ донесеніяхъ государю. Лѣтописецъ Величко добавляетъ, что на этой радѣ всему собравшемуся народу были прочитаны и статьи, на которыхъ состоялся договоръ между Украйною и московскимъ

[1]) При возвращеніи упомянутыхъ пословъ въ Москву, во время почетной встрѣчи ихъ въ Калугѣ, отъ имени государя похвалили ихъ за то, что „они отговорили гетмана и полковниковъ отъ того, чтобы учинить вѣру за великаго государя“. (Собр. Госуд. гр. и д., ч. III, № 166).

[2]) Полное собр. законовъ, стр. 318—319, т. I; Собр. госуд. гр. и дог. №№ 160—165.

государствомъ [1]). Но это были не тѣ статьи, которыя окончательно составлены казацкими послами въ Москвѣ и утверждены государемъ; упоминаемые лѣтописцемъ „пакта" вѣроятно заключали въ себѣ только общія условія этого договора и были составлены, какъ мы говорили, въ Чигиринѣ казацкими старшинами, по порученію гетмана.

Послѣ приведенія къ присягѣ въ Переяславлѣ гетмана, старшинъ, казаковъ и всѣхъ жителей этого города, московскіе люди отправились по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ Украйны и приняли присягу отъ ихъ жителей, какъ свидѣтельствуютъ о томъ переписныя книги [2]).

Вскорѣ послѣ переяславской рады московскіе послы отправились въ Кіевъ и Черниговъ для приведенія тамошнихъ людей къ присягѣ, а Хмельницкій возвратился въ Чигиринъ, чтобы приготовить пословъ отъ войска запорожскаго къ Алексѣю Михайловичу. На переяславской радѣ со стороны московскихъ бояръ не было подписано какихъ-нибудь статей договора; Василій Васильевичъ Бутурлинъ только на словахъ заявилъ, что государь не только подтвердитъ всѣ давнія права и вольности казаковъ, но и пожалуетъ гетмана и все запорожское войско новыми особенными милостями [3]).

Въ качествѣ главныхъ пословъ, которые должны были заключить въ Москвѣ статьи договора, Богданъ назначилъ генеральнаго судью Самойла Богданова и переяславскаго полковника Павла Тетерю. Но въ Москвѣ почему-то для сей цѣли ожидали, вмѣсто судьи, писаря Ивана Выговскаго; поэтому на дорогѣ съ указаннымъ посольствомъ случилось довольно непріятное обстоятельство. Когда посольство въ числѣ 70 человѣкъ прибыло въ Путивль, то тамошній воевода не только не далъ имъ корму и подводъ въ Москву, но даже приказалъ имъ возвратиться назадъ. Послы протестовали, грозили нанять подводы на собственныя средства, но и это не помогло. Дѣло въ томъ, что московское

[1]) Лѣт. Велич., т. I, стр. 172.

[2]) Архивъ иностр. д. „Малор. д." св. 7, №№ 1 и 2.

[3]) Арх. иностр. д. „Малор. д." св. 10 № 37.

правительство, ожидая въ качествѣ главнаго посла писаря Ивана Выговскаго, сдѣлало распоряженіе путивльскому воеводѣ принять Выговскаго съ его товарищами съ честью и дать имъ корму и подводъ, но въ Путивль вдругъ пріѣзжаетъ въ качествѣ главнаго посла не Выговскій, а вмѣсто него судья Богдановъ. Между тѣмъ въ Москвѣ скоро узнали о поступкѣ воеводы и прислали послѣднему отъ царя грамоту, въ которой приказывалось, чтобы онъ принялъ съ честью казацкое посольство даже въ томъ случаѣ, если во главѣ его будетъ состоять и не Выговскій, а другой человѣкъ высокаго чина. Только послѣ этого приказанія, путивльскій воевода далъ подводы посламъ и отпустилъ ихъ въ Москву [1]).

За то въ Калугѣ посольству запорожскаго войска устроена была большая и почетная встрѣча. Калужскій воевода получилъ отъ царя приказъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ боярскими дѣтьми и разными служивыми людьми въ цвѣтныхъ платьяхъ и на добрыхъ лошадяхъ встрѣтилъ пословъ за городомъ, прилично ихъ привѣтствовалъ и проводилъ въ городъ; „а когда послы будутъ идти по городу, говорилось въ царской грамотѣ, чтобъ по улицамъ было людно и стройно“ [2]).

8 марта послы выѣхали изъ Калуги и уже 10 числа были въ Москвѣ [3]).

Мы считаемъ нужнымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на переговорахъ, веденныхъ въ Москвѣ посланниками Хмельницкаго и боярами, чтобы точнѣе опредѣлить, на какихъ статьяхъ состоялся договоръ присоединенія Малой Руси къ московскому государству. Списки статей напечатанные въ „Полн. Собр. Зак.“, „Собр. Госуд. Гр.“ и нашими историками Бант.-Каменскимъ, Маркевичемъ, Костомаровымъ и въ извлеченіи Соловьевымъ въ

---

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. д.“ св. 8 № 6 ст. 6.

[2]) Ibid, ст. 7—9.

[3]) Г. Карповъ несправедливо говоритъ, что послы прибыли въ Москву 12 марта. О пріѣздѣ пословъ „написано государю въ докладъ:“ „въ нынѣшнемъ во 162 г., марта 10 пріѣхали къ государю в. к. А. Михайловичу въ Москву запорожскіе посланники—войсковой судья Сам. Богдановъ и П. Тегеря“. См. Арх. ин. д. „Мал. д.“ св. 8, № 6, ст. 21.

ихъ сочиненіяхъ не только разнятся между собою въ числѣ пунктовъ и въ содержаніи ихъ, но и вполнѣ не вѣрны. Такъ напр. г. Маркевичъ выдаетъ за окончательныя статьи тѣ, которыя Н. И. Костомаровъ считаетъ только просительными пунктами и въ свою очередь ошибается, печатая за настоящія статьи тѣ пункты, которые обсуждались послами и боярами во время первыхъ переговоровъ 12 марта. Это произошло отъ того, что до насъ дошло нѣсколько списковъ статей Богдана Хмельницкаго, а оригинальныхъ не сохранилось и потому одинъ историкъ считаетъ настоящими одни статьи, а другой— другія.

Оригинальныя статьи и оригинальная грамота, данныя Алексѣемъ Михайловичемъ запорожскому войску, затеряны еще въ концѣ 17 вѣка. 1709 г. Петръ Великій, находясь въ Украйнѣ, приказалъ прислать къ нему изъ Москвы, вѣроятно по поводу измѣны Мазепы, оригинальныя статьи Богдана Хмельницкаго, но ихъ не нашли и дьякъ Иванъ Чередневъ написалъ слѣдующую сказку о статьяхъ бывшаго гетмана.

„По указу великаго государя и по письму изъ арміи государственнаго канцлера и тайнаго совѣтника графа Гавріила Ивановича Головкина, дьякъ Ив. Чередневъ сказалъ: какъ велѣно мнѣ сидѣть въ приказѣ Малой Руси у гетманскаго повытья старшимъ подъячимъ и я гетмана Богдана Хмельницкаго статей ни у кого не принималъ и такихъ статей въ приказѣ Малой Руси, послѣ моей въ томъ приказѣ бытности, есть ли и гдѣ тѣ статьи, про то не вѣдаю, а которыя статьи бывшихъ гетмановъ у меня были, тѣ съ прочими дѣлами при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы въ Цареградъ отдалъ я тогожъ малороссійскаго приказа старому подъячему Парѳеньеву. А тотъ подъячій въ томъ приказѣ сидѣлъ старымъ подъячимъ за многіе годы до моей въ томъ же приказѣ бытности. И еслибъ у меня оныя статьи Богдана Хмельницкаго въ приказѣ были, а при отдачѣ бы ихъ не явилось и онъ бы подъячій того на мнѣ спросилъ. И затѣмъ бы и прочихъ статей у меня не принялъ“ [1]). Поэтому увѣреніе г. Бант. Каменскаго, что онъ сдѣлалъ списокъ статей, приведенныхъ имъ въ

[1]) Арх. ин. д. „Подл. малор. д.“, св. 2, № 1.

своей „Исторіи Малой Руси“, съ подлиннаго договора, будто бы хранящагося въ моск. арх. коллегіи, подлежитъ полнѣйшему сомнѣнію [1]). Однако, руководясь нѣкоторыми соображеніями и указаніями, можно найти настоящія статьи Богдана Хмельницкаго; а отыскавши статьи, легко можно указать и на списокъ съ настоящей грамоты, данной Алексѣемъ Михайловичемъ запорожскому войску [2]). Для этого, во-первыхъ, мы воспользуемся указаніями украинскаго лѣтописца Грябянки и статейнаго списка Трубецкаго, а во-вторыхъ, прослѣдимъ по черновому дѣлу самый ходъ переговоровъ между послами Хмельницкаго и московскими боярами.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что число пунктовъ этого договора было именно 14; это видно изъ слѣдующихъ указаній.

Лѣтописецъ Грябянка говоритъ: „Великій Государь далъ всему запорожскому войску милостивую монаршую съ завѣсистою печатію грамоту и **статія о четыренадесятѣхъ пунктахъ** утвердилъ“ [3]).

Очевидно, что лѣтописецъ не могъ видѣть множество списковъ статей Богдана Хмельницкаго, хранящихся въ московскомъ архивѣ, а сдѣлалъ списокъ статей, приведенныхъ имъ въ своей лѣтописи, съ какого-нибудь списка, попавшагося ему на Украйнѣ. Въ статейномъ спискѣ князя Алексѣя Трубецкаго говорится: „полковникъ Петръ Дорошенко съ товарищами боярину и воеводѣ князю Алексѣю подали четырнадцать статей, данныхъ Богдану Хмельницкому и сказали, что Юрій Хмельницкій и полковники желаютъ быть подъ рукою государя на тѣхъ статьяхъ“. Бояре хотя и замѣтили, что содержаніе многихъ пунктовъ въ этихъ статьяхъ измѣнено, однако согласились, что число статей, данныхъ Богдану, дѣйствительно было четырнадцать и подали казакамъ настоящія статьи тоже изъ четырнадцати же пунктовъ. За тѣмъ въ одномъ спискѣ жалованной грамоты читаемъ: „эта грамота дана Алексѣемъ Михайловичемъ Богдану Хмельницкому и

[1]) Исторія Малой Р., т. 1, примѣч. 84.

[2]) До насъ дошли два довольно различныхъ списка этой жалов. грамоты, напр. въ св. 8. № 4/2, ст. 14 и св. 8, № 7, ст. 19; см. въ „Малор. д.“.

[3]) Лѣт. Гряб., стр. 127.

всему запорожскому войску при вступленіи ихъ въ россійское подданство на прежнія ихъ права и вольности и утвержденіе четырнадцати статей, учиненныхъ въ Москвѣ съ посланцами его Хмельницкаго, Самойломъ Богдановымъ и Павломъ Тетерею“ [1]).

Теперь обратимся къ самымъ переговорамъ, веденнымъ казацкими посланниками во время пребыванія ихъ въ Москвѣ съ 10 по 27 марта 1654 года.

Переговоры эти начались 12 марта обсужденіемъ требованій запорожскаго войска, представленныхъ боярамъ послами по наказу, состоящему изъ 23 пунктовъ, данному имъ гетманомъ[2]). Слѣдить за измѣненіемъ редакціи всѣхъ статей, постановляемыхъ послами и боярами въ различные дни переговоровъ между ними, мы не будемъ, а ограничимся въ этомъ отношеніи только двумя самыми главными пунктами, именно: о правѣ запорожскаго войска вести сношенія съ иностранными державами и о жалованьи со стороны московскаго государства реестровымъ казакамъ.

12 марта, по указу государя, запорожскіе послы Самойло Богдановъ и Павелъ Тетеря съ товарищами были на казенномъ дворѣ у бояръ, у боярина и князя А. Н. Трубецкаго, у боярина В. В. Бутурлина и окольничаго П. П. Головина и у думнаго дьяка Алмаза Иванова. Здѣсь между прочимъ казаки требовали, чтобы государь позволилъ гетману свободно принимать и отпускать чужеземныхъ пословъ и назначилъ реестровому войску жалованье изъ государской казны. Послѣ переговоровъ въ этотъ день написано было нѣсколко статей и подано на разсмотрѣніе царя[3]). Государь, конечно по совѣту съ боярами, на статьѣ, касающейся иностранныхъ пословъ, постановилъ такое рѣшеніе: пословъ о добрыхъ дѣлахъ гетману принимать и отпускать, извѣщая о томъ царское величество, но только съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ не ссылаться. Что же касается статьи о жалованіи запорожскому войску изъ государской казны, то государь

[1]) Арх. иностр. д. „Подл. Мал. д.“, св. 2, № 1.

[2]) Арх. ин. д. „Малор. д.“, св. 10, № 37; Маркев., т. 1, стр. 340.

[3]) Арх. иностр. д. св. 8, № 4, ст. 102 и 328; см. „копія съ письма, какое подали запор. посланники 1654 г. 12 марта“.

выдалъ пространный указъ, въ которомъ между прочимъ говорилось. „А какъ былъ у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ В. В. Бутурлинъ съ товарищами и гетманъ говорилъ съ нимъ въ разговорѣ о числѣ войска запорожскаго, чтобъ учинить 60 тысячъ; а хотя бы того числа было и больше и государю де въ томъ убытка не будетъ, п. ч. они жалованья у государя просить не учнутъ". Но въ то же время государь обѣщалъ, что онъ хочетъ послать своего государскаго жалованья (въ видѣ подарка) по давнимъ обычаямъ предковъ своихъ гетману и всему войску запорожскому [1]).

На другой день 13 марта запорожскіе послы снова были на казенномъ дворѣ и подали боярамъ 20 пунктовъ. Въ 4-мъ пунктѣ относительно жалованья читаемъ: Буде государь всему списковому войску запорожскому своего государева жалованья давать не изволитъ, то пожаловалъ бы государь, велѣлъ дать своего государскаго жалованья полковникамъ, эсауламъ, судьямъ и сотникамъ..... " Въ 16-мъ пунктѣ запорожскіе послы просили относительно иностранныхъ пословъ, но уже нѣсколько иначе. „Бьютъ челомъ....... Будутъ учнутъ приходить къ гетману изъ которыхъ пограничныхъ земель посланцы о **большихъ дѣлѣхъ**, пойдетъ гетманъ тѣхъ посланцевъ присылать къ государю и о тѣхъ дѣлѣхъ, о чемъ они къ гетману присланы будутъ, что государь имъ укажетъ; а будутъ учнуть приходить о **малыхъ дѣлѣхъ** и государь бы тѣхъ посланцевъ позволилъ принимать и отпускать ему гетману и за зло-бъ того не поставить"[2]). Бояре, поговоривъ съ послами, отпустили ихъ съ тѣмъ, чтобы они всѣ свои рѣчи прислали на письмѣ къ государю.

Въ тотъ же день представители отъ малороссійской шляхты и отъ разныхъ цѣховъ подали боярамъ листы, въ которыхъ проси-

[1]) Эти статьи съ рѣшеніями и оговорками и изданы за окончательныя въ „Пол. собр. законовъ", т. 1, стр. 322—327, въ „Собр. г. гр. и д.", ч. III, № 168, въ соч. Костом. „Богд. Хм.", т. III, стр. 140 и въ соч. Солов. „Ист. Р.", т. 10, стр. 330.

[2]) Архивъ иностр. д. „Малор. д.", св. 8, № 7.

ли у государя разныхъ правъ и вольностей и освобожденія отъ разныхъ повинностей [1]).

14 марта запорожскіе посланники отъ имени гетмана и всего запорожскаго войска „подали на письмѣ свои рѣчи". Это тѣ самые просительные пункты, которые Маркевичъ выдалъ за окончательныя статьи договора, заключеннаго посланниками Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ. Но достаточно одного бѣглаго взгляда на эти статьи и поставленныя на нихъ рѣшенія, чтобы усумниться въ справедливости мнѣнія Маркевича. Во-первыхъ, это прошеніе пословъ 14 марта, по сохранившимся съ него спискамъ, не было раздѣлено вполнѣ на пункты: въ одномъ спискѣ обозначено 5 пунктовъ, а въ другомъ 13. Во-вторыхъ, послѣ рѣшеній государя на эти просьбы должны были снова начаться переговоры. Казаки напр. въ одномъ пунктѣ просили: „послы, которые изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому, чтобъ гетману и войску запорожскому, которые **къ добру-бъ были**, вольно принимать, а чтобъ имѣло противъ царскаго величества быти, должны мы его царскому величеству извѣщати". Государь и бояре согласились принять эту статью, но подъ тѣмъ только условіемъ, если гетманъ и запорожское войско не будутъ ссылаться съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ. За тѣмъ относительно просьбы пословъ о жалованьи запорожскому войску постановлено „отговаривать" на слѣдующемъ основаніи: „гетманъ говорилъ Бутурлину,—хотя число войска запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; а говорилъ гетманъ при ихъ, при судьѣ и полковникѣ и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится". Наконецъ, въ третьихъ, на одномъ спискѣ этихъ статей надписано: „разговорные пункты" [2]). Изъ этого очевидно, что статьи 14 марта не составляли еще окончательной редакціи договора. Въ нихъ только выражены желанія той и другой изъ договаривающихся сторонъ. Но

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. д.", св. 8, № 4, ст. 347 и 390.

[2]) Арх. иностр. д., св. 8, № 4/2.

еще вопросъ, согласились ли запорожскіе посланники съ рѣшеніями на ихъ просьбы государя и бояръ?

Такимъ образомъ переговоры до 14 марта мало подвинулись впередъ. Московское правительство не поддавалось, не смотря на различныя измѣненія и ограниченія запорожскими послами своихъ требованій; оно стояло почти на томъ же самомъ, какъ и въ первый день переговоровъ.

15 марта государь изволилъ ѣхать на Дѣвичье поле смотрѣть солдатскій строй, а съ собою указалъ ѣхать и запорожскимъ посланникамъ Самойлу Богданову и Павлу Тетерѣ. На другой день запорожскимъ посламъ была особенная милость со стороны государя: велѣно выдать посламъ жалованья и корму вдвое [1]). Послѣ этого послы запорожскіе, видя что большаго нельзя добиться, согласились на тѣ условія, которыя имъ предлагали прежде. Уже 19 марта государь велѣлъ быть посланникамъ на отпускѣ, получить подарки и жалованную грамоту [2]). Но эта жалованная грамота была отлична въ самомъ существенномъ пунктѣ отъ той, которую послы получили 27 марта. Такъ въ грамотѣ, данной казакамъ 19 марта, послѣ пункта объ имѣніяхъ и земляхъ казацкихъ, читаемъ: „а буди изъ которыхъ пограничныхъ государствъ учнутъ приходить въ войско запорожское къ гетману Богдану Хмельницкому о **добрыхъ дѣлѣхъ послы**, и Мы, великій государь, тѣхъ пословъ гетману принимать и отпускать повелѣли;..... а съ турскимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ нашего царскаго величества указа ссылки не держать [3]). Но въ другой грамотѣ мы не встрѣчаемъ этого позволенія запорожскому войску ссылаться съ иностранными государствами. Спрашивается, чѣмъ объяснить появленіе этой второй грамоты? Окончились ли переговоры запорожскихъ пословъ до 19 марта, если на это число уже назначенъ былъ отпускъ посламъ?

Оказывается, что нѣтъ. Поэтому, чтобы отвѣтить на первый поставленный нами вопросъ, мы должны прослѣдить за дальнѣйшимъ

---

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. д.“, св. 8, № 4, ст. 202—204.
[2]) Ibid. ст. 208.
[3]) Ibid. св. 8, № 7, ст. 19.

ходомъ переговоровъ. 19 марта, послѣ отпуска, запорожскіе послы были на казенномъ дворѣ у тѣхъ же бояръ. Послѣдніе объявили казакамъ на ихъ статьи государевъ указъ. Но послы передумали, выслушавъ указъ, они снова били челомъ и, „по спросу о чемъ"; объявили новыя просьбы. Эти просьбы заключались во-первыхъ, въ томъ, чтобы государь далъ гетману и имъ — посламъ жалованныя грамоты, а во-вторыхъ, чтобъ войску запорожскому было назначено жалованье. Относительно жалованья послы подали царю особенную грамоту. „Великому государю..... посланники запорожскаго войска низко бьютъ челомъ. Хотя по повелѣнію гетмана и всего запорожскаго войска, просили мы твое царское величество, чтобъ на всякаго казака жалованья по 30 золотыхъ, но когда столько невозможно, хотя бы что и уменьшить, лишь бы намъ ни съ чѣмъ до войска не поворотить. Понеже какъ стольники твоего царскаго величества по городамъ къ вѣрѣ приводили, сказывали то, что войску запорожскому деньги будутъ, а нынѣ такова слава пошла и всѣ стали надежны на милость твоего царскаго величества. А если бы мы имѣли возвратиться, не умоливши того у твоего царскаго величества, то не вѣдаемъ, какъ имѣемъ мы посланники очи войску показати и войско поневолѣ имѣло ся замутити. Понеже не такъ идетъ войску запорожскому о деньгахъ, какъ идетъ о славѣ....... Просимъ и усердно молимъ, буди милостивъ и пожалуй войско запорожское, пусть бы твоего царскаго величества жалованьемъ утѣшилися и охотнѣйше до всякія услуги твоего царскаго величества ставилися"[1]. Это слезное прошеніе было услышано и казакамъ реестровымъ назначено жалованья по 30 золотыхъ польскихъ на каждаго человѣка. Сверхъ того, бояре объявили „нынѣ де государь посылаетъ своего государскаго жалованья къ гетману золотые, а къ войску запорожскому на всѣхъ 60 т. человѣкъ по четь золотого угорскаго на каждаго"[2].

Дѣйствительно, государю нужно было оказать особенную милость реестровымъ казакамъ, чтобы они охотнѣе помогали ему

[1]) Ibid. св. 8, № 6.
[2]) Ibid. св. 8, № 4.

въ предстоящей войнѣ съ Польшей. Московское правительство, такимъ образомъ, уступило, но за то съ своей стороны потребовало уступки отъ пословъ запорожскаго войска и притомъ относительно самаго существеннаго пункта, именно, въ вопросѣ о правѣ гетмана имѣть сношенія съ иностранными государствами. Есть положительное указаніе на то, что посланники Хмельницкаго согласились на эту послѣднюю уступку. Такъ въ прежней жалованной грамотѣ, какъ показываетъ черновой листъ, замаранъ именно тотъ пунктъ, которымъ давалось гетману запорожскаго войска право сноситься съ нѣкоторыми иностранными государствами [1]). Соотвѣтственно этому и въ статьяхъ, данныхъ посламъ 19 марта, должно было произойти измѣненіе того пункта, который гласитъ о правѣ казацкаго гетмана сноситься съ другими державами.

Въ это же время произошло измѣненіе и въ пунктѣ относительно митрополита Сильвестра Коссова. Такъ въ статьяхъ 19 марта было написано: „государь и бояре приговорили: митрополиту на маетности, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную грамоту"; а въ новыхъ статьяхъ противъ этого пункта написано: „обѣщано". Дѣло въ томъ, что государь получилъ донесеніе изъ Кіева о сопротивленіи Коссова постройкѣ крѣпости на его митрополичьей землѣ. Поэтому государь обѣщалъ дать жалованную грамоту кіевскому митрополиту на его маетности только тогда, когда онъ дастъ о себѣ исправленіе.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, что всѣ тѣ списки статей, которыя выдавались нашими историками за настоящія статьи, постановленныя въ Москвѣ съ посланцами гетмана Хмельницкаго, суть только или отрывки изъ переговоровъ въ разное время, или же дѣйствительныя статьи, но только постановленныя до 19 марта. А ниже прилагаемые нами списки съ статей и жалованной грамоты, данныхъ запорожскимъ посламъ 27 марта, мы считаемъ за настоящіе.

---

[1]) Св. 8, № 4, ст. 265.

СТАТЬИ,

постановленныя въ Москвѣ съ посланцами гетмана Богдана Хмельницкаго.

1) Что-бъ царское величество пожаловалъ изволилъ подтвердить права и вольности войсковыя, какъ издавна бывало въ войскѣ запорожскомъ, что-бъ своими правами суживалися и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, что-бъ въ тѣ ихъ суды войсковые ни бояринъ, ни воевода, ни стольникъ не вступался, но отъ старшихъ своихъ что-бъ товарищества сужены были: гдѣ три человѣка, тогда два третьяго судятъ.

Быть по ихъ челобитью.

2) Въ городахъ урядники изъ ихъ людей были бы обираны на то достойные, которые будутъ подданными царскаго величества исправляти или уряжати и приходъ належачій вправду въ казну царскаго величества отдавати.

Быть по ихъ челобитью: а быть урядникамъ въ городахъ войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ и доходы всякіе денежные и хлѣбные сбирать на царское величество и отдавать въ его государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ царское величество пришлетъ, на то устроенныхъ, въ Кіевъ, да Переяславль; тѣмъ присланнымъ для сборной казны людямъ и надъ сборщиками смотрѣть, чтобы дѣлали правду.

3) Чтобъ данное на булаву гетманскую староство чигиринское съ принадлежностями для всякаго уряда пребывало; да ему же тысяча золотыхъ червонныхъ.

Быть по ихъ челобитью.

4) Чтобъ по смерти гетмана царскому величеству позволить войску запорожскому самимъ обирать, а обравъ, его царскому величеству доносить.

Быть по ихъ челобитью, а по обраніи гетману ѣздить къ великому государю въ Москву и великій государь пожалуетъ гетману по чину булаву и знамя и на гетманство свою государеву жалованную грамоту дать ему велитъ.

5) Имѣній казацкихъ чтобъ никто не отнималъ; которые землю имѣютъ и изъ тѣхъ земель пожитки чтобъ при тѣхъ имѣніяхъ добровольно были; также бы вдовъ, послѣ казаковъ осталыхъ, дѣти такія жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.

Быть по ихъ челобитью.

6) Писарю войсковому и обозному по тысячи золотыхъ польскихъ человѣку, на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, на писаря судейскаго по 100 золотыхъ, на писаря, да на хорунжаго полковаго 50 золотыхъ, на хорунжаго сотницкаго 30 золотыхъ, на бунчужнаго гетманскаго 100 золотыхъ польскихъ, на полковниковъ по 100 ефимковъ, на асауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на асауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ. Да обозному и писарю, и на судей двухъ человѣкъ, и на всякаго полковника, и эсауламъ полковымъ, которые на услугахъ войсковыхъ завсегда бываютъ, чтобъ по мельницѣ было;

А на реестровыхъ казаковъ по 30 золотыхъ польскихъ;

А быть реестровымъ казакамъ 60-ти тысячамъ;

А давать государева жалованья сбирая войска запорожскаго Малыя Россіи съ городовъ со всякихъ доходовъ ежегодно.

Быть по ихъ челобитью.

7) Чтобъ арматѣ войсковой быть въ Корсунѣ и весь повытъ дать на выживленье и на всю оправу до арматы; при арматѣ быть обозному, асауламъ, хорунжему, писарю, пушкарямъ 80-ти, арматамъ тожъ, шиповниковъ 4, ремесленниковъ 12, стадниковъ 6, целюринъ одинъ, а довбышовъ и коноваловъ по два человѣка.

Быть по ихъ челобитью.

8) Чтобъ царское величество пожаловалъ правъ наданныхъ изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей, какъ духовнымъ и мірскимъ людямъ, ни въ чемъ нарушить не велѣлъ.

Права духовные и мірскіе ни чѣмъ нарушены не будутъ, а митрополиту также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго, а въ права духовныя патріархъ вступаться не будетъ.

9) Гетману пословъ и посланниковъ и гонцевъ изъ окрестныхъ государствъ къ себѣ не принимать и противъ тѣхъ присылокъ въ окрестныя и ни въ которыя государства пословъ же и посланниковъ и гонцовъ отъ себя не посылать для убытка денежнаго и всякихъ расходовъ войска запорожскаго, развѣ о какихъ дѣлахъ поволитъ великій государь ему гетману въ которое государство послать; а которые послы и посланники и гонцы изъ окрестныхъ государствъ учнутъ къ нему гемтану пріѣзжать и имъ отказывать, а какія у нихъ дѣла есть и они бы ѣхали къ великому государю въ Москву [1]).

10) А съ крымскимъ ханомъ, кромѣ мира никакой ссылки не имѣть, а миръ имѣть съ нимъ по указу царскаго величества для того, чтобы на жителей войска запорожскаго татары изъ Крыма войною не приходили и ихъ не разоряли и въ полонъ не имали и гуляки бы изъ Крыма или нагайскіе ихъ же черказъ не разоряли и въ полонъ не имали.

9 и 10 статьи состоятъ въ формѣ резолюцій.

11) Какъ въ иныхъ земляхъ дань отдается вдругъ, волили бы и они, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые царскому величеству належатъ, а если бы инако быть не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволять и о томъ договариваться, развѣ бы изъ тутошнихъ людей обравши воеводу, человѣка достойнаго, имѣетъ тѣ всѣ доходы вправду его царскому величеству отдавать.

---

[1]) 1687 г. казацкіе послы подали царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ просьбу „чтобъ повелѣно было имъ отъ окрестныхъ государей всякіе присыльные листы принимать и прочитывать, а прочитавъ до великихъ государей отсылать, и отъ себя къ нимъ писать“. И великіе государи указали въ той статьѣ гетману и всему запорожскому войску отказать, потому что и прежнимъ гетманамъ—Богдану Хмельницкому и инымъ гетманамъ ни съ которыми государями такихъ ссылокъ чинить не велѣно. Арх. Ин. Д. „Мал. д.“ „Жалованная грамота“ № 2 ст. 142.

Равнымъ образомъ и въ сокращенномъ спискѣ со статей Богдана Хмельницкаго въ 9-мъ пунктѣ читаемъ: „о не приниманіи гетману къ себѣ изъ окрестныхъ и другихъ государствъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ и о не посылкѣ въ оные отъ себя таковыхъ же“. См. Малор. Д. св. 10 № 38 ст. 23.

*

Быть по тому жъ, какъ выше написано, чтобъ сбирать казну войтамъ и бурмистрамъ и райцамъ и лавникамъ, а отдавать въ казну тѣмъ людямъ, кого царское величество пришлетъ и надъ сборщиками тѣмъ людямъ смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

12) Чтобъ наѣхалъ воевода, учалъ бы права ихъ ломать и тягости какія чинилъ и тобъ имѣло быть съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тяготы такія не могутъ носити, а изъ тутошнихъ людей, когда будутъ старшіе, тогда противъ правъ и уставовъ тутошнихъ будутъ исправлятся.

Быть урядникамъ того войска, права и вольности смотрѣть имъ.

13) Прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности ихъ не было, всегда они всякаго чину свои вольности имѣли и для того они вѣрно служили; а нынѣ, за наступленіе на вольности наши, поддалися царскаго величества подъ высокую руку, и чтобъ царское величество повелѣлъ дать имъ привилій съ печатьми вислыми, чтобъ на вѣчное время непоколебимо было, а когда то получатъ, то они сами между собою учинятъ, и кто казакъ, тотъ будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего бывало; также и на люди всякіе, которые царскому величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ—имѣютъ быть.

Быть по ихъ челобитью.

14) О дачѣ кіевскому митрополиту на его маетности царскаго величества жалованной грамоты [1]).

Обѣщано.

Жалованная грамота

отъ 27-го марта.

Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея в. и м. Руссіи самодержецъ, пожало-

[1]) Арх. иностр. д., св. 3, № 13.

вали есми нашихъ царскаго величества подданныхъ, Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и писаря Ивана Выговскаго, и судей войсковыхъ, и полковниковъ и асауловъ, и сотниковъ и все войско запорожское; что въ нынѣшнемъ въ 162 году, какъ по милости Божіей, учинились подъ нашею государскою высокою рукою онъ—гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское и вѣру намъ великому государю и нашимъ государскимъ дѣтямъ, и наслѣдникамъ на вѣчное подданство учинили, и, въ Мартѣ мѣсяцѣ, присылали къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству онъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова, судью войсковаго, да Павла Тетерю, полковника переяславскаго; а въ листу своемъ къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, гетманъ писалъ и посланники его били челомъ, чтобъ намъ, великому государю, его, гетмана Богдана Хмельницкаго и все запорожское войско пожаловати велѣти прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при великихъ князѣхъ русскихъ и при королѣхъ польскихъ, что суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшихъ судились, подтвердити и прежнихъ бы ихъ правъ, каковыя даны духовнаго и мірскаго чина людямъ отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушить и на тѣ бъ права ихъ дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью; и чтобъ число войска запорожскаго списковое учинить шестьдесятъ тысячъ, а было бъ то число всегда полно. А будетъ судомъ Божіемъ смерть случится гетману, и намъ бы, великому государю, поволить войску запорожскому по прежнему обычаю, самимъ, межъ себя гетмана обирати, а кого оберутъ, и про то намъ, великому государю, объявляти; имѣній казацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитку, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть, также бы и вдовъ, послѣ казаковъ осталыхъ, дѣти поводьности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ, и мы, великій государь, н. ц. в. подданнаго Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и все наше царскаго величества войско запорожское пожаловали—велѣли имъ быти подъ нашего ц. величества высо-

кою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и отъ великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивати ни чѣмъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска запорожскаго указали сами, по ихъ же челобитью, учинить списковаго 60,000, всегда полное. А буде судомъ Божіемъ смерть случится гетману, и мы, в. государь, поволили войску запорожскому выбирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ, межъ себя, а когда гетмана оберутъ и о томъ писати къ намъ, в. государю, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность вѣру намъ, великому государю, учинить, при комъ мы, в. государь, укажемъ. Также имѣній казацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимати у нихъ и вдовъ, послѣ казаковъ осталыхъ и дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему. И по нашему ц. величества жалованью, нашимъ царскаго величества подданнымъ, Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему нашему, царскаго величества, войску запорожскому быти подъ нашею, царскаго величества, высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и привиліямъ, и по всѣмъ статьямъ, которыя писаны выше сего, и намъ, великому государю, и сыну нашему, государю царевичу-князю Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникамъ нашимъ служити и прямити и всякаго добра хотѣти, и на нашихъ государскихъ непріятелей, гдѣ наше государское повелѣнье будетъ, ходити и съ ними битися, и во всемъ быти въ нашей государской волѣ и послушаньи на вѣки. А о которыхъ иныхъ статьяхъ намъ, великому государю, нашему ц. величеству, тѣ вышепоименованные посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и всего нашего царскаго величества войска запорожскаго били челомъ и подали нашимъ, царскаго величества, ближнимъ, боярамъ, боярину и намѣстнику, князю А. Н. Трубецкому, боярину и намѣстнику тверскому, В. В. Бутурлину, окольничему и намѣстнику каширскому, П. П. Головину, думному дьяку Алмазу Иванову статьи, и мы, великій государь, тѣхъ статей выслушали милостиво и что на которую статью наше царскаго величества изволенье, и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статья-

ми, да тѣ статьи съ нашимъ царскаго величества указомъ велѣли дать тѣмъ же посламъ Самойлу и Павлу, и хотимъ его гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское держать въ нашемъ, царскаго величества, милостивомъ жалованьи и въ призрѣніи и имъ бы на нашу государскую милость быть надежнымъ [1]).

[1]) Архивъ иностр. д. „Подл. д." жалов. гр. св. 2 № 1.

Глава 9-я.

25-го марта запорожскіе послы были снова на отпускѣ у государя, а 27-го оставили Москву. Между тѣмъ Хмельницкій, не зная, что послы его уже кончили свое дѣло, отправилъ 21-го марта въ Москву гонца Ивана Гаркушу съ новымъ наказомъ на имя Самойла Богданова и Павла Тетери. „Хотя милостямъ вашимъ, писалъ гетманъ, подлинно о всемъ мы дали наказъ, однако же и симъ настоящимъ писаніемъ поновляемъ, чтобы ваши милости позаботились о добрѣ поспольскомъ. Вамъ извѣстно, что В. В. Бутурлинъ обѣщалъ, что его царское величество не только подтвердитъ прежде данныя намъ отъ вѣка права и вольности наши, но и еще и большія пожалуетъ... Не мѣшаетъ припомнить и то, съ какою пріязнію присылалъ въ Бреславль пословъ своихъ турскій цесарь. Онъ, хотя и бусурманъ, однако при милости своей обѣщалъ не только прежнія наши права и вольности подтвердить, но и сугубыми удовлѣть, на всѣ статьи наши и права и вольности и вѣры позволялъ, и никакой дани отъ насъ не требовалъ, только чтобы есми на войну были готовы. Мы однако ему не поддались, но поволили царю православному поддаться, разумѣя, что онъ, какъ православный царь, еще лучше насъ пожалуетъ; сторицею желаемъ, чтобы ваши милости какъ наилучше все исправили и сами наискорѣйше возвратились. Король польскій и литовскій гетманъ Радзивиллъ прислали на Украйну свои „прелестныя" универсалы, чтобы взбунтовать чернь, съ обѣщаніемъ дать ей всѣ тѣ права и вольности, какія она потребуетъ. Но мы обнадеживаемъ ее, что царское величество вдвое болѣе пожалуетъ правъ и вольностей. Поэтому мы снова просимъ вашихъ милостей стараться,

чтобъ народъ небылъ обманутъ, а когда начнется война, то съ большею бы охотою шелъ на непріятеля".

Въ то же время и писарь Иванъ Выговскій послалъ письмо Павлу Тетерѣ, въ которомъ, повторяя то, что писалъ ему и гетманъ, добавлялъ: „къ тому же, если бы была отъ государя нашимъ людямъ въ какомъ нибудь дѣлѣ досада, то и вашимъ милостямъ отъ черни нашей было бы великое небезстрашіе.... Старайтесь также и о томъ, что даютъ, пусть тотчасъ дадутъ и привиліями утверждаютъ, ни мало не позволяя медлить" [1]. Но этотъ новый наказъ опоздалъ: гонецъ Гаркуша прибылъ въ Москву только 8-го апрѣля.

Запорожскіе послы привезли съ собой на Украйну статьи договора съ московскимъ государствомъ и одинадцать жалованныхъ грамотъ, въ томъ числѣ жалованныя грамоты Богдану Хмельницкому на маетности, малороссійской шляхтѣ и мѣщанамъ города Переяславля на разныя права и вольности и другія [2].

Имѣя въ виду вышеупомянутый нами наказъ, мы не можемъ сказать, чтобы Хмельницкій остался вполнѣ доволенъ статьями, постановленными его посланниками въ Москвѣ. Оказалось, что православный царь не такъ былъ щедръ, какъ бусурманскій цесарь. Богданъ не только не получилъ отъ Алексѣя Михайловича вдвое противъ того, что обѣщалъ султанъ, но онъ даже долженъ былъ платить дань—чего совсѣмъ не требовали турки; а главнѣе всего, девятая статья договора запрещала ему сноситься съ иностранными государствами.

Однако гетманъ договоромъ съ московскою державою, можно сказать, вполнѣ достигъ того, чего напрасно добивался отъ поляковъ. Онъ самъ получилъ львиную долю. Алексѣй Михайловичъ утвердилъ за нимъ всѣ тѣ маетности, которыя онъ получилъ отъ польскихъ королей, именно:

1)—„мѣстечки: Медвѣдково, Жаботинъ, Барки и Каменку съ лѣсомъ, со всѣми землями и полями, со всякими сѣнокосами и животными сборами, прудами, мельницами, рѣками, озерами, яра-

---

[1] Арх. иностр. д. „Малор. д.", св. 10, № 37.

[2] Ibid., св. 8, № 4, ст. 265.

ми, рыбными ловлями, звѣриными и бобровыми гонами, съ подданными и ихъ работами, уроками и повинностями, и всѣми окольными мѣстами. Онъ самъ Хмельницкій, жена и дѣти, пока ихъ отъ колѣна будетъ, имѣютъ держать въ вѣчныя времена и владѣть такъ, какъ прежде владѣли тѣмъ прежніе помѣщики". Эти маетности пожалованы Хмельницкому Казимиромъ въ 1649 г.

2)—слободу Новоселицу.

3)—слободу Субботовъ. Привилій на Субботовъ данъ Хмельницкому Владиславомъ IV въ 1646 г. іюля 22-го и подтвержденъ Казимиромъ въ 1650 г.

4)—городъ Чигиринъ на булаву гетманскую.

5)—прямую пустыню и земли за городомъ Чигириномъ въ вѣчное и потомственное владѣніе [1]).

6) Кромѣ того Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ грамоту Хмельницкому, по его челобитью, на городъ Гадячъ со всѣми принадлежностями и добрами [2]).

Такъ что г. Карповъ справедливо замѣчаетъ, что „всѣ маетности Богдана Хмельницкаго въ совокупности равнялись не только хорошему теперешнему нѣмецкому герцогству, но и королевству. Выраженія челобитныхъ, напр., „деревенька" нужно понимать осторожно: окружность иной деревеньки со всѣми належачими приселками и угодьями равнялась не только десяткамъ, но и сотнямъ верстъ". [3]) Смѣло можно сказать, что Хмельницкій со своихъ маетностей получалъ дохода гораздо болѣе, нежели самъ польскій король Казимиръ. Кромѣ того Богданъ Хмельницкій, какъ гетманъ запорожскаго войска, былъ зависимъ только отъ одного государя—чего онъ особенно добивался отъ польской республики, но напрасно. Даже его стремленія создать на Украйнѣ шляхетскій станъ, подобный польскому, казалось, должны были вполнѣ осуществиться. Прежняя малороссійская шляхта получила отъ Алексѣя Михайловича жалованную грамоту на права и воль-

---

[1]) Ibid., св. 8, № 4. Всѣ эти привиліи поданы государю посланцами Сам. Богд. и П. Тетерю и были имъ подтверждены.

[2]) Пам. Кіев. ком. т. III, отд. III № 15.

[3]) Крит. обзор. источ. стр. 98.

ности и освобожденіе отъ разныхъ повинностей. Вся казацкая старшина, какъ и реестровые казаки, получили право владѣть поземельною собственностію и передавать ее своимъ наслѣдникамъ.

Только народъ ничего не выигрывалъ при новомъ положеніи Украйны. Онъ оставался тѣмъ же быдломъ, какъ и при польскомъ господствѣ и по прежнему долженъ былъ работать только на своихъ господъ. У него только перемѣнились господа: прежде ими были поляки, а теперь свои соотечественники. Какъ Хмельницкій, такъ и казацкая старшина ясно видѣли, что народъ не можетъ быть доволенъ новымъ положеніемъ и потому старались обмануть его, скрывъ до времени статьи договора и свои жалованныя грамоты. Объявленіе статей, постановленныхъ въ Москвѣ и жалованныхъ грамотъ, полученныхъ казацкою старшиною, непремѣнно вызвало бы бунтъ среди народа; послѣдній теперь еще съ большимъ правомъ могъ упрекать гетмана въ томъ, что „онъ вызволяетъ только себя и своихъ старшинъ“. Этотъ бунтъ можетъ быть раскрылъ бы глаза московскому правительству на истинное положеніе дѣлъ въ Украйнѣ: оно могло бы ясно увидѣть, кого ему слѣдовало держаться—старшины, или народа. Если бы правительство Алексѣя Михайловича, съ самаго начала присоединенія Малороссіи, рѣшительно приняло сторону народа, то ему не пришлось бы видѣть тѣхъ „шатостей“, „бунтовъ“ и „измѣнъ“, которыми наполнена послѣдующая исторія этого края.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какъ вообще различныя сословія молороссійскаго народа отнеслись къ соединенію Малороссіи съ московскимъ государствомъ.

Несомнѣнно, что высшее малороссійское духовенство съ неудовольствіемъ отнеслось къ московской протекціи. Представители православія на Украйнѣ, начиная съ самаго кіевскаго митрополита, Сильвестра Коссова—природнаго шляхтича, были проникнуты тѣми жь шляхетскими понятіями о вольностяхъ и власти, какъ и ополячившіеся казацкіе старшины, вродѣ Хмельницкаго и Барабаша, и питали антипатію къ Москвѣ. При польскомъ владычествѣ они вполнѣ были самостоятельны; зависимость ихъ отъ константинопольскаго патріарха была только номинальная. Польскіе порядки давали имъ возможность безконтрольно пользоваться

своею властью надъ народомъ и низшимъ духовенствомъ—чего однако нельзя было дѣлать при ближайшей зависимости отъ московскаго патріарха. Во время возстанія Хмельницкаго, когда послѣдній началъ сношенія съ Москвою, высшее духовенство всегда стояло на сторонѣ Польши и Сильвестръ Коссовъ употреблялъ не мало усилій, чтобы заставить казаковъ повиноваться своему законному королю. Само московское правительство непріятно было поражено тѣмъ яленіемъ, что, въ то время, когда Хмельницкій взывалъ къ нему о помощи во имя православія, представители православія молчали и держали себя въ сторонѣ отъ замысловъ гетмана.

Въ 1650 г. по поводу прибытія въ Чигиринъ трехъ посольствъ отъ Москвы, Турціи и Польши съ предложеніемъ запорожскому войску протекціи своихъ правительствъ, передаетъ украинскій лѣтописецъ, протопопъ Черкасскій, почитавшійся въ народѣ отличнымъ богословомъ и проповѣдникомъ, сказалъ предъ народомъ энергическую рѣчь противъ московской протекціи и въ защиту польскаго предложенія. „Взявши текстъ изъ священнаго Евангелія и употребляя его на зло самымъ страннымъ сравненіемъ" онъ въ концѣ рѣчи сказалъ, „что народъ, соединившійся съ московскимъ государствомъ, неизбѣжно будетъ доведенъ до такой бѣдности, что уберется онъ въ рогожи и подъ рогожи. И эти заключенія вѣрны и превосходятъ всѣхъ оракуловъ на свѣтѣ". Эта рѣчь произвела тогда сильное впечатлѣніе на казаковъ: послѣдніе подняли ропотъ на Хмельницкаго, называя его зрадцею и предателемъ отечества" [1]).

Извѣстно также, что Сильвестръ Коссовъ долго не соглашался дозволить московскимъ посламъ принять присягу отъ монастырской шляхты, слугъ и дворовыхъ людей. Но еще энергичнѣе онъ оказалъ сопротивленіе московскимъ боярамъ, хотѣвшимъ, по указу государя, построить крѣпость на митрополичей землѣ. Вотъ что, по этому поводу, доносилъ Богдану Хмельницкому и потомъ Алексѣю Михайловичу бояринъ Ѳ. С. Куракинъ: „митрополитъ Коссовъ не позволяетъ на своей землѣ, около Кіева, строить острогъ

---

[1]) Исторія Руссовъ, стр. 98.

и когда ему говорили мы, что государь пожалуетъ его другими землями, то онъ сердито говорилъ непристойныя рѣчи: „а будутъ де учнутъ они бояре и воеводы на томъ мѣстѣ ставить городъ и онъ учнетъ съ ними биться, хотя де Богданъ Хмельницкій поддался со всѣмъ запорожскимъ войскомъ подъ высокую руку государя, а онъ де митрополитъ со всѣмъ соборомъ о томъ бити челомъ не посылалъ и живетъ онъ съ духовными людьми не подъ чьею властію“, и началъ онъ, митрополитъ, говорить боярамъ съ угрозою „не ждите де начала, а ждите конца и увидите сами, что надъ вами вскорѣ конецъ будетъ“, и въ строеніи города впрямь отказалъ [1]).

Въ сентябрѣ 1654 года прибылъ къ государю въ лагерь подъ Смоленскъ одинъ грекъ и разсказывалъ дьяку Лопухину: „былъ я въ Варшавѣ, въ великій постъ предъ св. Христовымъ Воскресеніемъ прислали къ королю на сеймъ кіевскій митрополитъ и иные духовнаго чину люди двухъ чернецовъ говорить, „что имъ съ московскими людми быть въ соединеніи невозможно, что они того никогда не хотѣли; да къ тому же Москва хочетъ ихъ перекрещивать; король собралъ бы войска и ихъ освобождалъ, какъ возможно, а они изъ Кіева московскихъ людей выбьютъ и будутъ подъ королевскою рукою по прежнему“ [2]).

Однако, скоро, какъ самъ митрополитъ, такъ и подчиненное ему духовенство волей-неволей подчинилось требованіямъ московскаго правительства и, подобно казацкой старшинѣ, начало даже заискивать его и выпрашивать себѣ отъ него жалованныя грамоты на маетности.

Несравненно симпатичнѣе относилось нисшее малороссійское духовенство къ борьбѣ казаковъ съ Польшею. Священники ходили по городамъ и селамъ и призывали народъ къ ополченію противъ поляковъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже произносили публичныя рѣчи, въ которыхъ яркими красками изображали прежнія и настоящія тиранства поляковъ надъ народомъ. Послѣ зборовскаго договора, одинъ священникъ, собравъ большую толпу народа, по-

---

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. д.“, св. 8, № 4, ст, 307.

[2]) Правосл. Обозр., авг. 1871 г., стр. 187.

буждая его не прекращать борьбы, взывалъ: „посмотрите на вашихъ братьевъ: они еще на кольяхъ, можетъ быть еще дышатъ и призываютъ васъ беречь себя самихъ и содѣлаться слугами божіими на праведное мщеніе за ихъ муки“ [1]).

Такое различное отношеніе высшаго и низшаго украинскаго духовенства къ польскому королевству объясняется очень легко. Дѣло въ томъ, что положеніе на Украйнѣ низшаго духовенства было столь же печальное, какъ и положеніе народа. Владыки, вродѣ Ѳедора Гурскаго, точно также грабили и принуждали подчиненныхъ имъ священниковъ къ разнымъ работамъ, какъ польскіе паны и жиды грабили народъ. Даже польское правительство, всегда снисходительно смотрѣвшее на всякія притѣсненія на Украйнѣ высшими низшихъ, вынуждено было издать строгую конституцію противъ поведенія русскихъ владыкъ. На варшавскомъ сеймѣ 1647 года постановлено, „чтобы владыки русскіе священниковъ до работъ не принуждали и никакихъ поборовъ отъ нихъ не вымышляли“ [2]).

Поэтому низшему духовенству, какъ и украинскому поспольству, было естественно желать московскаго подданства, надѣясь, при новомъ правительствѣ, хотя нѣсколько облегчить свое тяжелое положеніе. Украинскіе лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ, что „во всей Украйнѣ всякая душа охотно учинила присягу государю и бысть великая радость во всемъ народѣ, ибо всѣ были благонадежны на единовѣрнаго монарха“ [3]).

Малороссійская шляхта и мѣщане многихъ городовъ получили привиллегіи на разныя права и вольности и, стало быть, имъ не было причины быть недовольными новымъ положеніемъ.

Но между казаками нашлось много недовольныхъ. Какъ только стало извѣстно, что Хмельницкій съ старшиною въ Переяславлѣ присягнулъ Москвѣ, образовалась довольно значительная партія не желавшихъ быть подданными московскаго царя. Такъ, напр.,

---

[1]) „Богданъ Хмельн.“ Костом., т. II, стр. 220.

[2]) Польск. Кор. Метр. „Prawa, Constitutye..., т. 4, стр. 118.

[3]) Лѣт. Гряб., стр. 123; Лѣтоп. Самовидца, стр. 36: Кратк. опис., стр. 239, изд. 1878 г.

Сѣрко, упоминаемый нами выше, и сдѣлавшійся впослѣдствіи кошевымъ атаманомъ, не захотѣлъ присягнуть царю и, собравъ большую толпу недовольныхъ, ушелъ за пороги. Казаки, оставленные Хмельницкимъ на Днѣстрѣ, послѣ жванецкаго договора, подняли открытый бунтъ противъ гетмана за его подданство московскому государству. Ими предводительствовалъ Поликарпъ Туха, храбрый и умный казакъ, пользовавшійся особенною дружбою и довѣріемъ Хмельницкаго. Когда вѣсть о присягѣ царю дошла до него и когда онъ получилъ приказъ присягать, то воскликнулъ: „умру, а останусь казакомъ". Подъ его знамена стало около семи тысячъ человѣкъ. Но Хмельницкій во время успѣлъ потушить мятежъ; войско гетмана встрѣтило мятежниковъ на р. Тясмени и разбило ихъ на голову; самъ Туха бросился въ рѣку и утонулъ [1]).

Но несравненно опаснѣе для гетмана было возстаніе брацлавскаго полковника Ивана Богуна, истаго казака и любимца народа. Онъ со всѣмъ Побужьемъ отказался присягнуть московскому царю. Какой-то шляхтичъ Павелъ Олешковичъ прислалъ ему письмо, въ которомъ отъ имени Казимира убѣждалъ его держаться Польши и природнаго короля. „Какъ и самъ твоя милость изволишь видѣть, писалъ Олешковичъ, что Хмельницкій, будучи вашимъ товарищемъ, сталъ нынѣ вашимъ паномъ и безъ всякой вѣдомости, вынявши насъ изъ подъ области природнаго государя, подъ которымъ мы родились, поддалъ насъ чужому государю. Поэтому твоя милость самъ разсуди, если теперь, когда мы воевали между собою, то много крови православной пролилось и много произошло опустошеній, но что же будетъ, когда въ нашу землю войдутъ многіе народы. Придетъ послѣдняя гибель православному имени! Не малую печаль причиняетъ намъ и то, что патріархъ московскій духовнымъ нашимъ и всему міру христіанскому на повиновеніе себѣ присягать велитъ. Требуется отступить отъ пречестнѣйшаго отца, святѣйшаго патріарха константинопольскаго, которому во власть и церкви наши отданы отъ отецъ святыхъ и предковъ нашихъ! Мы и съ костеломъ римскимъ унію принять не хотѣли для того, чтобы пастырю нашему старѣйшему, котораго

---

[1]) Запорож. Старина, Срезневскаго, ч. II, стр. 136.

намъ Богъ далъ, не противиться. Поэтому я, какъ доброхоть твоей милости и будучи единыя святыя вѣры, прошу, чтобы твоя милость имѣлъ призрѣніе на народъ православный“ [1]). Но это письмо не произвело особеннаго впечатлѣнія на Богуна; оно писано было сторонникомъ Польши, а Богунъ, если питалъ къ Москвѣ нерасположеніе, то поляковъ совсѣмъ ненавидѣлъ. Поэтому, когда Хмельницкій съ своей стороны обѣщалъ ему разныя милости въ случаѣ покорности, то онъ принесъ гетману повинную; хотя и неизвѣстно, присягнулъ ли Богунъ царю или нѣтъ.

Запорожье рѣшительно отказалось присягнуть московскому царю. Когда посланники Хмельницкаго, Самойла Богдановъ и Павелъ Тетеря были въ Москвѣ, то бояре имъ говорили „что запорожскіе люди вѣры государю не учинили и чтобъ гетманъ постарался привести ихъ къ присягѣ“, то посланцы отвѣчали: „на Запорожьи живутъ люди малые, да притомъ перемѣнчивые, а потому ихъ нечего принимать въ дѣло“ [2]).

Однако этотъ отвѣтъ посланцевъ не совсѣмъ справедливъ; на Запорожьи далеко не такъ было мало войска, чтобы на него не стоило обращать вниманія. Самъ Хмельницкій былъ убѣжденъ, что запорожцы имѣютъ еще большое значеніе и потому старался привлечь ихъ на свою сторону. Какъ только Самойло Богдановъ и Павелъ Тетеря возвратились на Украйну и привезли статьи договора и жалованную грамоту запорожскому войску, то гетманъ, приказавши сдѣлать съ нихъ списки, немедленно, вмѣстѣ съ ласковымъ письмомъ отъ себя, отправилъ ихъ низовому войску. „Вступивши мы, писалъ Богданъ, за вѣдомомъ и совѣтомъ вашимъ, братіи нашей; въ союзъ и протекцію великаго монарха московскаго, со всѣмъ запорожскимъ войскомъ и народомъ малороссійскимъ и присягнувши на постановленныхъ пактахъ въ Переяславлѣ при его жъ монаршихъ послахъ со всею старшиною и знатнѣйшимъ войсковымъ товариществомъ, посылали мы нарочно пословъ нашихъ въ столицу московскую, покорно прося его царское величество, чтобы онъ изволилъ намъ, старшинѣ со всѣмъ

---

[1]) Архивъ иностр. д. „Малор. д.“, св. 10 № 37.
[2]) Арх. иностр. д. „Малор. д.“, св. 8, № 7.

войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ, стародавнія права и вольности наши своимъ превысокимъ царскимъ привиліемъ подтвердити. Великій государь нашъ изволилъ выдать намъ свои монаршія двѣ грамоты, утверждаючи и закрѣпляючи оными всѣ наши войсковыя и общенародныя малороссійскія вольности и права, которыхъ обоихъ привиліевъ списки чрезъ нарочнаго посланца посылаемъ для вѣдома вамъ, всему войску низовому запорожскому" [1]).

Но изъ отвѣта запорожцевъ на это письмо, видно, что Хмельницкій послалъ имъ не самыя статьи договора, а только извлеченіе изъ оныхъ. Поблагодаривъ своего гетмана за стараніе и труды, а равнымъ образомъ и за присылку имъ списковъ съ монаршихъ привиліевъ, запорожцы писали ему: „однако въ этихъ привиліяхъ права и вольности совершенно кратко заключаются; поэтому для доскональнаго вѣдѣнія желаемъ, чтобы ваша гетманская милость прислалъ намъ и самыя пакта" [2]). Неизвѣстно, удовлетворилъ ли гетманъ требованію низоваго войска, но мы знаемъ, что онъ всячески старался скрыть отъ народа статьи договора; о нихъ знали только Выговскій и немногіе приближенные полковники. Хотя Богданъ и увѣрялъ запорожцевъ, что „монаршіе привиліи утверждаютъ не только войсковыя, но и общенародныя права и вольности", однако мы выше говорили, что статьи договора съ московскимъ государствомъ заключены въ интересахъ меньшинства—въ пользу привиллегированныхъ сословій. Поэтому-то гетманъ и старался скрыть договоръ отъ запорожцевъ, которые всегда были защитниками и представителями интересовъ массы народа.

И такъ въ Малороссіи уже было много недовольныхъ московскою протекціею, а первыя столкновенія казаковъ съ московскими людьми далеко не были такими, чтобы могли уничтожить предубѣжденіе первыхъ противъ послѣднихъ.

Московскіе бояре смотрѣли на новыхъ подданныхъ своего царя, какъ на новый предметъ эксплоатаціи и всякаго рода грабежа.

---

[1]) Лѣтопись Величко, т. I. стр. 183.

[2]) Ibid., стр. 185.

Въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ сохранилось довольно интересное дѣло о кражѣ московскими князьями и боярами черкасскихъ мужиковъ и ребятъ [1]. „Въ 1654 году 19 марта государю и великому князю Алексѣю Михайловичу вѣдомо учинилось, что въ нынѣшнемъ году ѣхали изъ Кіева къ Москвѣ боярина князя Өедора Волконскаго и стрѣлецкаго головы Алексѣя Мещеринова люди, и ѣдучи дорогою въ его, государевыхъ, новыхъ черкасскихъ городахъ имали черкасскихъ мужиковъ и ребятъ и хотѣли съ собою провести ихъ къ Москвѣ".

Выслушавъ докладъ, Алексѣй Михайловичъ приказалъ боярину Василію В. Бутурлину и думному дьяку Ларіону Лопухину произвести слѣдствіе—допросить людей вышеупомянутыхъ бояръ.

„Того же числа къ боярину Волконскому и Алексѣю Мещеринову на дворы посланы дворцовые подъячіе съ десятью человѣкъ стрѣльцовъ. И тѣ подъячіе и стрѣльцы привели боярина князя Волконскаго и Алексѣя Мещеринова людей четырехъ человѣкъ и тѣ люди были допрошены порознь".

Одинъ изъ слугъ Волконскаго, Ивашка Григорьевъ показалъ: „отпустивъ де его изъ Кіева бояринъ Өедоръ Өедоровичъ къ Москвѣ, а съ нимъ послалъ людей своихъ Сеньку Өоөопова съ другими десятью товарищами, а приказалъ вѣдать ихъ ему, Ивашкѣ. Когда де они пріѣхали въ Нѣжинъ, то взялъ онъ Ивашка тамъ двухъ мужиковъ черкасскихъ, да малаго; а товарищъ его Сенька взялъ одного малаго и пріѣхали въ Борзну".

Точно также показалъ и другой человѣкъ Волконскаго, Сенька Өоөоновъ. Изъ этихъ показаній видно, что люди Волконскаго старались выгородить своего господина и принять всю вину на самихъ себя. Но тотъ же Ивашка совершенно иначе и правдоподобнѣе показалъ относительно людей Мещеринова: „ѣхали съ ними люди Мещеринова, говорилъ онъ на допросѣ, и везли съ собою кіевскихъ ребятъ шесть человѣкъ, а сказывали ему Ивашкѣ тѣ люди, что тѣхъ ребятъ послалъ съ ними Алексѣй Мещериновъ".

Сами люди Мещеринова разсказали объ этомъ подробнѣе и не скрыли преступленія своего боярина; видно, что они не были

---

[1]) Архивъ Иностр. Д. „Малор. дѣла", св. 8, № 4.

предупреждены Мещериновымъ, такъ какъ послѣдній во время допроса его людей былъ не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ. „Люди Алексѣя Мещеринова Спирка Михайловъ и Матюшка Ѳедоровъ показали: ѣхалъ де Алексѣй Мещериновъ съ боярами и воеводами и съ княземъ Куракинымъ съ товарищами изъ Путивля въ Кіевъ и, ѣдучи дорогою, взяли въ разныхъ мѣстахъ черкасскихъ ребятъ четырехъ человѣкъ лѣтъ по десяти и больше. Когда же пріѣхали въ Кіевъ, то бояринъ отпустилъ въ Москву его Спирку и другихъ людей своихъ, а съ ними послалъ тѣхъ черкасскихъ четырехъ ребятъ; да они де Спирка съ товарищами, ѣдучи изъ Кіева, взяли дорогою двухъ черкасскихъ человѣкъ и пріѣхали въ Борзну“.

Если слуги бояръ разногласили въ показаніяхъ о кражѣ черкасскихъ жителей, то они совершенно единогласно говорили о томъ, какъ съ ними расправился черкасскій полковникъ Иванъ Золотаренко. Послѣдній стоялъ въ это время съ своимъ полкомъ въ Борзнѣ и когда узналъ, что московскіе люди везутъ съ собою въ Москву черкасскихъ мужиковъ и ребятъ, то приказалъ отнять ихъ, а самихъ воровъ арестовать.

„Когда мы пріѣхали въ Борзну, показывалъ на допросѣ Ивашка, то Золотаренко прислалъ своихъ казаковъ къ нимъ на дворъ и тѣхъ мужиковъ и ребятъ и его Ивашку велѣлъ взять къ себѣ, и на него Ивашку полковникъ кричалъ и шумѣлъ и говорилъ ему: для чего они государевыхъ людей крадутъ въ Черкасскихъ городахъ и привозятъ къ Москвѣ?! Затѣмъ полковникъ послалъ его Ивашку за городъ и велѣлъ повѣсить, но, не доведши до висѣлицы, велѣлъ воротить и приковать на рынкѣ къ столбу и держалъ его прикованнымъ съ третьяго часу дня и до другаго часу ночи. Товарищъ его Сенька билъ челомъ объ немъ полковнику, а полковникъ на него шумѣлъ и билъ его саблею плацомъ.“ Такую же расправу Золотаренко произвелъ и съ людьми Мещеринова. Такъ какъ случаи воровства черкасскихъ жителей московскими боярами были не единичные, то Золотаренко вынужденъ былъ написать путивльскому воеводѣ, „чтобъ онъ всякихъ чиновъ людей, которые изъ Кіева и изъ иныхъ черкасскихъ городовъ

поѣдутъ къ Москвѣ, велѣлъ осматривать, чтобы они государевыхъ людей изъ черкасскихъ городовъ не провозили“.

Сдѣлавши допросъ, бояре приговорили тѣхъ людей князя Волконскаго и Мещеринова „за ихъ воровство казнить смертью за то, что они ѣдучи изъ Кіева къ Москвѣ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ имали мужиковъ и ребятъ и хотѣли провесть къ Москвѣ.“ Такимъ образомъ вся вина обрушилась на бѣдныхъ холоповъ; видно, что московскіе бояре крѣпко стояли другъ за друга и не прочь были покривить душою, чтобы выгородить изъ преступленія своего брата.

Но иначе отнесся къ этому дѣлу самъ Царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ не могъ не видѣть, что виновны въ преступленіи не столько сами люди, сколько ихъ господа; для холопа не было никакого расчета воровать черкасскихъ мужиковъ и ребятъ, чтобы увеличить число холоповъ своего господина. Поэтому московскій царь пожаловалъ: „смертію тѣхъ людей не казнить, а вмѣсто смерти велѣлъ животъ дать, а за ихъ воровство учинить наказаніе— бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку по торгамъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Михайловичъ видѣлъ, что если подобные факты будутъ повторяться и впредь, то изъ этого не выйдетъ ничего благопріятнаго въ пользу закрѣпленія Малороссіи за московскимъ государствомъ. Поэтому онъ издалъ указъ, который гласилъ такъ: „а буде впредь всякихъ чиновъ люди учнутъ изъ государевыхъ черкасскихъ городовъ людей, хотя которые изъ нихъ и добровольно кому будутъ бить челомъ, провозить и тѣмъ людямъ быть казненнымъ смертію безъ всякой пощады“.

Тѣмъ не менѣе Алексѣй Михайловичъ былъ недоволенъ самоуправствомъ Золотаренка съ людьми московскихъ бояръ и написалъ по этому поводу грамоту къ Богдану Хмельницкому. Сказавъ ему свое милостивое слово, царь Алексѣй писалъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что люди нашихъ бояръ дорогою изъ Кіева къ Москвѣ взяли черкасскихъ мужиковъ, да ребятъ человѣкъ десять, а послѣдніе пристали къ нимъ отъ бѣдности“. Такимъ образомъ царь всетаки хотѣлъ предъ гетманомъ оправдать своихъ бояръ, говоря, что тѣ черкасскіе люди пристали къ нимъ добровольно, **отъ бѣдности**; но на слѣдствіи, какъ мы видѣли, ни одинъ изъ слугъ

бояръ ни слова не говорилъ о томъ, чтобы черкасы пристали къ нимъ **отъ бѣдности.** Затѣмъ Алексѣй Михайловичъ, упомянувъ въ своей грамотѣ о расправѣ Золотаренка съ московскими людьми, говорилъ: „то онъ, полковникъ, учинилъ самовольно, что боярскихъ людей безъ нашего указа велѣлъ къ висѣлицѣ водить, и на рынкѣ, будто злодѣевъ, къ столбу приковывалъ; а хотя бы тѣ боярскіе люди что и учинили и ему было пригоже о томъ писать къ намъ, а самому такого злаго безчестья надъ ними чинить не довелось“.

Но Богданъ зналъ, что подобная расправа произведена была совершенно въ казацкомъ духѣ и ждать боярскаго правосудія не было надобности. Неизвѣстно, какъ отвѣчалъ гетманъ на эту грамоту своего государя, но чрезъ два года послѣ этого онъ самъ жаловался Алексѣю Михайловичу, что князь Горчаковъ захватилъ и держитъ у себя уже около двухъ лѣтъ жену и дѣтей казака Стопскаго и просилъ объ отдачѣ ихъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ гетмана отправился въ Москву и самъ казакъ Стопскій и представилъ государю свою просьбу въ такихъ выраженіяхъ. „Въ то время, писалъ казакъ, какъ я служилъ твою государскую службу вмѣстѣ съ запорожскими казаками въ Нѣжинскомъ полку, взяли твои государевы люди мою жену, двухъ дочерей и свояченницу. И нынѣ онѣ находятся въ плѣну у князей Семена Горчакова и Лаврентія Горчакова и я холопъ твой спрашивалъ у нихъ, но они мнѣ ихъ не отдаютъ и таятъ у себя не вѣдомо за что“. Затѣмъ казакъ просилъ государя смиловаться и велѣть отдать ему его родныхъ. Но государь постановилъ на эту просьбу такое рѣшеніе: „есла они не вышли за мужъ, то отдать ихъ Стопскому, а если вышли, то велѣть имъ быть у Горчаковыхъ по прежнему“.

До насъ дошла масса документовъ, свидѣтельствующихъ о страшныхъ обидахъ новыхъ подданныхъ московскими людьми. Московскіе бояре съ цѣлыми толпами своихъ солдатъ нападали на украинскія мѣстечки и села, и во время отсутствія казаковъ

---

[1]) Акты Южн. и зап. Р., т. III, стр. 541—542.

грабили имущество жителей и уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей [1]).

Алексѣю Михайловичу подавались жалобы на грабежи московскихъ воеводъ и ратныхъ людей не единичными лицами, а цѣлыми десятками вмѣстѣ. До насъ дошла отъ 1656 года подобная жалоба, подписанная 19-ю сотниками запорожскаго войска. „Вѣрные слуги и желательные подданные твоего царскаго величества, писали казаки, бьютъ челомъ, низъ до земли упадаючи, предъ свѣтлымъ твоего царскаго величества престоломъ, съ кровавыми слезами, что великія и нестерпимыя обиды, разореніе и немилостивое смертоубійство всякаго времени отвсюду отъ разныхъ твоихъ ратныхъ людей начальныхъ терпимъ и неисповѣдимыя мучительства и муки немилосердно переносимъ. Умилосердись, покажи милость, государь нашъ милостивый, не дай намъ погибнути и не вели насъ вѣрныхъ слугъ твоихъ до конца разоряти, изъ домовъ нашихъ женъ и дѣтей выгоняти и животовъ отъ насъ отбирати, какъ нынѣ поносимъ отъ разныхъ ратныхъ людей твоего царскаго величества“ [2]).

Казаки отвѣчали тѣмъ же. 12 октября 1654 года Воейковъ доносилъ государю, что въ то время, какъ „наши стрѣльцы собрали было для себя по селамъ хлѣбъ и хотѣли молотить, напали казаки, стрѣльцовъ выбили, хлѣбъ отняли и многіе изъ нихъ ограбили крестьянъ, на службѣ не остались, а разошлись по своимъ городамъ“.

Эти первыя непріязненныя столкновенія казаковъ съ московскими людьми уже въ первый годъ соединенія Украйны съ Москвою необходимо имѣть въ виду, чтобы объяснить послѣдующую исторію отношеній между ними и понять происхожденіе вражды „хохла“ къ „москалю“, продолжающейся, отчасти, и до настоящаго времени [3]).

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, №№ 347, 352, 353, 355 и др.

[2]) Ibid., стр. 540.

[3]) „Тáту, тáту! говоритъ хохлёнокъ своему батькѣ, чóрт лізэ в хату“. „Нехай лізэ, отвѣчаетъ отецъ, абы не москаль“. Изъ этой сказки мы видимъ, что „хохолъ“ съ большею охотою окажетъ гостепріимство самому чóрту, чѣмъ „москалю“.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какъ самъ Хмельницкій относился къ Москвѣ, какъ онъ смотрѣлъ на союзъ съ московскимъ государствомъ?

Знаменитый атаманъ Поликарпъ Туха, пользовавшійся особенною дружбою и довѣріемъ гетмана, когда узналъ о подданствѣ его московскому царю, то сказалъ, что Хмельницкій одинаково обманываетъ и турецкаго султана и царя. Эти слова были вполнѣ справедливы, какъ мы увидимъ ниже.

Но прежде, чѣмъ говорить о непосредственномъ отношеніи Богдана къ новому его государю, обратимъ сначала вниманіе на его связь съ Турціей. Лѣтомъ 1653 г., Хмельницкій отправилъ своихъ пословъ къ султану съ просьбою о помощи противъ поляковъ. Султанъ приказалъ силлистрійскому пашѣ и крымскому хану идти на помощь казакамъ. Исламъ-Гирей, какъ мы говорили выше, хотя былъ и недоволенъ Хмельницкимъ, но не смѣя явно ослушаться приказаній султана, соединился съ казаками. Однако скоро онъ поспѣшилъ войти въ сношенія съ поляками и заключилъ съ ними отдѣльный договоръ подъ Жванцомъ. Силлистрійскій же паша Сіяушъ совсѣмъ не захотѣлъ придти на помощь, и даже не увѣдомилъ объ этомъ Хмельницкаго, оправдываясь тѣмъ, что будто бы слишкомъ рано выпали глубокіе снѣга. Однако изъ письма его къ Богдану видно, что причина непріязни къ послѣднему была другая. Вскорѣ послѣ жванецкаго договора паша отправилъ посланца и письмо къ Хмельницкому. „Въ нынѣшнее время, писалъ Сіяушъ, ваши люди, посланные къ благосчастному порогу проѣхали мимо насъ и когда намъ вѣдомо учинилось, то мы велѣли ихъ поворотить назадъ. Когда же мы ихъ спросили, почему они не заѣхали къ намъ, то они сказали, что этого отъ васъ, друга нашего, имъ не приказано. Другъ мой! Когда благосчастный государь нашъ, сію границу мнѣ, другу вашему, приказалъ и когда которые посланы бываютъ всякіе люди отъ мирныхъ и не мирныхъ странъ о всякихъ дѣлахъ и тѣмъ людямъ мимо насъ проѣхать не довелось и заказъ у насъ о томъ есть, а твоимъ людямъ и подавно проѣзжать мимо насъ не пригоже, будучи съ нами въ дружбѣ и любви“ [1]). Изъ этого письма видно, что послы, от-

[1]) Арх. Иностр. Д. „Венгер. и Семигр. дѣла“, св. 2.

правленные Хмельницкимъ къ султану, были задержаны на время пашою. Не смотря на увѣренія Сіяуша въ своей дружбѣ къ казацкому гетману, нельзя не замѣтить по непріязненному тону его письма, что Хмельницкій въ это время не пользовался расположеніемъ турокъ, а потому и паша силлистрійскій не пришелъ къ нему на помощь.

Въ январѣ 1654 г. Богданъ, со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, поддался московскому царю. Но онъ тщательно скрывалъ предъ иностранными державами это подданство. Даже въ универсалѣ отъ 17 января къ старшинѣ войска запорожскаго Хмельницкій ничего не упоминаетъ о подданствѣ; приказывая старшинѣ приготовлять всякаго рода военные запасы, онъ говорилъ только, что великій царь московскій будетъ помогать казакамъ, сражаясь за вѣру.

Но онъ не могъ скрыть этого отъ поляковъ, а послѣдніе не замедлили увѣдомить объ его подданствѣ московскому царю хана и турецкаго султана. Уже въ письмѣ отъ 10 февраля польскій король Казимиръ увѣдомлялъ Исламъ-Гирея объ этомъ подданствѣ Хмельницкаго и просилъ у него помощи противъ казаковъ и московскаго государства [1]). Вскорѣ послѣ этого поляки отправили въ Крымъ своихъ пословъ во главѣ Яскольскаго. Посольство это прибыло въ Крымъ уже весною. Яскольскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы расторгнуть союзъ хана съ казаками, вооружить его противъ Хмельницкаго и заключить договоръ о взаимной помощи противъ непріятеля. Но до тѣхъ поръ, пока живъ былъ Исламъ-Гирей, старый другъ Хмельницкаго, посольство Яскольскаго мало имѣло успѣха. Изъ письма Яскольскаго къ Станиславу Лянцукоронскому видно, что татары то обѣщались помогать всею ордою полякамъ, то ругали самихъ же поляковъ, называя ихъ вѣроломными и даже грозили соединиться съ Москвою, чтобы окончательно погубить Польшу [2]).

Ханъ былъ очень удивленъ, когда Яскольскій объявилъ ему, что Хмельницкій предалъ Москвѣ всю Украйну и самъ присяг-

[1]) Арх. Иностр. Д. „Крымскія дѣла“, св. 48, № 18.
[2]) Пам. Кіев. Комм., т. III, отд. III, № 16.

нулъ на вѣрноподданство. Однако доказать этого предъ ханомъ посолъ не могъ. Онъ, между прочимъ, въ доказательство подданства Хмельницкаго Москвѣ, подалъ хану копію съ универсала его къ казацкой старшинѣ. Но мы уже говорили, что въ этомъ универсалѣ ничего не говорилось о подданствѣ, а только о союзѣ съ Москвою. Хмельницкій же и самъ не скрывалъ предъ ханомъ этого союза, какъ показываетъ его письмо къ Исламъ-Гирею. Это письмо особенно важно въ томъ отношеніи, что въ немъ Богданъ высказываетъ свой взглядъ на подданство запорожскаго войска московскому царю.

„Наияснѣйшій царь крымскій и нашъ многомилостивый панъ! писалъ Хмельницкій Исламъ-Гирею 16 апрѣля 1654 г.

Отдавая обычныя униженныя услуги наши вашей царской милости, добраго здравія и счастливаго панованія на многія лѣта отъ Бога милостивому нашему пану искренно желаемъ и нашъ низкій поклонъ отдаемъ. Что мы писали чрезъ прежнихъ нашихъ посланцевъ, упоминая о поновленіи присяги, то сталось не по моей волѣ, а по волѣ всего войска. Это сказано было по той причинѣ, что по договору подъ Каменцомъ относительно насъ не послѣдовало ничего дѣйствительнаго: до сихъ поръ мы не имѣемъ привиллегій отъ короля на зборовскій трактатъ, а вмѣсто мира— у насъ безпокойство и война; къ тому же нѣкоторые изъ войска вашей милости, на возвратномъ пути, учинили намъ великія и неизчислимыя обиды, такъ что войско наше пришло въ сомнѣніе.

Но теперь, когда мы увѣрились въ неизмѣнномъ къ намъ расположеніи вашей царской милости и въ соблюденіи вѣчной и неразрывной присяги, за что, благодаря васъ, мы также и съ своей стороны обѣщаемъ на вѣки-вѣчныя, какъ за себя, такъ и за потомковъ нашихъ, не нарушать той присяги, которую, свидѣтельствуясь наивысшимъ Богомъ, теперь поновляемъ симъ нашимъ листомъ и вѣчно желаемъ сохранить ее, лишь бы только съ вашей стороны, чего сохрани Богъ, не было какой немилости къ намъ, по навѣтамъ непріятелей. Богъ видитъ, что мы того не желаемъ, а, напротивъ, униженно просимъ вашу милость, если бы кто на насъ клеветалъ, не давать тому вѣры. Ибо враги наши сколько тамъ (въ Крыму) несправедливо обвиняютъ насъ, столько

же тутъ сами явно копаютъ ямы подъ нами. Мы обезпечились было постановленнымъ миромъ и ожидали уже королевскихъ привиллегій, а вмѣсто этого явился Потоцкій съ польскимъ войскомъ, пятью тысячами венгровъ и съ волохами, надъ которыми былъ главнымъ начальникомъ Глигоръ Гурманъ; напавши на насъ, они опустошили много мѣстечекъ и побили людей и вторглись даже въ самую Умань. Но по милости Божіей не имѣли себѣ утѣшенія, а принуждены были уходить назадъ съ большимъ для себя урономъ. Однако мы имѣемъ извѣстіе, что они еще большія силы собираютъ па насъ и уже Радзивиллъ съ войскомъ приближается къ Любечу и Лоеву. Затѣмъ, если далѣе станутъ тѣ войска наступать на насъ, то униженно просимъ вашу милость прислать намъ обычную помощь, сообразно вѣчной присяги. Мы за то обязаны будемъ взаимно отслужить вамъ противъ каждаго вашего непріятеля.

Что касается Москвы, съ которою мы заключили дружбу, то мы сдѣлали это по совѣту вашей же царской милости; ибо видя, какъ поляки съ разныхъ сторонъ привлекаютъ на насъ враговъ, отчего же и намъ, съ своей стороны, того же не дѣлать: гораздо лучше имѣть намъ друзей со стороны Смоленска и другихъ королевскихъ городовъ, чѣмъ враговъ, а если послы наши упомянули предъ вашею царскою милостію, будто бы Москва овладѣть нами имѣла, то въ то время была у насъ такая вѣдомость, но теперь объ этомъ уже нѣтъ никакой рѣчи. Если относительно этого, или о другихъ какихъ дѣлахъ, будетъ у насъ что-нибудь новое, то мы не замедлимъ увѣдомить о томъ вашу царскую милость.

На счетъ задержанныхъ татаръ, мы издали приказъ, если гдѣ такіе найдутся, то чтобъ были отпущены на свободу: татаринъ вашъ и наши казаки съ листомъ нашимъ уже поѣхали отыскивать таковыхъ. Обо всемъ этомъ подробнѣе устно сообщитъ вашей милости нашъ посланецъ Семенъ Савичъ. Мы же, вторично прося, у васъ къ намъ милости, сами себя съ нашими добровольными услугами наисильнѣйше отдаемъ вашей царской милости. Готовый на всякія услуги Б. Хмельницкій, гетманъ съ войскомъ запорожскимъ“ [1]).

---

[1]) Польская Кор. Метр. „Снош. Пол. съ Малорос.“, св. 1, см. Copia Listu Chmielnickiego do chana Krymskiego подъ 1654.

Письмо это писано уже послѣ того, какъ послы запорожскіе возвратились изъ Москвы, постановивъ окончательный договоръ съ московскимъ государствомъ. Хмельницкій и теперь предъ ханомъ отрекается отъ подданства московскому царю. Прежде, говорилъ онъ, пошла было такая вѣдомость, но въ настоящее время объ этомъ у насъ нѣтъ никакой рѣчи.

Договоръ съ Москвою есть только простой союзъ, заключенный имъ съ тою цѣлью, чтобы не имѣть враговъ со стороны Смоленска, Мы прежде говорили, что Хмельницкій съ самаго начала возстанія старался затянуть московское государство въ войну съ Польшею; но стараніе это разбивалось о политическую осторожность правительства Алексѣя Михайловича. 1654 года Москва, склонившись на просьбы запорожскаго войска, приняла его подъ свою протекцію. Но Хмельницкій доказывалъ хану, что онъ вошелъ въ пріязнь съ Москвою, по совѣту самаго хана и притомъ съ тою только цѣлію, чтобы имѣть ее орудіемъ, пользоваться ея силами для борьбы съ Польшею. Объясненіе это, можно сказать, имѣло полнѣйшій успѣхъ. На всѣ усилія Яскольскаго побудить татаръ къ скорѣйшему заключенію союза съ поляками, ханъ и его визирь отвѣчали пустыми обѣщаніями. Но вотъ въ началѣ іюня умеръ Исламъ-Гирей, и положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу поляковъ. Преемникъ его Махмедъ-Гирей почему то ненавидѣлъ Хмельницкаго и обѣщалъ Яскольскому помириться съ Польшей. Однако польскому послу пришлось долго ожидать исполненія этого обѣщанія. Послѣ смерти Исламъ-Гирея, Махметъ отправился въ Константинополь за полученіемъ отъ султана права на крымское ханство.

Между тѣмъ въ Константинополѣ уже давно шла борьба между казацкими и польскими послами за расположеніе турокъ: каждый старался перетянуть ихъ на свою сторону. Казаки, во имя давняго договора съ Портою, просили ея помощи противъ Польши. Польскій посолъ Бѣгановскій по инструкціи, полученной имъ въ Варшавѣ, старался вооружить турокъ противъ казаковъ и представлялъ имъ на видъ слѣдующее: 1) Польша желаетъ искренней и вѣчной дружбы съ Высокою Портою. Самая казацкая война, говорилъ посолъ, произошла отъ того, что Польша, желая соблюдать договоръ съ Турціею, не пускала казаковъ въ Черное море.

2) Хмельницкій предалъ Украину московскому государству и присягнулъ царю на подданство. Онъ, соединившись теперь съ Москвою, ищетъ союза съ Рагоцемъ и господарями, намѣренъ поднять Македонію, Сербію и Болгарію, словомъ онъ хочетъ соединить всѣхъ православныхъ въ одинъ союзъ противъ мусульманъ и этотъ союзъ, говорилъ Бѣгановскій, не можетъ быть неопасенъ для могущества оттоманской имперіи.

3) Посолъ польскій старался указать туркамъ и на силу Польши: ханъ татарскій, говоритъ онъ, во время берестечской битвы, едва только увидѣлъ первое наступленіе на него поляковъ, какъ обратился въ позорное бѣгство [1]).

Эти указанія не могли не напугать Порту. Самъ визирь турецкій сознался предъ польскимъ посломъ, что Хмельницкій дѣйствительно обманываетъ Турцію. Однако самъ султанъ заявилъ посламъ, что будетъ держаться той стороны, которую приметъ новый ханъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Константинополѣ, когда туда прибылъ Махметъ-Гирей. Послѣдній принялъ сторону поляковъ; онъ подтвердилъ султану относительно подданства Хмельницкаго то, что говорили польскіе послы. Махметъ-Гирей заявилъ султану, что онъ намѣренъ во исполненіе договора, заключеннаго покойнымъ Исламъ-Гиреемъ, помогать полякамъ противъ казаковъ и московскаго государства. Такимъ образомъ поляки добились своей цѣли. Турецкій султанъ отправилъ къ королю польскому самое дружественное письмо. Послѣ обычныхъ привѣтствій и увѣренія въ своей дружбѣ, султанъ въ этомъ письмѣ оправдываетъ нападенія на польскія владѣнія Исламъ-Гирея „Причиной происшедшей вражды поляковъ съ татарами, писалъ султанъ, были сами поляки, такъ какъ не платили хану дани, которую обязались давать по договору. Но теперь мы узнали, что крымскій ханъ заключилъ съ вами дружбу и мы дали ему суровое приказаніе, чтобы онъ, разъ заключивши съ вами договоръ, ни въ какомъ случаѣ не нарушалъ его, если съ вашей стороны не будетъ къ тому повода. Равнымъ образомъ мы приказали ему являться

---

[1]) Польс. Корон. Метр. „Снош. Польши съ Турц.“ св. 20 подъ 1654 г.

къ вамъ на помощь, по первому вашему требованію и противъ всѣхъ непріятелей вашихъ" [1]).

Султанъ былъ ожесточенъ вѣроломствомъ Хмельницкаго. Нарочный агентъ Выговскаго въ письмѣ къ нему отъ 11 ноября 1654 года сообщалъ ему слѣдующее: „Когда крымскаго хана султанъ отпускалъ отъ себя на крымское царство, то заставилъ его присягнуть въ томъ, что онъ доставитъ ему Хмельницкаго живаго вмѣстѣ со всѣми людьми. Султанъ, говорится въ этомъ письмѣ, спросилъ хана, какъ онъ это сдѣлаетъ? То крымскій ханъ отвѣчалъ, что ему поможетъ въ этомъ господарь молдавскій, который говорилъ ему, что Богдану будетъ отъ него тоже самое, что и его сыну" [2]).

Послы казацкіе возвратились изъ Константинополя ни съ чѣмъ, а польскіе съ полною надеждою на помощь татаръ. Однако новый ханъ долго медлилъ заключеніемъ союза съ Польшею. Дѣло въ томъ, что такой союзъ былъ непопуляренъ между татарами. „Пока у насъ было побратымство съ казаками, говорили они, мы наполняли Крымъ польскими невольниками, а теперь что возьмемъ, воюя противъ казаковъ за поляковъ? Казаки бились за свободу, а намъ доставался ясырь; не будетъ намъ такой выгоды, когда будемъ сражаться за поляковъ. Поляки люди гордые: ходятъ въ богатыхъ одеждахъ, въ дорогихъ шубахъ, въ турецкихъ сапогахъ: не станутъ они биться для нашей выгоды" [3]).

Поэтому и новый ханъ прежде чѣмъ окончательно разсориться съ казаками написалъ къ Хмельницкому письмо, въ которомъ старался отклонить его отъ московскаго государства, угрожая, въ противномъ случаѣ, страшнымъ опустошеніемъ Украйны въ союзѣ съ поляками, венграми, волохами и молдаванами. Но Хмельницкій въ отвѣтъ на эти угрозы просилъ Махметъ-Гирея прислать ему

---

[1]) Пол. kор. Метр. „Снош. Польши съ Тур.", св. 21, см. Copia Listu od Cezarza do Krola Jana Kazim. 1654.

[2]) Арх. иностр. д. „Малор. д." св. 9 № 28. Это письмо сообщаетъ довольно интересное извѣстіе о томъ, что послы кіевскаго митрополита, будучи въ это время у молдавскаго господаря, побуждали послѣдняго соединиться съ Польшею и смирить Богдана Хмельницкаго.

[3]) „Богд. Хмельн." Костом. т. III, стр. 172.

письмо болѣе дружелюбное и возобновить старую пріязнь между казаками и татарами [1]).

Только послѣ этого ханъ рѣшился заключить союзъ съ поляками противъ казаковъ. Въ началѣ декабря 1654 г. былъ подписанъ оборонительный и наступательный договоръ между татарами и поляками. Смыслъ этого договора заключался вопервыхъ въ томъ, что по одному слову хана, поляки обязаны давать ему помощь войсками и наоборотъ, по первому требованію поляковъ, всѣ татарскія орды должны идти на помощь послѣднимъ противъ всѣхъ непріятелей. Вовторыхъ, поляки не должны мѣшать хану возвратить отъ Москвы всѣ земли съ магометанскимъ населеніемъ, какъ Казань, Астрахань и др. Что же касается казаковъ, то если они отступятъ отъ Москвы и снова присоединятся къ Польшѣ, то поляки должны принять ихъ милостиво [2]).

Однако Богданъ Хмельницкій не терялъ надежды поправить свое дѣло въ Константинополѣ. Въ концѣ этого года онъ снова отправилъ пословъ къ султану, вручивъ имъ самыя рѣшительныя инструкціи. Послы эти—сотникъ Романъ Ждановичъ и писарь Яковъ—должны были объявить и подтвердить султану, что гетманъ и войско запорожское желаютъ оставаться въ подданствѣ его султанскаго величества. Но посольство это не могло предупредить соединенія татаръ съ поляками и того пораженія, которое Хмельницкій съ Бутурлинымъ потерпѣли въ концѣ января 1655 г. подъ Охматовымъ. Послы казацкіе долгое время не были допускаемы къ „благосчастному порогу“ и только тогда, говорится въ грамотѣ султана къ Хмельницкому, визирь отворилъ имъ двери въ покои повелителя мусульманъ, когда узналъ настоящую цѣль посольства. Въ чемъ состояла цѣль этого посольства и чего оно достигло, объ этомъ свидѣтельствуютъ письма визиря турецкаго и самого султана къ Богдану Хмельницкому.

Въ Іисусовѣ законѣ вельможному, писалъ Богдану великій визирь въ апрѣлѣ 1655 г., въ Моисеевѣ законѣ честнѣйшему, назареямъ помощи подателю, запорожскаго войска гетману Богдану Хмельницкому поклонъ!

---

[1]) Пам. Кіев. Комм. т. III, № 27.

[2]) Польск. Корон. метр. „Снош. Польши съ татар.“, св. 4.

Соверши Богъ ваше дѣло: по доброй волѣ вы учинились благосчастному, храброму и великому государю нашему въ холопствѣ. Сначала, по той вѣдомости и до нынѣ вы были, какъ и иные прочіе холопы, у государя нашего въ покоѣ, а нынѣ, объявивъ свое прямое холопство и чая къ себѣ милости, прислали сотника Романа Ждановича и писаря Якова Челебея съ грамотою. Послы ваши были у великаго нашего государя и били челомъ, что вы учинились подъ его государевою рукою въ подданствѣ и государь нашъ посламъ вашимъ пожаловалъ кафтаны и къ вамъ писалъ. Какъ прежде, когда польскіе люди наступали на васъ, то вѣчной памяти царь Исламъ-Гирей давалъ вамъ помощь, такъ и теперь того же вы желаете. Поэтому вы прислали пословъ своихъ, подкрѣпляя свое холопство, чтобы вамъ быть въ покоѣ. А вы со всѣмъ войскомъ ручаетесь, что ни моремъ, ни сухимъ путемъ донскіе казаки владѣній государя нашего воевать не будутъ.

Когда это стало достаточно извѣстнымъ, то всѣ аги и вельможи и старые честные люди посовѣтовали благосчастному государю нашему, прошеніе ваше донесли и послы ваши видѣли очи государя. Прошеніе ваше учинилось совершенно по вашему письму. Отсюда къ вамъ посланы послы съ грамотою отъ государя нашего. И если Богъ дастъ придутъ, и вамъ бы учинить во всемъ по письму государя нашего и по тому бы вашему обѣщанію войско удерживать и никакихъ воровъ казаковъ на море не пускать, чтобъ они румелійскимъ и анатолійскимъ владѣніямъ убытка не чинили. И отъ того бы беречь и во всемъ быть по договору. Когда учинились вы подъ его государеву руку, то будьте послушны и въ договорѣ своемъ стойте крѣпко и нерушимо въ прямомъ холопствѣ. И если ни въ чемъ неправда не объявится, то съ сей стороны, съ Крыму, Бѣлгорода и Добруджи и отъ мультянъ и волоховъ ратнымъ вашимъ людямъ убытка и войны не будетъ. И вамъ бы тому вѣрить и благочестиваго и храбраго великаго государя нашего другу быть другомъ, а недругу быть недругомъ и ко всякому повелѣнью его быть послушными" [1]).

---

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. д.", св. 11, № 17.

Вскорѣ послѣ этого прислалъ грамоту Хмельницкому и самъ султанъ.

„Уже послы ваши Романъ и Яковъ, писалъ султанъ, отдали намъ поклонъ и вмѣстѣ листы ваши, которые, тщательно переведенные, высокимъ моимъ визиремъ отданы мнѣ и прочитаны при всемъ моемъ сенатѣ и при мнѣ. Въ писаніи своемъ ты извѣщаешь, что ханъ Мехметъ-Гирей (зимою), соединившись съ ляхами вмѣстѣ съ разными людьми земли нашей—съ волохами и венграми, воевалъ васъ и нарушилъ присягу, а также извѣщаешь и о томъ, что вы, видя противъ себя столько враговъ, принуждены призвать на помощь Москву.

Однако вы прибѣгаете къ намъ, чтобъ мы приняли васъ подъ нашу руку и оборону сообразно давнимъ писаніямъ. Мы васъ, какъ вѣрныхъ и доброжелательныхъ слугъ нашихъ, подъ оборону нашу беремъ и обѣщаемъ давать вамъ помощь противъ каждаго непріятеля вашего. Прежде визири мои не отворяли ко мнѣ дверей посламъ вашимъ, но теперь, уразумѣвши ваше писанье, мы послали во всѣ земли наши, чтобы всѣ знали о томъ, и, не подавая вашимъ милостямъ никакой причины къ несогласію, жили бы мирно и не поднимали противъ васъ рукъ своихъ. Такъ какъ мы по всѣмъ землямъ своимъ объявили, что войско запорожское состоитъ подъ рукою нашею, называя васъ предъ всѣми другими —самыми вѣрными и доброжелательными слугами нашими, поэтому и ты, Богданъ Хмельницкій, гетманъ, держи свои запорожскія войска въ обузданіи, чтобы они ни моремъ, ни сушею не впадали въ наши владѣнія и не осмѣливались опустошать ихъ, помня о томъ, что и мы всѣмъ землямъ нашимъ приказали съ вами жить въ пріязни.... Равнымъ образомъ если бы кто, близкій или дальній отъ васъ, сталъ непріятелемъ нашимъ и вздумалъ воевать насъ, то вы будьте готовы со всѣмъ войскомъ сражаться за насъ,—мы тоже обѣщаемъ вамъ дѣлать по первой вашей просьбѣ. А для лучшей вѣры и вѣрности вы потребовали отъ насъ присяги и присяга наша такова: напередъ клянемся тѣмъ, кто сотворилъ изъ ничего землю и небо и насъ всѣхъ и подъ рукою котораго мы живемъ; клянемся и всѣми пророками, которыхъ какъ мы, такъ и вы признаемъ. Пусть они будутъ сви-

дѣтелями на ономъ свѣтѣ въ томъ, что я со всѣмъ моимъ государствомъ желаю сохранить эту мою присягу". Затѣмъ султанъ писалъ, что онъ послалъ къ Хмельницкому чрезъ посла своего Шагинь-Агу шесть кафтановъ, которые просилъ принять съ благодарностью. Въ заключеніе этой грамоты султанъ говорилъ: „теперь дѣло вашего посольства вполнѣ закончилось: разъ присягнувши, уже надобно жить долгое время въ дружбѣ" [1]).

---

[1]) Польск. кор. метр. „Спош. пол. съ малор.", св. 1. см. Copia Listu od Cezarza do Chmelnickiego.

Глава 10-я.

Въ предъидущей главѣ мы, между прочимъ, говорили о сношеніяхъ Хмельницкаго съ татарами и турками. Эти сношенія необходимо имѣть въ виду, чтобы объяснить отношенія казацкаго гетмана къ московскому государству. Вышеупомянутыя грамоты турецкаго визиря и султана писаны къ Хмельницкому спустя годъ послѣ переяславскаго договора. Видно, что Богданъ не обращалъ никакого вниманія на ту статью договора, которою онъ обязался не имѣть ссылки съ иностранными государствами. Кромѣ того изъ оныхъ грамотъ мы видимъ, что Хмельницкій, уже послѣ присяги московскому царю, снова поддался турецкому султану и возобновилъ прежній съ нимъ договоръ. Трудно опредѣлить теперь, кто у него былъ настоящій государь, московскій царь или повелитель мусульманъ?! Кажется вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что ни тотъ, ни другой. Онъ обманывалъ того и другого, считалъ ихъ только орудіемъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Но можетъ быть гетманъ нарушалъ присягу, игралъ клятвами, дѣйствуя въ пользу московскаго царя? Однако его послѣдующія дѣйствія противорѣчатъ этому предположенію.

Весною 1654 года московское правительство послало свои войска воевать Польшу. Война эта началась успѣшно: въ одно лѣто московскія войска завоевали Бѣлую Русь и Литву; они взяли болѣе 200 городовъ и въ томъ числѣ крѣпкую твердыню поляковъ —городъ Смоленскъ. Что же дѣлалъ въ это время Хмельницкій? Онъ, собравши войско, стоялъ на Украйнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи и парализовалъ дѣйствія воеводы Бутурлина, посланнаго къ нему московскимъ царемъ на помощь съ 25 т. войска, чтобы

воевать южные предѣлы Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ поляки, пользуясь бездѣйствіемъ Хмельницкаго и Бутурлина, опустошали Червонную Русь и Подоль. Они предавали все русское населеніе этихъ мѣстъ огню и мечу; не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни взрослымъ. При первомъ приближеніи польскаго войска, находившагося подъ начальствомъ пановъ Чернецкаго и Лянцскоронскаго, русское населеніе запиралось въ крѣпости, надѣясь на скорую помощь Хмельницкаго. Но поляки имѣли до 30 тыс. войска и потому сопротивленіе этихъ крѣпостей было безполезно. Въ одномъ мѣстечкѣ Бушѣ заперлось до 16 тыс. жителей; поляки окружили его со всѣхъ сторонъ, требуя немедленной сдачи. Но жители рѣшились лучше умереть, чѣмъ сдаться непріятелю: когда значительное число ихъ было истреблено польскимъ оружіемъ и осажденные уже не надѣялись отбиться отъ непріятеля, то они зажгли мѣстечко и начали истреблять другъ друга: матери бросали своихъ дѣтей въ пламя или въ колодцы; жены убивали мужей, мужья женъ. Когда поляки штурмомъ взяли крѣпость, то никто не принесъ повинную, никто не просилъ пощады: всѣ были истреблены побѣдителями. Такъ погибло болѣе 16 тыс. храбраго народа! Другія мѣстечки и деревни постигла таже участь: въ одной Демовкѣ погибло тогда до 14 тыс. жителей [1]).

Напрасно русское населеніе этого края ожидало помощи отъ гетмана; напрасно и Алексѣй Михайловичъ старался своими указами побудить его къ наступленію противъ поляковъ. Въ октябрѣ этого года воевода Бутурлинъ послалъ слѣдующую отписку московскому царю о поведеніи гетмана Хмельницкаго. „Прислана мнѣ, холопу твоему, грамота отъ твоего царскаго величества, чтобы я, не мѣшкая, съ гетманомъ шелъ къ Луцку и промышлялъ надъ польскими и литовскими войсками и я эту грамоту объявилъ гетману. Но онъ сказалъ, что ему къ Луцку съ его малыми людьми идти нельзя. Мнѣ же велѣлъ онъ идти изъ подъ Фастова впередъ одному.“

Хмельницкій несправедливо говорилъ, что у него въ это время было мало войска. Съ полковникомъ Золоторенкомъ дѣй-

---

[1]) Богд. Хмельн., Костом., т. III, стр. 185—189; Лѣт. Величко, т. 1.

*

ствовали въ Литвѣ толко 20 тыс. казаковъ, а остальное казацкое войско находилось при немъ. Самое меньшее, какъ свидѣтельствуютъ источники, Хмельницкій вмѣстѣ съ людьми Бутурлина могъ располагать 60 тыс. войска, тогда какъ поляки и половину этого числа не въ состояніи были выставить противъ него. Въ другой разъ Бутурлинъ доносилъ государю: „Изъ подъ Фастова я вышелъ 25-го августа, а Хмельницкій за мной отправился 26-го и догналъ меня въ Романовкѣ. Тамъ онъ далъ мнѣ проводника и велѣлъ ему вести меня, не спѣша, пустымъ мѣстомъ, черныиъ шляхомъ, а самъ шелъ за мною. Затѣмъ мы пришли подъ пустой городъ Бердичевъ и простояли въ этомъ городѣ съ 6-го сентября по 15-е, а ставится отъ меня гетманъ въ особомъ обозѣ. Я пріѣзжалъ къ нему въ обозъ и по твоему царскому указу говорилъ, чтобы онъ, не мѣшкая, шелъ къ Луцку и жилыми мѣстами въ сходъ съ княземъ Трубецкимъ. Гетманъ сказалъ, что онъ о князѣ Трубецкомъ ни чего не знаетъ и къ Луцку не пойдетъ, такъ какъ ему пришла вѣдомость, что на него идетъ самъ король съ большимъ войскомъ. А у меня, холопа твоего, государь, въ обозѣ великое оскудѣніе въ съѣстныхъ запасахъ; нѣкоторые драгуны разбѣжались, а у другихъ попадали лошади. Если Хмельницкій будетъ продолжать стоять въ пустыхъ мѣстахъ, или поворотится назадъ къ Чигирину или къ Бѣлой Церкви, то мои драгуны разбѣгутся за недостаткомъ запасовъ, и твоей казны и военныхъ снарядовъ, которыхъ мною взято много, оберегать будетъ некому.“ Изъ третьяго письма Бутурлина отъ 14-го ноября видно, что опасенія московскаго воеводы оправдались. Хмельницкій, оставивъ Бутурлина съ его ратными людьми въ незнакомыхъ и пустыхъ мѣстахъ, самъ ушелъ въ Чигиринъ. Между тѣмъ положеніе московскаго войска было довольно критическое: самъ Бутурлинъ заболѣлъ и передать команды было некому; многіе ратные люди изъ обоза разбѣжались подъ польскіе города собирать себѣ запасы и перестали слушаться распоряженій своего начальника [1]).

Московское правительство уже въ это время начало подозрѣвать Хмельницкаго въ измѣнѣ. Въ сентябрѣ этого года оно послала

---

[1]) Арх. иностр. д., св. 9. № 20.

на Украйну гонца Ивана Ивашева съ наказомъ тайно провѣдать, почему гетманъ не идетъ противъ поляковъ и нѣтъ ли у него съ ними сношеній. Дѣйствительно, Богданъ въ это время велъ чрезъ волошскаго господаря переговоры о мирѣ съ поляками, хотя послѣдніе отвѣчали ему на это совершеннымъ недовѣріемъ. 16-го октября 1654 года господарь писалъ польскому королю, что къ нему прибыли его послы изъ Чигирина и привезли инструкцію, писанную гетманомъ войска запорожскаго [1]). Въ чемъ состояла эта инструкція—это видно изъ другого письма того же господаря, посланнаго коронному подканцлеру Тржебѣцкому. „Я вижу, писалъ господарь, что гетманъ войска запорожскаго желаетъ такого мира, какой былъ заключенъ подъ Зборовымъ; поэтому если есть какая возможность къ заключенію мира на основаніи зборовскихъ статей, то я прошу, чтобъ чрезъ вашу милость дано было мнѣ рѣшеніе его королевской милости“ [2]). Но полякъ Кутнарскій, проживавшій у господаря, увѣдомлялъ канцлера, что нужно относиться осторожно къ предложенію Хмельницкаго о мирѣ. „Даже изъ инструкцій, присланныхъ имъ господарю, видно, что онъ дѣйствуетъ не чистосердечно: одинъ разъ говоритъ о возможномъ, а другой разъ привязывается къ статьямъ зборовскимъ и не иначе хочетъ заключить миръ, какъ на основаніи этихъ статей“ [3]). Такимъ образомъ въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ побуждалъ гетмана воевать поляковъ, онъ велъ съ послѣдними тайные переговоры о мирѣ. Изъ этихъ же извѣстій видно, что поляки—не совсѣмъ считали свое положеніе критическимъ, если не хотѣли мириться съ казаками даже на основаніи зборовскаго договора. Поляки уже знали объ охлажденіи Хмельницкаго къ Москвѣ. Плѣнные запорожскіе казаки показывали на допросѣ, что войско Хмельницкаго не сходится съ московскимъ и нѣтъ ни одного „москаля“ въ его таборѣ; только развѣ встрѣтится разъѣздъ съ разъѣздомъ, то другъ друга не трогаютъ [4]).

---

[1]) Памятн. кіев. комм., т. III, отд. III, № 21.
[2]) Памят. кіев. комм., т. III, отд. III, № 22.
[3]) Памят. кіев. к., т. III, отд. III, № 23.
[4]) Ibid., № 20.

Въ то же время Богданъ Хмельницкій возобновилъ старую дружбу съ семиградскимъ княземъ Рагоци и старался заключить союзъ съ Швеціей. Сношенія съ Швеціей у него начались еще съ 1650 г.; но сдѣлались болѣе постоянными и опредѣленными только съ конца 1652 г. при посредствѣ бывшаго короннаго подканцлера пана Радзѣевскаго. Радзѣевскій былъ для Польши тѣмъ же, чѣмъ и Богданъ Хмельницкій. Будучи лично оскорбленъ королемъ, онъ убѣжалъ въ Стокгольмъ, чтобы отомстить врагу, не разбирая средствъ, даже если бы для этого нужно было ввести чужеземныя войска въ свое отечество. Параллель между бывшимъ подканцлеромъ и бывшимъ казацкимъ сотникомъ можно провести и далѣе. Радзѣевскій любилъ Польшу; онъ никогда не думалъ разставаться съ своимъ отечествомъ; другой Польши онъ не могъ найти! Радзѣевскій зналъ, что онъ нигдѣ не найдетъ дорогой шляхетской свободы, какая была въ Польшѣ; нигдѣ нѣтъ тѣхъ шлахетныхъ правъ и вольностей, какими онъ пользовался въ своемъ отечествѣ. Но какъ истый шляхтичъ онъ желалъ не прежде броситься въ объятія своей родины, какъ отомстивъ врагу. Послѣ бѣгства изъ Польши въ Стокгольмъ онъ сначала много старался о томъ, чтобы сблизить Хмельницкаго съ Швеціей, а послѣ подданства казацкаго гетмана московскому царю, всѣ свои усилія велъ къ тому, чтобы, отомстивъ Казимиру, примириться съ отечествомъ, успокоить домашнюю распрю и примирить казаковъ съ Польшей [1]. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Богданъ Хмельницкій во многомъ былъ похожъ на бывшаго короннаго подканцлера.

Но до тѣхъ поръ пока на шведскомъ престолѣ сидѣла королева Христина, Хмельницкому и Радзѣевскому не удавалось возбудить польско-шведской войны. Въ 1654 году королева уступила престолъ Карлу Густаву, а уже въ слѣдующемъ году началась война шведовъ съ поляками. Въ короткое время Густавъ завладѣлъ Познанью и великой Польшей; Варшава и Краковъ были завоеваны, а Казимиръ принужденъ былъ удалиться въ Силезію [2].

---

[1]) Pamiętniki o Koniecpolskich, стр. 307; «Исторія госуд. польскаго» Бандтке, ч. II, стр. 297; Пам. кіев. комм., т. III, отд. III, № 3.

[2]) Pamięt. o Koniecpol. ibid.; Лѣт. Величко, т. I, стр. 223—227.

Рѣчь Посполитая находилась въ это время въ самомъ критическомъ положеніи! Прежде она не въ состояніи была справиться съ одними казаками, а теперь должна была бороться одновременно противъ Карла X, Алексѣя Михайловича и Богдана Хмельницкаго. Казалось, что насталъ послѣдній годъ существованія польской республики! Но тому, кто навлекъ на Польшу столько бѣдствій, она много обязана и спасеніемъ въ этотъ критическій моментъ.

Въ 1655 году войска Алексѣя Михайловича съ успѣхомъ продолжали свои дѣйствія въ Бѣлой Руси и Литвѣ: скоро были завоеваны города—Вильно, Ковно и Гродно и др. На югѣ противъ Польши по прежнему долженъ былъ дѣйствовать Хмельницкій съ своимъ главнымъ казацкимъ войскомъ и вспомогательнымъ корпусомъ московскихъ войскъ, находящихся теперь подъ начальствомъ В. В. Бутурлина. Но Хмельницкій не только не дѣйствовалъ рѣшительно противъ Польши, но и парализовалъ дѣйствія противъ ея и московскихъ войскъ точно также, какъ и въ прошломъ году. Въ іюлѣ мѣсяцѣ гетманъ съ Бутурлинымъ, имѣя minimum 50 тыс. войска, двинулись къ Каменцу, но, простоявъ тамъ въ бездѣйствіи около мѣсяца, отступили и пошли ко Львову. На пути московскія войска хотѣли штурмомъ взять польскій городъ Гусятинъ, но Хмельницкій не только не помогъ имъ въ этомъ, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе Ѳ. В. Бутурлина Алексѣю Михайловичу, но даже употребилъ силу, чтобы заставить москвитянъ оставить штурмъ. „Василій Васильевичъ и гетманъ Хмельницкій, доносилъ царю Ѳеодоръ Бутурлинъ, пришли подъ городъ Гусятинъ, и къ тому городу Гусятину боярскаго полка ратные люди начали приступать и на городъ взошли, но гетманъ тѣхъ ратныхъ людей отъ города велѣлъ отбивать и на томъ отбоѣ многихъ людей посѣкли, да по тѣхъ же людяхъ, которые было взошли на городъ, изъ пушекъ стрѣляли. Бояринъ В. Васильевичъ посылалъ о томъ къ гетману Петра Потемкина и др., и велѣлъ говорить, что по указу великаго государя велѣно ему боярину и гетману надъ польскими городами промышлять сопча и царскаго величества ратные люди къ городу приступали и на городовую стѣну взошли, и въ то время гетманъ государевымъ людямъ не

только не велѣлъ помощи учинить, но ихъ же велѣлъ отъ города отбивать и изъ пушекъ по нихъ стрѣлять“ [1]). Богданъ, впослѣдствіи, объяснялъ Ѳедору Бутурлину, что онъ дѣйствовалъ такъ потому, что не хотѣлъ разорять городъ, въ которомъ живетъ много православныхъ христіанъ.

Оставивъ Гусятинъ, союзники скоро подошли ко Львову и осадили его. Здѣсь произошло почти тоже самое, что и подъ Гусятинымъ. Хмельницкій, не желая употреблять силу, написалъ къ львовскому магистрату ласковое письмо, въ которомъ просилъ сдачи города, обѣщая городу свою особенную милость. Губернаторъ и польскіе паны, предполагая въ этомъ хитрость гетмана, сначала не отвѣчали на это письмо. Но стрѣльба изъ пушекъ и второе письмо Хмельницкаго заставили ихъ вступить въ переговоры. Въ казацкій лагерь явились со стороны осажденныхъ депутаты и просили гетмана пощадить городъ. Хмельницкій сначала требовалъ сдачи города, но когда депутаты отказали въ этомъ, то онъ просилъ отъ нихъ только денежный выкупъ. Между тѣмъ Бутурлинъ, не обращая вниманія на эти переговоры, громилъ городъ пушками и требовалъ безусловной его сдачи царскому величеству. Но и гетманъ мало обращалъ вниманія на дѣйствія московскаго боярина: взявши деньги съ жителей Львова, онъ немедленно отступилъ въ Украйну; а Выговскій, по приказанію Хмельницкаго, написалъ жителямъ Львова, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не сдавались на имя московскаго царя.

Вражда Хмельницкаго къ московскому государству бросилась въ это время всѣмъ въ глаза; депутаты львовскіе даже замѣтили, что духовникъ гетмана, читая молитву, не упоминалъ имени царя. Затѣмъ въ бесѣдѣ съ комендантомъ города Львова, Гроздицкимъ Хмельницкій сказалъ: „я самъ вѣрный союзникъ Яна Казимира и первымъ доказательствомъ моего расположенія къ нему будетъ отступленіе отъ города. Постановляйте, какія хотите, условія съ москвитянами, я ихъ оставляю и иду въ свое русское владѣніе“. „Я удостовѣрился собственными глазами—писалъ послѣ того Гроздицкій — что между казаками и москвитянами нѣтъ со-

---

[1]) Акты Юж. Запад. Р., т. III, стр. 576.

гласія и ладу; самъ Хмельницкій мнѣ сказалъ, что не хочетъ знать Москвы: она очень груба" [1]).

Въ это же время въ лагерь Хмельницкаго прибыли послы Яна Казимира—Любовицкій и Грондскій. Они принесли гетману письмо отъ короля и убѣждали его помириться съ отечествомъ и прекратить ужасную борьбу.

Но къ несчастію для Польши, король ея Казимиръ—слабый и двоедушный человѣкъ—не въ состояніи былъ дѣйствовать прямо и рѣшительно: онъ одною рукою привлекалъ Хмельницкаго къ примиренію, а другою грубо отталкивалъ. Разсказываютъ, что скоро послѣ этого казаки схватили Любовицкаго, который хотѣлъ передать письмо отъ короля къ крымскому хану; въ этомъ письмѣ Казимиръ просилъ Мехметъ-Гирея усмирить силою казаковъ и принудить ихъ къ повиновенію Рѣчи Посполитой.

Чрезъ два дня по уходѣ Хмельницкаго отъ Львова, двинулось въ путь и московское войско. Бутурлинъ такимъ образомъ доносилъ государю относительно поведенія гетмана подъ Львовымъ: „какъ пришли туда государевы ратные люди и надъ Львовымъ, хотѣли было чинить промыслъ, то гетманъ промыслу никакого чинить не далъ, а взялъ, берегучи ихъ, львовскихъ сидѣльцевъ со Львова 50 тыс. золотыхъ червонныхъ" [2]).

Еще вѣроломнѣе самого Хмельницкаго дѣйствовали по отношенію къ московскому государству его полковники. Въ Бѣлоруссію на помощь московскимъ войскамъ Богданъ послалъ казаковъ подъ начальствомъ чаусскаго полковника Ивана Нечая. Но этотъ полковникъ, конечно, по приказанію самого Хмельницкаго, дѣйствовалъ не столько въ пользу московскаго царя, сколько въ пользу поляковъ и своего гетмана. Въ города, еще не взятые московскими войсками, онъ посылалъ грамоты, чтобы они не сдавались на имя московскаго царя; а изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ уже стояли московскіе гарнизоны, приказывалъ выгонять послѣдніе и ставить свои — черкасскіе. По его же распоряженію казаки ѣздили въ уѣзды — Могилевскій, Кричовскій, Борисовскій

---

[1]) „Богд. Хмел." Костом., т. III, стр. 223.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 576.

и иные, убивали и обирали шляхту и посланцевъ изъ Вильны, которые ѣздили къ московскому царю съ жалобою или челобитьемъ о подданствѣ. Послѣ завоеванія Люблина, шляхта этого города била челомъ государю о подданствѣ и получила отъ него жалованныя грамоты, но Нечай велѣлъ за это челобитье выгонять шляхтичей изъ ихъ маетностей, бить и обирать. Кромѣ того онъ силою заставлялъ пашенныхъ крестьянъ обращаться въ казаки и подговаривалъ ихъ на свою сторону, а тѣмъ, которые не слушались, дѣлалъ разныя обиды и разоренье [1]).

Алексѣй Михайловичъ, узнавши объ этихъ явно непріятельскихъ дѣйствіяхъ казаковъ, приказалъ Хмельницкому произвести слѣдствіе надъ полковникомъ Нечаемъ и другими. Гетманъ назначилъ съ своей стороны кіевскаго полковника Антона Ждановича, а со стороны московской былъ посланъ стрѣлецкій сотникъ Никита Сивцовъ. Слѣдователи прибыли въ Борзну и допрашивали сотника нѣжинскаго полка Θедора Константинова: „для чего ты, спрашивалъ кіевскій полковникъ, приходилъ подъ Копысь и къ городу приступалъ и царскаго величества многихъ людей побилъ?" Константиновъ ни въ чемъ не сознался. Но свидѣтель Василій Дроздовичъ на допросѣ показалъ. „Когда онъ, Василій ѣхалъ изъ Копыси въ Чаусы, то видѣлъ, какъ изъ деревень бѣгли люди многіе битые, окровавленные, раненные и мученые... а потомъ и шесть хоругвей подошли. Воевода города Копыси Димитрій Толочановъ вмѣстѣ съ нимъ Василіемъ спрашивали: что за люди— царскаго ль величества или войска запорожскаго, откуда идутъ и куда, и есть ли съ ними царская грамота, или приказаніе гетмана? И тотъ Θедоръ Константиновъ сказалъ такъ: а на что де вамъ государева грамота? Нынѣ я вамъ покажу такую грамоту, что никто изъ замку не утечетъ, и какое вамъ дѣло, гдѣ я былъ и куда иду?! И тотчасъ онъ велѣлъ свое войско—конныхъ и пѣшихъ — поставить въ боевой порядокъ и сталъ въ посадѣ, гдѣ крестьянъ и женъ билъ и мучилъ и много учинилъ шкоды. Воевода призвалъ его къ себѣ и сталъ уговаривать, чтобъ не дѣлалъ обидъ и разоренья людямъ царскаго величества. И онъ Θе-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 523 и 576.

доръ, фукнувъ на воеводу, отправился къ своему войску: сталъ въ боевой порядокъ и велѣлъ приступать къ городу и стрѣлять въ него. Тогда воевода призвалъ изъ Мочалова пять хоругвей солдатъ и сталъ биться съ казаками Ѳедора Константинова“ [1]).

Въ Нѣжинѣ былъ допрошенъ сотникъ Иванъ Дорошенко. На вопросы, предложенные ему Ждановичемъ, онъ отвѣчалъ, что въ Старый-Быховъ съ листами къ ляхамъ онъ ѣздилъ по приказанію нѣжинскаго полковника Василія Золоторенко; по его же приказанію, говорилъ Дорошенко, онъ вышелъ изъ Новаго-Быхова, не оставивъ тамъ гарнизона. Путивлецъ Мисковъ доносилъ государю: „польскіе люди и нѣмцы сидятъ въ Быховѣ въ осадѣ и они хотѣли вину свою принести къ государю, чтобъ велѣлъ ихъ государь принять; и гетманъ, слыша то, посылалъ къ нимъ въ Быховъ, чтобы они государевымъ людямъ не сдавались, а сдавались бы ему гетману“ [2]).

Еще интереснѣе были допросы Нечаю и его показанія. Ждановичъ спросилъ: „гетманъ ли велѣлъ ему писаться паномъ надъ Бѣлою Россіею и полковникомъ бѣлорусскимъ, могилевскимъ, гомельскимъ, когда по всей Великой, Малой и Бѣлой Руси государствуетъ одинъ государь нашъ, его царское величество, а намъ о такомъ дѣлѣ и помыслить не возможно?“ И Нечай отвѣчалъ: „пишуся де я такъ по гетманскому велѣнію и противъ универсала, даннаго мнѣ гетманомъ за своею рукою и печатью“. За тѣмъ Ждановичъ спросилъ у Нечая: „для чего онъ велѣлъ изъ могилевскаго уѣзда залогу солдатъ выбивать и свою залогу ставить Черкасъ?“ И онъ Нечай такъ отвѣчалъ: „имѣетъ де онъ универсалъ его милости, пана гетмана, на то, чтобы тамъ залоги были его, гдѣ прежде были Золоторенковы, и онъ велѣлъ тѣхъ солдатъ, которые присланы изъ Могилева на залогу свесть, а поставить свою залогу Черкасъ. И тотъ универсалъ показалъ“ [3]).

Изъ статейнаго списка Никиты Сивцова видно, что виновнымъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ царя не было никакого наказанія, наказаны были только нѣсколько простыхъ казаковъ.

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 527—528.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 519 и 549.

[3]) Ibid, стр. 522 и др.

Это слѣдствіе довольно ясно показало московскому правительству враждебное къ нему отношеніе гетмана запорожскаго войска: по приказанію послѣдняго казаки въ Бѣлой Руси вели настоящую войну противъ московскихъ войскъ.

Уже поведеніе Хмельницкаго при Гусятинѣ и Львовѣ, дѣйствія Нечая и другихъ полковниковъ въ Бѣлоруссіи могли служить достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы правительство Алексѣя Михайловича заподозрило гетмана не только въ неискренности союза, но и въ измѣнѣ. Но каково было удивленіе въ Москвѣ, когда дьякъ Лопухинъ въ томъ же 1655 году привезъ туда вышеприведенную нами грамоту турецкаго визиря, изъ которой видно было, что Хмельницкій въ этомъ году принялъ подданство турецкаго султана?!

Имѣя въ виду эти измѣнническія дѣйствія Хмельницкаго, мнѣ кажется, Н. И. Костомаровъ несправедливо обвиняетъ московское правительство въ томъ, что оно, заключивъ въ Вильнѣ трактатъ съ Польшею, разрушило планы казацкаго гетмана, конечную цѣль его труда—освободить изъ польской власти и присоединить къ единой русской державѣ всѣ земли, гдѣ издревле процвѣтало православіе и слышалась русская рѣчь. Приведя въ своей монографіи письмо Хмельницкаго къ Алексѣю Михайловичу, въ которомъ онъ предупреждалъ царя относительно неправдъ и хитростей ляховъ, что они этого договора не додержатъ и, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ турецкимъ и татарами, снова начнутъ воевать царское величество,—приведя это письмо, Н. И. Костомаровъ замѣчаетъ: „Москва была глуха къ этимъ совѣтамъ“ [1]).

Но дѣло въ томъ, что самъ Богданъ Хмельницкій заставилъ московское правительство поторопиться примиреніемъ съ Польшею. Оно видѣло явное нежеланіе гетмана рѣшительно дѣйствовать противъ польской республики, видѣло его враждебныя къ нему дѣйствія, какъ онъ ни старался маскировать ихъ. Московское правительство знало о тайныхъ сношеніяхъ Хмельницкаго съ поляками, о дружбѣ его съ турками и татарами, постоянными врагами

[1]) „Богданъ Хмельн.“, Кост. т. III, стр. 241.

московскаго государства. Несомнѣнно, что Москвѣ въ это время грозила участь Польши, если бы Хмельницкій дожилъ до исполненія своихъ замысловъ.

Къ счастію московскаго государства, близорукіе представители Рѣчи Посполитой не въ состояніи были довести до конца дѣло примиренія съ Хмельницкимъ. Не смотря на свое крайнее положеніе, они требовали отъ казацкаго гетмана слишкомъ многаго. Мы выше упоминали, что въ концѣ 1654 года Богданъ предлагалъ полякамъ примириться на основаніи зборовскаго договора и поляки считали это невозможнымъ дѣломъ. Но бѣдствія, обрушившіяся на Польшу въ 1655 году, заставили ихъ быть на столько же уступчивѣе, на сколько Хмельницкій, видя безсиліе поляковъ, сдѣлался въ это время требовательнѣе. Трудно вполнѣ опредѣлить, по недостаточности данныхъ, въ чемъ состояли условія Хмельницкаго, высказанныя имъ депутатамъ польской республики, бывшимъ у него въ концѣ 1655 года, и его посланцами въ Варшавѣ въ половинѣ 1656 года. Однако по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что Богданъ требовалъ отъ поляковъ а) чтобы Украйна была зависима только отъ одного короля; б) унія была уничтожена и в) чтобы польскіе паны не были допущены въ Украйну владѣть своими прежними имѣніями. Есть указаніе на то, что статьи, которыя заключилъ Выговскій съ Польшею въ 1658 г. подъ Гадячемъ были составлены еще самимъ Хмельницкимъ [1]). Затѣмъ польскій посолъ, панъ Жаковскій, отправленный въ Крымъ въ апрѣлѣ 1656 гоɥа представилъ хану, какъ посреднику между поляками и казаками, слѣдующія требованія Рѣчи Посполитой. Вопервыхъ, ханъ и его визирь долженъ стараться о томъ, чтобы Хмельницкому не быть удѣльнымъ княземъ на Украйнѣ; вовторыхъ, чтобы польскіе паны пользовались своими владѣніями и крестьянами на Украйнѣ по прежнему и втретьихъ, чтобы Хмельницкій помирился съ Польшей на основаніи зборовскаго договора [2]). Такимъ образомъ требованія поляковъ нисколько не согласовались съ желаніями Богдана Хмельницкаго, а потому

---

[1]) „Краткое описаніе Мал.“, стр. 251, изд. 1878.

[2]) Польская кор. метр. „Снош. Пол. съ Малор.“, св. 4, под. 1654.

и переговоры его посланцевъ въ Варшавѣ о примиреніи съ польской республикой не привели къ желаемымъ результатамъ.

Однако еще въ концѣ 1655 года между поляками и казаками было заключено перемиріе, не смотря на то, что московскій царь велъ еще войну съ Польшей. Вскорѣ послѣ отступленія Хмельницкаго отъ Львова, къ нему были посланы депутаты отъ Рѣчи Посполитой [1]). Судя по инструкціи, данной въ это время пану Бѣнѣвскому для заключенія съ Хмельницкимъ перемирія, можно думать, что въ числѣ именно этихъ депутатовъ и онъ находился [2]). Крымскій ханъ писалъ отъ 13 Декабря 1655 года къ коронному гетману Потоцкому, что онъ усердно благодаритъ Бога за то, что между поляками и казаками заключено перемиріе [3]).

Въ началѣ слѣдующаго года у Хмельницкаго были польскіе коммисары во главѣ черниговскаго воеводы Тышкевича. Они просили гетмана заключить миръ съ Польшей и прислать немедленно на помощь ей десять тысячъ казаковъ. Но Богданъ отвѣчалъ коммисарамъ, что помощи онъ не пошлетъ до тѣхъ поръ, пока не состоится миръ, а о мирѣ въ настоящее время, говорилъ онъ, нельзя трактовать, потому что при немъ нѣтъ всѣхъ казацкихъ полковниковъ. Однако Хмельницкій въ это же время послалъ письмо къ королю и Рѣчи Посполитой съ просьбою назначить время и мѣсто для окончательныхъ переговоровъ [4]).

Сношенія Хмельницкаго съ поляками, между прочимъ, показываютъ, что онъ велъ переговоры о примиреніи съ ними гораздо раньше, чѣмъ московское правительство заключило виленскій трактатъ съ Польшею. Стало быть казацкій гетманъ, побуждая Алексѣя Михайловича продолжать войну съ поляками, имѣлъ въ виду не пользу московскаго государства, а только то, чтобы при посредствѣ его силъ довести Рѣчь Посполитую до крайняго изнеможенія и заставить ее согласиться на заключеніе съ нимъ того договора, котораго онъ добивался.

---

[1]) Пол. Кор. Метр. Prawa, Canstitutye, Przyw.... т. 4, стр. 498.

[2]) Ibid. „Снош. Польши съ Татар.“, св. 4.

[3]) Пам. Кіев. комм. т. III, отд. III, № 23.

[4]) Пол. Корон. метр. „Снош. Пол. съ Тат.“, св. 4. подъ 1656 г.

Глава 11-я.

Если мы обратимъ вниманіе на отношенія Хмельницкаго къ Швеціи и къ трансильванскому князю Рагоци, то еще болѣе убѣдимся въ его измѣнѣ московскому государству и въ желаніи его примириться съ Польшей. Для казацкаго гетмана было безразлично, кто будетъ стоять во главѣ Польши: Казимиръ ли, Карлъ X или Рагоци! Онъ не желалъ только быть подъ протекціей московскаго царя. „Москва слишкомъ груба: съ ней жить невозможно“, говорилъ онъ. И это понятно. Московскій царь требовалъ отъ Хмельницкаго и казаковъ дѣйствительнаго, а не номинальнаго подданства: казацкій гетманъ долженъ былъ быть въ отношеніи царя такимъ же холопомъ, какъ и всѣ подданные московскаго государства. Но это совершенно противорѣчило шляхетскимъ понятіямъ Хмельницкаго и его стремленіямъ создать на Украйнѣ такіе же порядки, съ которыми онъ сжился при польскомъ господствѣ. Поэтому, какъ мы выше говорили, уже въ первый годъ соединенія съ московскимъ государствомъ, онъ снова обратилъ свои взоры къ Рѣчи Посполитой. Когда же Янъ Казимиръ удалился изъ своего государства, то Хмельницкій вошелъ въ самыя близкія отношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ X, призывая послѣдняго на польскій престолъ.

Частая переписка въ это время между ними свидѣтельствуетъ объ ихъ дружбѣ. Въ Стокгольмѣ жилъ посолъ Хмельницкаго какой то грекъ, отецъ Даніилъ, который вмѣстѣ съ Радзѣевскимъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ между Швеціей и казаками. Гетманъ не былъ увѣренъ въ сочувствіи нѣкоторыхъ казацкихъ полковниковъ своимъ планамъ и вотъ Карлъ X и отецъ Даніилъ стараются обѣщаніями привлечь таковыхъ на свою сторону. 31 декабря 1655 года Даніилъ послалъ письмо къ наказному гет-

ману Золотаренко, убѣждая его служить шведскому королю точно также, какъ служитъ Хмельницкій. „Посолъ твой, писалъ грекъ, принятъ милостиво, король пилъ за здоровье гетмана, твое и всего запорожскаго войска“. Въ томъ же духѣ писалъ къ этому полковнику и самъ Карлъ [1]).

Въ это время уже начались непріязненныя отношенія между Швеціей и московскимъ государствомъ, а Хмельницкій, будучи подданнымъ московскаго царя, предлагалъ Карлу десять тысячъ казаковъ на помощь, какъ это видно изъ слѣдующаго письма къ нему Радзѣевскаго. „Приписываю то правдивому желательству и пріятству вашей милости, что ты со мною по пріятельски ссылаешься и чрезъ меня поволльность королю, его милости, пану шведскому объявляешь. Король благодаренъ за ту пріязнь, которую показываетъ къ нему ваша милость, и когда будетъ нуждаться въ вашей помощи, то чрезъ меня объявитъ вамъ, а теперь, благодаря тому, что пруссы и вся Рѣчь Посполитая признала короля за своего пана, посылка съ вашей стороны десяти тысячъ пока не нужна. Но король обѣщаетъ не отгонять васъ и все запорожское войско отъ своей панской обороны и милости [2]).

Это письмо, между прочимъ, мы привели сколько для характеристики отношеній Хмельницкаго къ шведскому королю, столько же и для уясненія дѣятельности Радзѣевскаго. Панъ Радзѣевскій, какъ мы выше говорили, не былъ измѣнникомъ отечеству; онъ измѣнилъ только королю и мстилъ ему подобно тому, какъ Хмельницкій мстилъ польскимъ панамъ. Переписка его съ Хмельницкимъ и Выговскимъ показываетъ, что онъ, живя въ Швеціи, дѣйствовалъ въ пользу своего отечества. Онъ побуждалъ шведскаго короля завладѣть польскою короною, чтобы подъ его властію прекратить междуусобную войну въ Польшѣ и примирить казаковъ съ польскою республикою. Въ одномъ къ нему письмѣ Выговскій писалъ: „мы весьма обрадовались, узнавши, что ваша милость, нашъ милостивый панъ, хотя и обременены такимъ множествомъ общественныхъ дѣлъ, не смотря на то, еще болѣе изволите дѣй-

---

[1]) Арх. иностр. д. „Малор. д.“, св. II, № 15.

[2]) Архивъ иностр. д. „Малор. д.“, св. II, № 15.

ствовать и принимать на себя труды для окончательнаго успокоенія и ненарушимой цѣлости отечества [1]).

Въ этомъ отношеніи старанія папа Радзѣевскаго вполнѣ совпадали съ планами Хмельницкаго. Послѣдній также заботился о томъ, чтобы шведскій король завладѣлъ польскою короною и принялъ Украину подъ свою протекцію. Но Карлъ X своимъ недостойнымъ поведеніемъ въ Польшѣ самъ уничтожилъ труда Радзѣевскаго. Завладѣвъ большею частью польской республики своимъ мечомъ, онъ высокомѣрно относился къ шляхетскимъ правамъ польскихъ пановъ и не щадилъ завоеванной страны. Когда поляки посовѣтовали ему созвать элекціонный Сеймъ, который бы выбралъ его польскимъ королемъ, то онъ, указывая на свою саблю, сказалъ имъ: „что вамъ до моей элекціи, если меня сія на тронъ королевства вашего посадила". Украинскій лѣтописецъ передаетъ также, что Карлъ, „презрѣвши права и вольности польскаго народа и свои обѣщанія не дѣлать притѣсненій своимъ новымъ подданнымъ, допустилъ не только начальникамъ своихъ войскъ, но и рядовому жолнерству чинить великія отягощенія и озлобленія народу посполитому городскому и сельскому и самой шляхтѣ и благороднымъ панамъ польскимъ" [2]).

Это варварское поведеніе Карла и его войска въ Польшѣ было главною причиною того, что вліятельные польскіе паны, какъ наприм. Юрій Любомирскій, коронный хорунжій Александръ Конецпольскій оставили его и перешли на сторону трансильванскаго князя Рагоци, призывая послѣдняго на польскій престолъ, а другіе начали составлять отряды изъ поляковъ и вести съ шведами партизанскую войну.

Поэтому уже въ началѣ 1656 года, благодаря враждебному къ нему отношенію поляковъ, Карлъ Густавъ увидѣлъ невозможность исполнить планы Радзѣевскаго и Хмельницкаго—завладѣть польскою короною, удержать за собою всю Польшу, и рѣшился подѣлиться своими завоеваніями съ ея сосѣдями. Неудача шведскаго короля повліяла и на дѣйствія Хмельницкаго. Послѣдній

---

[1]) Памят. Кіев. ком. т. III, отд. III, № 31.

[2]) Лѣт. Величко, т. I стр. 229—230.

обратился теперь къ старому претенденту на польское королевство, Рагоци, предлагая ему союзъ и помощь для завоеванія польской короны. Въ пользу Рагоци Хмельницкій дѣйствовалъ не одинъ, а съ согласія шведскаго короля и при участіи многихъ польскихъ пановъ, которые желали имѣть своимъ королемъ трансильванскаго князя. Его дѣйствія не согласовались только съ политикою московскаго царя и были враждебны въ отношеніи московскаго государства. Хмельницкій не обращалъ никакого вниманія на начавшіяся мирныя сношенія Алексѣя Михайловича съ Яномъ Казиміромъ и старался о заключеніи дружескаго союза съ Карломъ Густавомъ въ то время, когда Москва уже объявила послѣднему войну.

Въ началѣ 1656 года Казиміръ, послѣ скитальнической жизни, возвратился въ свое отечество. Многіе польскіе паны, уже передавшіеся то шведскому королю, то Рагоци, снова обратились къ своему законному государю. Дѣла его начали поправляться: цесарь австрійскій вызвался быть посредникомъ въ примиреніи его съ московскимъ царемъ, а крымскій ханъ обѣщалъ ему свою помощь. Переговоры, начавшіеся въ августѣ этого года между польскими коммисарами и московскими боярами, кончились въ половинѣ октября виленскимъ трактатомъ, по которому Рѣчь Посполитая обязывалась, послѣ смерти Яна Казиміра, избрать на польскій престолъ московскаго царя, а послѣдній долженъ былъ защищать Польшу отъ враговъ и обратить оружіе противъ Шведовъ [1]).

Но война между московскимъ государствомъ и шведами началась еще въ маѣ мѣсяцѣ этого года. Поводомъ къ ней послужили столкновенія между шведами и русскими во время ихъ войны съ Польшей: польскіе города Друя и Дрисса, уже сдавшіеся московскимъ войскамъ, были заняты шведами, а гетманъ литовскій Радзивилъ въ то время, когда Литва уже завоевана была московскимъ царемъ и послѣдній считалъ себя литовскимъ княземъ, перешелъ на сторону Карла и величалъ себя „гетманомъ Карла шведскаго и великаго княжества Литовскаго“. Хмельницкій, какъ подданный московскаго царя, долженъ былъ дѣйствовать противъ

[1]) Полное собр. зак. т. I, стр. 405—411.

шведовъ и въ пользу Москвы, но вмѣсто того онъ заключилъ договоръ съ Карломъ и Рагоци противъ своего государя. Въ маѣ 1656 года въ Чигиринъ явился Грондскій въ качествѣ посла со стороны шведскаго короля и предложилъ гетману вступить въ лигу со шведами и Рагоци. Вскорѣ послѣ этого и Радзѣевскій изъ Радома прислалъ Выговскому письмо, въ которомъ сообщалъ, что Карлъ скоро отправляетъ своихъ коммисаровъ къ Хмельницкому для заключенія союза и просилъ его ходатайства въ пользу общаго дѣла [1]).

Богданъ согласился на предложенія шведскаго короля и немедленно отправилъ своихъ пословъ—судью Самойла Богданова и генеральнаго обознаго Ковалевскаго въ Семиградъ къ Рагоци; а еще прежде этого онъ послалъ туда извѣстнаго грека Даніила. Кромѣ казацкихъ пословъ въ Семиградъ прибыли послы татарскіе, турецкіе, отъ господарей молдавскаго и валахскаго, отъ Бранденбургскаго курфирста, польскіе отъ тѣхъ пановъ, которые желали имѣть Рагоци своимъ королемъ и наконецъ шведскіе [2]).

Сначала между Рагоци, Хмельницкимъ и господарями состоялся въ сентябрѣ мѣсяцѣ предварительный договоръ, ибо шведскіе послы прибыли въ Семиградъ только къ концу этого года. По этому договору союзники обязывались жить въ неразрывномъ братствѣ и помогать войсками каждому союзнику противъ непріятелей по первому его требованію [3]).

Въ началѣ слѣдующаго года былъ заключенъ тройственный договоръ между Швеціей, Трансильваніей и Украиною о раздѣлѣ Польши. Но къ нимъ присоединились Бранденбургскій курфирстъ, господари и князь Богуславъ Радзивиллъ. По этому договору шведскій король получалъ: Прусь, Курляндію, Гданскъ и Данцигъ; Бранденбургскій курфирстъ — воеводства: познанское, калишское сѣрадское и, кромѣ того, Карлъ уступалъ ему еще землю поморскую; Радзивиллъ получалъ удѣльное княжество на воеводствѣ подлясскомъ. Украина съ Подоліей и Волынью доставались Хмель-

---

[1]) Пол. корон. Метр. „Снош. Пол. съ Мал." св. 1.

[2]) Арх. иностр. д. „Семигр. д." св. 2.

[3]) Акты Юж. и Зап. Р. т. III, № 361.

*

ницкому; Рагоци получалъ остальныя земли Рѣчи Посполитой вмѣстѣ съ польскою короною.

Въ это же время союзники рѣшили воевать московское государство: всѣ послы, кромѣ турецкаго, доносилъ изъ Семиграда Алексѣю Михайловичу какой-то Казимиръ Стокозскій, обѣщались воевать Москву; молдавскій господарь давалъ Рагоци на „военную потребу" три тысячи войска, а валахскій господарь—двѣ тысячи[1]).

Еще ранѣе заключенія этого договора Хмельницкій созвалъ въ Чигиринъ своихъ полковниковъ и другихъ казацкихъ старшинъ и имѣлъ съ ними совѣщаніе. Въ чемъ состояли эти совѣщанія—неизвѣстно, но съ вѣроятностію можно предположить, что гетманъ хотѣлъ на нихъ узнать мнѣнія начальниковъ касательно измѣны московскому государству. Обстоятельства благопріятствовали гетману. Въ это время прибыли на Украину казацкіе депутаты, которыхъ Хмельницкій посылалъ на съѣздъ въ Вильну, гдѣ шли переговоры о мирѣ между московскими боярами и польскими коммисарами. Эти депутаты, какъ извѣстно, не были допущены къ участію въ переговорахъ; московскіе бояре объявили имъ, что казаки, какъ подданные государя, должны принять то, что постановитъ ихъ государь. „И какъ посланцы войска запорожскаго пріѣхали къ Богдану Хмельницкому, говорилъ отецъ писаря Выговскаго Бутурлину, и гетманъ, и писарь, и полковники спрашивали ихъ: на чемъ послы царскаго величества съ польскими коммисарами постановили и какой учинили договоръ?...... Посланцы, ухватя гетмана за ноги и обливаясь слезами, говорили: нынѣ де войско запорожское згинуло и помощи не имѣетъ ни откуда и гдѣ главы свои приклонити! На чемъ ляхи постановили договоръ съ царскими послами, о томъ имъ ничего не извѣстно, ибо царскіе послы не только съ ними не совѣтовались и не впустили въ посольскій шатеръ, но и до шатра близко не допускали, какъ псовъ до церкви Божіей. А ляхи де имъ сказывали, что послы царскаго величества съ польскими коммисарами учинили миръ по поляковскому договору и войску запорожскому со всею Малою Россіею быть по прежнему въ королевской сторонѣ, въ подданствѣ ляховъ

---

[1]) Архив. иностр. д., „Семигр. д.", св. 2

—непріятелей святаго креста. А если войско запорожское не будетъ въ послушаніи у ляховъ, то царское величество будетъ помогать имъ своимъ войскомъ“......... „Выслушавши это донесеніе, Хмельницкій, какъ шаленый или съумасшедшій, говорилъ: дѣти о томъ не печальтесь; я знаю, что дѣлать: нужно отступить отъ руки царскаго величества; пойдемъ туда, куда вышній владыка повелитъ: будемъ не только подъ христіанскимъ государемъ, но хотя и подъ бусурманскимъ“, и велѣлъ гетманъ собрать на сеймъ всѣхъ полковниковъ [1]). Эти разсказы депутатовъ привели въ негодованіе не только гетмана, но и всѣхъ начальныхъ казаковъ; Хмельницкій теперь смѣлѣе могъ дѣйствовать противъ московскаго государства, ибо въ оправданіе свое могъ ссылаться на виленскій договоръ Москвы съ Польшей.

Московскіе агенты употребляли всѣ усилія, чтобы узнать о результатахъ совѣщаній въ Чигиринѣ, но имъ этого не удалось.

Въ ноябрѣ этого года путивлецъ Мисковъ доносилъ въ Москву „когда онъ, по указу государя, пріѣхалъ въ Чигиринъ для провѣданія вѣстей, то его до Богдана Хмельницкаго не допустили и листъ подалъ онъ писарю Ивану Выговскому, а писарь тотъ листъ рванулъ изъ рукъ сердитымъ обычемъ. А будучи въ Чигиринѣ о всемъ провѣдывалъ у всякихъ людей. Старецъ Иларіонъ, который учитъ гетманскаго сына по латыни сказывалъ, что гетманъ послалъ посланцевъ своихъ къ шведскому королю, чтобы онъ былъ съ нимъ въ пріязни; а съ крымскимъ ханомъ, господарями и Рагоцемъ учинилъ договоръ и межъ себя присягали, чтобы быть въ соединеніи. Рагоци также заключилъ союзъ съ шведскимъ королемъ на томъ: если король шведскій выступитъ изъ польской столицы, то Рагоци будетъ наступать на нее. А умышляютъ де такую неправду учинить и отъ государской милости отступить гетманъ, да писарь, а съ ними небольшіе начальные люди“....... Точно также и Андрей Бутурлинъ писалъ къ государю, что „провѣдать о сеймѣ никакими мѣрами не могъ“. Но какъ тотъ, такъ и другой доносили государю, что гетманъ послѣ сейма въ Чигиринѣ велѣлъ полковникамъ и сотникамъ всѣхъ городовъ быть го-

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 556.

товыми къ походу, хотя и неизвѣстно на какую сторону будетъ походъ [1]).

Однако намъ уже изъ этихъ донесеній видно, что совѣщанія въ Чигиринѣ кончились въ пользу замысловъ Хмельницкаго: старшины казацкіе сочувственно отнеслись къ планамъ гетмана и рѣшились измѣнить московскому царю. Впрочемъ между полковниками, бывшими на совѣщаніи, нашлись и такіе, которые думали донести въ Москву объ измѣнѣ гетмана и старшинъ. Впослѣдствіи кіевскій полковникъ Антонъ Жданович говорилъ московскому дворянину Желябужскому, что „онъ вмѣстѣ съ двумя другими полковниками и думали было объявить о томъ государю тайнымъ обычаемъ, да не посмѣли, опасаясь гетмана. Все де встрѣшно гетману говорить мы не смѣли, а кто де и молвилъ и тотъ живъ не былъ“ [2]).

Предвидя неизбѣжность войны съ московскимъ государствомъ, Богданъ велѣлъ укрѣплять города и готовить разные запасы, а казакамъ приказалъ быть готовыми къ походу. Чтобы слухи о его замыслахъ не дошли до Москвы и не испортили дѣла, гетманъ издалъ указъ, по которому никто безъ его вѣдома не смѣлъ ѣздить въ московское государство. Кіевскіе мѣщане говорили Бутурлину, что „нѣкоторые изъ нихъ и хотѣли ѣхать къ государю ударить челомъ, но безъ гетманскаго вѣдома этого сдѣлать не смѣли“ [3]).

Что гетманъ приготовлялся воевать не только поляковъ въ пользу Рагоци, но и московское государство, какъ было постановлено между союзниками въ Семиградѣ, такъ это видно изъ того, что онъ приказалъ укрѣплять именно тѣ украинскіе города, которые были на границѣ московскихъ владѣній. Дворянинъ Желябужскій доносилъ Алексѣю Михайловичу, „когда я пріѣхалъ въ Стародубъ, писалъ онъ государю, то стародубскій войтъ, пришедшій ко мнѣ, говорилъ: намъ теперь отъ гетмана Богдана Хмельницкаго постоянно приходятъ листы съ приказаніями, чтобы во всѣхъ городахъ и крѣпостяхъ имѣть военные запасы, и мы пороху купили

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, №№ 364 и 367.

[2]) Архивъ иностр. д. „Семигр. и Венг. д.“, св. 2, № 2.

[3]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 552.

270 пудовъ, а болѣе того не могли купить, а отъ кого крѣпимся, того мы не вѣдаемъ: цѣловали мы крестъ государю, а владѣетъ нами гетманъ и мы отъ владѣнія его въ конецъ погибаемъ, да и ему государю отъ него добра не будетъ" [1]).

Словомъ на Украйнѣ было общее убѣжденіе въ томъ, что Хмельницкій вмѣстѣ съ нѣкоторыми старшинами предпринимаетъ что-то недоброе противъ московскаго царя и уже въ это время слышался глухой протестъ народа противъ замысловъ гетмана.

Къ разрыву съ московскимъ государствомъ Хмельницкій рѣшился не вслѣдствіе виленскаго трактата, какъ онъ объяснялъ полковникамъ [2]); на это онъ рѣшился гораздо ранѣе и приготовлялся исподоволь съ самаго 1654 года. Этимъ только и можно объяснить его явное нежеланіе воевать польскіе города вмѣстѣ съ Бутурлинымъ. При этомъ понятно и то, почему онъ писалъ въ польскіе города, чтобы они не сдавались на государево имя, а его—гетмана; почему онъ приказалъ зятю своему Ивану Нечаю выгнать изъ нѣкоторыхъ городовъ московскіе гарнизоны и поставить свои черкасскіе и пр. Приготовляясь такимъ образомъ къ войнѣ съ московскимъ государствомъ и поляками, гетманъ убѣждалъ и своихъ союзниковъ твердо держаться постановленнаго договора и увѣрялъ ихъ въ своемъ постоянствѣ и непоколебимости: „Ваше королевское величество, писалъ онъ шведскому королю въ началѣ 1657 года, не сомнѣвайтесь въ твердости моего духа, но будьте увѣрены, что меня не поколеблютъ никакія лестныя предложенія и не отклонятъ отъ исполненія обѣщаній, изъясненныхъ вашему величеству во многихъ моихъ письмахъ...... Ваше свѣтлѣйшее королевское величество не испытаете со стороны моей ни малѣйшаго непостоянства: ибо я самъ ненавижу вѣроломныхъ, и во всѣхъ обстоятельствахъ найдете во мнѣ чистосердечную вѣрность, отличающую любителей честности. Желая вашему королевскому величеству вожделеннаго здравія и благопріятныхъ во всемъ успѣховъ, предлагаю мою искренную готовность къ услугамъ [3]).

---

[1]) Арх. иностр. д. „Венгер. и Семигр д.", св. 2 № 2.

[2]) Ibid. см. Разсказъ Ждановича Желябужскому.

[3]) Арх. иностр. д. „Мал. д.", св. 8, № 2. Это письмо писано по латыни; Хмельницкій подписался подъ нимъ не гетманомъ войскъ царскаго величества

Это письмо писано спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны московскаго государства съ Швеціей. Изъ него видно, въ какихъ дружественныхъ отношеніяхъ стоялъ Богданъ Хмельницкій ко врагу московскаго царя. Объ этой дружбѣ хорошо знали и въ Москвѣ. Путивлецъ Мисковъ доносилъ государю „какъ былъ нынѣ отъ государя у гетмана стольникъ Кикинъ съ государевою грамотою, что онъ побралъ многіе нѣмецкіе города и они де о томъ весьма негодуютъ. А слыша де, что подъ тѣми нѣмецкими городами и государевымъ людямъ уронъ есть, и они де о томъ радуются“ [1]). Эту дружбу къ шведскому королю гетманъ не скрывалъ и отъ московскихъ людей и сохранилъ ее до конца жизни. За мѣсяцъ до своей смерти, когда Бутурлинъ укорялъ его за то, что онъ соединился съ врагомъ царскаго величества и дѣлаетъ ему помощь запорожскими войсками, Богданъ съ сердцемъ говорилъ: „отъ шведскаго короля я никогда не буду отлученъ, потому что у насъ дружба, пріязнь и миръ давніе; тому нынѣ уже болѣе шести лѣтъ, когда мы еще и въ подданствѣ царскаго величества не были. Шведы люди правдивые, всякую дружбу и пріязнь додерживаютъ сообразно своему слову“ [2]).

а „Serenissimae majestatis vestrae regiae amicus intimus obsequiisque paratus Bohdan Chmielnicky, dux cohortum Zaporow. Полный переводъ см. у Маркевича.

[1]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 549.

[2]) Ibid. стр. 569.

Глава 12-я.

Послѣ заключенія договора въ Семиградѣ союзники немедленно приступили къ исполненію своихъ плановъ относительно Польши. Рагоци оповѣстилъ поляковъ грознымъ универсаломъ слѣдующаго содержанія:

„Коронные чины, видя, что Рѣчь Посполитая клонится къ паденію и не ожидая ни основательныхъ мѣръ, ни помощи отъ ея настоящаго правительства, какъ прежде такъ и въ недавнее время, чрезъ посредство своихъ великихъ пословъ предлагали намъ съ извѣстными условіями польскую корону.

По давней и, можно сказать, наслѣдственной любви нашей къ благородному польскому народу и по христіанскому благочестію и состраданію, мы, при помощи Божіей, предприняли намѣреніе успокоить нашею особою и нашими войсками смуты въ славномъ польскомъ королевствѣ; поэтому считаемъ нужнымъ предупредить и предостеречь всѣхъ вообще, чтобы всякій, если ему дороги жена его, дѣти, пожитки и имущество, по прочтеніи настоящаго универсала, какъ только мы приблизимся съ нашимъ войскомъ къ польскимъ предѣламъ, заблаговременно приставали къ намъ и такимъ, либо другимъ образомъ засвидѣтельствовали намъ свое благорасположеніе“ [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ концѣ января 1657 года, Рагоци вмѣстѣ съ вспомогательными войсками господарей перешелъ Карпаты и вторгнулся въ Червонную Русь. Здѣсь къ нему присоединилось 12 тыс. казаковъ подъ начальствомъ кіевскаго полков-

[1]) Богданъ Хмельн. Костом., т. III, стр. 245.

ника Антона Ждановича. Успѣхъ Рагоци въ началѣ войны, можно сказать, былъ блестящій: въ короткое время ему сдались города Ярославль, Перемышль, Галичь и др. Но имѣя незначительное войско, Рагоци, какъ разсказывалъ самъ Ждановичъ Желябужскому, не могъ оставлять въ нихъ гарнизоны, а бралъ только денежный окупъ; это было причиною того, что эти города, какъ легко были завоеваны союзниками, такъ впослѣдствіи и легко утрачены были.

Между тѣмъ шведскій король Карлъ-Густавъ вторгнулся въ Польшу съ другой стороны. Изъ Пруссіи, гдѣ его войска стояли на зимнихъ квартирахъ, Густавъ двинулся чрезъ Торунь, Петроковъ и Радомскъ на соединеніе съ Рагоци, которое и произошло около Опатова (въ концѣ марта) [1]).

Король польскій Янъ Казимиръ въ это время находился на границѣ Силезіи въ Ченстоховѣ, гдѣ онъ совѣщался съ панами, оставшимися ему вѣрными, о принятіи мѣръ противъ враговъ республики. Узнавши о быстрыхъ военныхъ успѣхахъ союзниковъ, Казимиръ ушелъ въ Силезію, а его войска подъ начальствомъ Станислава Потоцкаго и Юрія Любомирскаго, не будучи въ силахъ сражаться съ непріятелемъ, поспѣшно удалились къ Люблину. Только храбрый панъ Чарнѣцкій остался въ малой Польшѣ, дѣлалъ неожиданныя нападенія на союзниковъ и производилъ немалый уронъ въ рядахъ ихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе большая часть Польши вмѣстѣ съ Краковомъ и Варшавой сдались Рагоци и Карлу. Вслѣдъ за тѣмъ союзники двинулись противъ Потоцкаго и Любомирскаго, но послѣдніе искусно избѣгали открытаго сраженія и издали смотрѣли, какъ польскіе города одинъ за другимъ сдавались побѣдителямъ. Карлъ Густавъ взялъ Брестъ и заставилъ жителей его присягнуть Рагоци, а самъ Рагоци при помощи казаковъ запорожскаго войска захватилъ Люблинъ, уже завоеванный московскимъ царемъ. Но этимъ успѣхи союзниковъ и ограничились: счастіе повернулось на сторону Казимира.

Мы уже прежде говорили, что во время семиградскихъ совѣщаній турецкіе послы не присоединились къ союзникамъ и отка-

---

[1]) Лѣтоп. Велич., т. 1, стр. 276.

зались принять участіе въ войнѣ противъ московскаго государства и Польши. Несогласіе турокъ много принесло вреда дѣйствіямъ и планамъ союзниковъ. Король Янъ Казимиръ, узнавши объ этомъ, немедленно отправилъ своего посла, пана Яскольскаго къ султану съ просьбою о помощи противъ враговъ Рѣчи Посполитой. Яскольскій, какъ видно изъ инструкціи, данной ему Казимиромъ, представилъ султану отъ имени польской республики слѣдующія просьбы: а) Хмельницкій, говорилъ онъ, послѣ того, какъ Москва помирилась съ поляками, вошелъ въ союзъ съ княземъ семиградскимъ, господарями молдавскимъ и валахскимъ и шведскимъ королемъ противъ Польши. Поэтому онъ просилъ султана прислать полякамъ войска на помощь противъ союзниковъ и приказать крымскому хану удержать казаковъ отъ непріязненныхъ нападеній на Польшу; и б) посолъ просилъ повелителя мусульманъ побудить своего вассала Рагоци и гетмана Хмельницкаго къ примиренію съ польскою республикою [1]).

Посольство это имѣло полнѣйшій успѣхъ. Султанъ, столько разъ обманутый новымъ своимъ подданнымъ, т. е. Богданомъ Хмельницкимъ, уже не надѣялся болѣе привлечь его на свою сторону и рѣшился дѣйствовать противъ него въ пользу поляковъ. Панъ Яскольскій въ своемъ донесеніи королю писалъ, что султанъ обѣщался удержать Рагоци и господарей отъ ихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Польши и заставить Хмельницкаго примириться съ польскою республикою, если только послѣдняя всегда будетъ стараться удерживать казаковъ отъ нападеній на турецкія владѣнія [2]).

Въ мартѣ этого года умеръ австрійскій императоръ Фердинандъ III, а его преемникъ и сынъ Леопольдъ рѣшился принять болѣе прямое участіе въ судьбѣ Польши и въ маѣ мѣсяцѣ подтвердилъ договоръ съ польскимъ королемъ, заключенный еще его отцомъ. По этому договору Леопольдъ немедленно послалъ полякамъ на помощь 12, а по другимъ извѣстіямъ 20 тыс. войска. Отправляя своихъ генераловъ въ Польшу, онъ приказалъ имъ воевать только

---

[1]) Польск. Корон. Метр. „Снош. Пол. съ Турц.“, сводъ 21, подъ 1657.

[2]) Ibid.

съ Рагоцемъ и удаляться отъ столкновеній со шведами, казаками и московскими войсками [1]).

Но еще ранѣе этого, крымскій ханъ, по повелѣнію султана, двинулся на помощь полякамъ противъ Рагоци и шведовъ.

Такимъ образомъ поляки пріобрѣли помощь, а союзники очутились въ критическомъ положеніи. Рагоци, завоевавъ Люблинъ, вооружилъ противъ себя московскаго царя. Еще въ октябрѣ 1656 г. Алексѣй Михайловичъ чрезъ письмо объявилъ Рагоци, чтобы онъ не обнаруживалъ враждебныхъ дѣйствій противъ Польши, союзницы московскаго государства, не помогалъ ни шведамъ, ни татарамъ и послалъ ему въ подарокъ мѣховъ на 780 р. Рагоци отвѣчалъ, что онъ не вступалъ въ союзъ ни съ поляками, ни со шведами, ни съ татарами противъ его царскаго величества, но находится только въ дружбѣ со шведскимъ королемъ и желаетъ быть въ добромъ пріятельствѣ съ Хмельницкимъ, съ которымъ уже заключилъ союзъ, скрѣпленный взаимною клятвою [2]).

Но письмо Стокозскаго, привезенное Алексѣю Михайловичу въ февралѣ 1657 года Волковымъ, какъ мы упоминали объ этомъ въ предъидущей главѣ, обнаружило дѣйствительныя намѣренія Рагоци и его союзниковъ. Поэтому, когда семиградскій князь вторгнулся чрезъ Карпаты въ Червонную Русь, то его здѣсь встрѣтилъ новый посолъ отъ Алексѣя Михайловича и повторилъ ему, чтобы онъ не воевалъ польское королевство, которое предложило свою корону московскому царю. „Мнѣ неизвѣстно, отвѣчалъ послу Рагоци, когда и какія предложенія дѣлаемы были царю на счетъ польской короны; но ему прежде и въ послѣднее время сдѣланы были законнымъ образомъ предложенія. Если царь считаетъ Польшу своимъ достояніемъ, то мы можемъ подъ рукою это рѣшить лучше. Что касается дружбы, то я ее принимаю съ благодарностію, но не въ такой степени, чтобы отказаться отъ королевства польскаго“ [3]).

---

[1]) Архивъ Иностр. Д. „Венгер. д.“, св. 2, № 2.

[2]) Ibid.

[3]) Польская анархія. Павлищ., т. II, стр. 207.

Когда Рагоци завладѣлъ Люблиномъ, уже присягнувшимъ на вѣчное подданство московскому царю, то Алексѣй Михайловичъ отправилъ вмѣстѣ съ письмомъ къ нему новаго посла дворянина Желябужскаго. „Въ прошломъ 1656 году вы, Рагоци, писалъ государь, обѣщались къ царскому величеству держать пріязнь и обѣщались служить намъ, однако вы не только не прислали къ намъ своихъ пословъ, но даже, соединясь съ непріятелемъ нашимъ, шведскимъ королемъ, пошли на польскаго короля и взяли городъ Люблинъ, жители котораго уже давно присягнули намъ на вѣчное подданство.... Мы къ вамъ посылали грамоту, но вы, оставя ее въ презрѣніи и, даже не объявивши намъ, пошли съ непріятелемъ нашимъ, шведскимъ королемъ, на польское королевство и теперь наступаете на княжество литовское, которое уже стоитъ за нами“ [1]).

Въ этомъ письмѣ Алексѣй Михайловичъ далъ понять Рагоци, что онъ вступится за польское королевство, которое предложило ему корону, и тѣмъ болѣе вступится за тѣ города, которые уже присягнули ему на вѣчное подданство. Такой же намекъ сдѣланъ былъ и шведскому королю, завоевавшему Друю и Дриссу, и когда послѣдній не обратилъ на это вниманія, то московскій царь объявилъ ему войну; враждебныя дѣйствія Рагоци такъ же должны были вызвать войну съ нимъ московскаго государства. Алексѣй Михайловичъ, упрекая въ вышеупомянутомъ письмѣ Рагоци за соединеніе его со шведскимъ королемъ, вѣроятно еще не зналъ, что семиградскій князь завладѣлъ Люблиномъ при помощи войска Хмельницкаго. Такимъ образомъ замыслы союзниковъ о раздѣлѣ Польши неизбѣжно должны были рушиться: ибо имъ приходилось теперь вѣдаться съ татарами, турками, московскимъ царемъ, австрійскимъ императоромъ и еще съ Даніей, которая уже объявила войну Швеціи, по наущенію московскаго государя.

Завоеваніемъ Люблина и Бреста окончились успѣхи союзниковъ: они теперь начали терпѣть неудачи одну за другою. Карлъ Густавъ, получивъ объявленіе войны со стороны Даніи, оставилъ въ концѣ мая Рагоци и поспѣшилъ на защиту своихъ собственныхъ владѣній; тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ это сдѣлать, что его

---

[1]) Арх. иностр. Д. „Венгер. и Семигр. дѣла“, св. 2. № 1.

подданные уже давно призывали его возвратиться въ Швецію. „Рѣчь Посполитая шведская, передаетъ украинскій лѣтописецъ, прислала къ нему своихъ пословъ съ требованіемъ оставить войну съ поляками и возвратиться въ свое отечество, а если иначе будетъ, то Швеція поставитъ себѣ иного короля [1]).

Послѣ удаленія шведскаго короля, Рагоци узналъ двѣ непріятныя новости: вопервыхъ, Любомирскій вторгнулся въ его княжество и опустошалъ тамъ все огнемъ и мечемъ и вовторыхъ, что австрійскія войска пришли на помощь полякамъ и уже осадили Краковъ. Это заставило его обратиться къ Кракову, но, не дошедши до него, онъ повернулъ назадъ и двинулся въ Червонную Русь ко Львову. Здѣсь случилось еще большая бѣда: казаки взбунтовались противъ своихъ начальниковъ, оставили ихъ и возвратились на Украйну.

Наши историки совершенно невѣрно смотрятъ на участіе Хмельницкаго въ замыслахъ Рагоци и въ войнѣ его съ Казимиромъ. Они думаютъ, что гетманъ обманулъ семиградскаго князя и въ рѣшительную минуту приказалъ своему войску оставить его на произволъ судьбы. Но донесенія въ Москву дворянина Желябужскаго, дневникъ котораго, кажется, не попадался въ руки ни одному изъ нашихъ историковъ, свидѣтельствуютъ совершенно противное. Впрочемъ и напечатанные уже источники, напр. нѣкоторыя украинскія лѣтописи передаютъ дѣло это иначе, чѣмъ расказываютъ историки. Лѣтопись „Самовидца" такимъ образомъ повѣствуетъ объ участіи Хмельницкаго въ войнѣ Рагоци съ Казимиромъ. „Гетманъ Хмельницкій, говорится въ этой лѣтописи подъ 1657 годомъ, сносился съ Рагоци и королемъ шведскимъ, желая того, чтобы Рагоци завладѣлъ польскою короною. Когда они пошли на Польшу, то Хмельницкій выслалъ имъ на помощь полковника Антона, который, соеденившись съ ними за Самборомъ, опустошилъ Польшу до самой Пруссіи. Король послалъ къ хану за помощью; послѣдній прислалъ къ нему татаръ, соединившись съ которыми король разбилъ Рагоци, а войска казацкія отступили на Украйну. Тогда Хмельницкій, будучи въ это время боленъ, отправилъ на помощь Рагоци сына Юрія съ войскомъ, который и соединился (?)

---

[1]) Лѣт. Величко, т. I, стр. 279.

съ нимъ; но казаки взбунтовались и, не слушая своихъ старшинъ, ушли на Украйну"[1]).

Это краткое извѣстіе „Самовидца" свидѣтельствуетъ довольно ясно, что казаки оставили Рагоци не по приказанію Хмельницкаго, а самовольно.

Чтобы объяснить причину этого самовольства, мы должны обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Гетманъ уже давно разошолся съ народомъ; онъ вмѣстѣ съ приближенными своими полковниками и писаремъ преслѣдовалъ совершенно иныя цѣли, цѣли, противныя желаніямъ и стремленіямъ черни и простыхъ казаковъ. Поэтому, еще до соединенія съ московскимъ государствомъ ему пришлось слышать и видѣть не мало протестовъ и бунтовъ народа противъ своей политики. Послѣ 1654 года мѣщане, чернь и простые казаки, не испытавшіе еще тяжести воеводскаго управленія, остались болѣе или менѣе довольны господствомъ надъ ними московскаго царя и были далеки отъ измѣны ему. Но Хмельницкій не бросилъ своей вѣроломной политики; онъ рѣшился измѣнить царю и тѣмъ снова вызвалъ со стороны народа и простыхъ казаковъ протесты и бунты. Еще въ 1656 году путивлецъ Мисковъ, посланный на Украйну „для провѣдыванія вѣстей" о намѣреніяхъ Хмельницкаго, слышалъ тамъ такіе разсказы: „Гетманъ умышляетъ неправду учинить и отъ государской милости отступить, да писарь, а съ ними небольшіе начальные люди..... Когда рѣка Днѣпръ станетъ, и ему де гетману снарядъ весь перевезти въ Переяславль (ближе къ московской границѣ), а казакамъ де велѣлъ быть готовымъ. Только де казаки и черные люди на такую неправду имъ не помогаютъ и хотятъ быть подъ государевою высокою рукою" [2]).

Затѣмъ, мы выше сообщали, въ какихъ выраженіяхъ стародубскій войтъ жаловался московскому послу Желябужскому на самовластіе гетмана. „Цѣловали мы крестъ государю, говорилъ войтъ,

---

[1]) Лѣтопись „Самовидца" стр. 47—48 изд. 1878 г; Краткое опис. о М. Р. стр. 246.

[2]) Акты Юж. и Зап. Р., т. III, стр. 549.

а владаетъ нами гетманъ и мы въ конецъ отъ его владѣнія погибаемъ, да и ему государю отъ него добра не будетъ".

Богданъ Хмельницкій зналъ о несочувствіи простыхъ казаковъ къ его замысламъ; это видно изъ того, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ обману при отправленіи ихъ на помощь семиградскому князю: гетманъ объявилъ войску, какъ говорили сами казаки Желябужскому, что онъ посылаетъ ихъ по государеву указу для обереганія украинскихъ городовъ отъ нападенія татаръ.

Теперь разскажемъ объ участіи войска Хмельницкаго въ войнѣ Рагоци съ польскимъ королемъ и о бунтахъ казаковъ на основаніи статейнаго списка дворянина Желябужскаго. Желябужскій, будучи посланъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ письмомъ къ Рагоци, съ самаго выѣзда изъ Москвы, 1 іюня 1657 г., записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ во время своего путешествія къ семиградскому князю. Поэтому его донесенія государю представляютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ особый интересъ и справедливость ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

24 іюня Иванъ Желябужскій пріѣхалъ въ Стародубъ. Здѣсь пришелъ къ нему стародубскій войтъ, который при разговорѣ, между прочимъ, говорилъ послу: „Мы де чаяли, что казаки пошли воевать по государеву указу, а теперь оказывается, какъ говорятъ торговые люди, что Рагоци воюетъ Польшу, чтобы учиниться польскимъ королемъ, а казаки войска запорожскаго помогаютъ ему достать польскую корону, а Поляки хотѣли быть подъ государевою рукою".

Если Богданъ не рѣшался сказать правду своимъ казакамъ, посылая ихъ на помощь Рагоци, то тѣмъ болѣе онъ старался скрыть свои намѣренія отъ московскаго царя. Поэтому когда Желябужскій прибылъ на Украйну и старшины казацкіе узнали о цѣли его посольства къ Рагоци, то ему стоило большихъ трудовъ, чтобы узнать, гдѣ находится Рагоци и казацкое войско: на подобные разспросы посла старшины отвѣчали или незнаніемъ или просто говорили неправду. Кромѣ того казацкіе старшины старались и другими способами затруднить путь московскому послу; они, напр., не давали ему провожатыхъ и не указывали ему прямой дороги. Тѣмъ не менѣе, благодаря разсказамъ мѣщанъ и торговыхъ людей, Желябужскій уже 10 іюля настигъ казацкое войско, находя-

щееся подъ начальствомъ гетмана Юрія. Юрій сынъ Богдана, не былъ еще въ это время дѣйствительнымъ гетманомъ, а только временнымъ или, какъ тогда говорили, наказнымъ. Старый гетманъ, по случаю своей болѣзни, еще въ концѣ апрѣля этого года вручилъ начальство надъ запорожскимъ войскомъ съ именемъ гетмана Юрію, удерживая за собою полную гетманскую власть до самой своей смерти. Походъ молодаго Хмельницкаго на помощь Рагоци былъ, кажется, первымъ его военнымъ поприщемъ.

Богданъ послалъ Рагоци двѣ вспомогательныхъ арміи—одну подъ начальствомъ полковника Антона, которая соединилась съ нимъ еще зимою, а другую, состоящую изъ 20 т. казаковъ, онъ отправилъ послѣ, подъ начальствомъ Юрія.

Желябужскій настигъ Юрія недалеко отъ мѣстечка Капустино. Не доѣзжая до его лагеря, онъ послалъ объявить ему, что идетъ съ государевою грамотою къ Рагоци. Юрій чрезъ гонца своего спросилъ у Желябужскаго: есть ли у него грамота отъ Богдана. Тотъ отвѣчалъ, что грамоты нѣтъ и просилъ указать, гдѣ находится Рагоци и полковникъ Антонъ и дать ему къ нимъ провожатыхъ. Тогда отъ Юрія явился къ Желябужскому казакъ съ такимъ отвѣтомъ: ни про Рагоци, ни про Антона подлинныхъ вѣстей нѣтъ; гетманъ провожатыхъ не даетъ и велѣлъ его проводить въ Корсунь; а когда узнаютъ про нихъ, то извѣстятъ его объ этомъ и дадутъ провожатыхъ.

Но Юрій говорилъ неправду: онъ самъ въ это время шелъ на соединеніе съ Рагоци, который двигался отъ Львова къ Межибожу, преслѣдуемый поляками. Какъ бы то нибыло, Желябужскій волей-неволей долженъ былъ отправиться назадъ и 12 іюля прибылъ въ Корсунь, чтобы ожидать вѣстей отъ Юрія. На другой день туда пришли три казака изъ войска Антона, которые сказали Желябужскому, что полковникъ ихъ вмѣстѣ съ Рагоци, по письму Богдана, идутъ къ Каменцу. Чрезъ нѣсколько времени въ Корсунь прибыло еще нѣсколько казаковъ изъ того же войска. Они еще подробнѣе объяснили послу то, что случилось въ это время съ Рагоци и Антономъ. „Поляки, говорили они, на переправахъ побили много всойка Рагоци, а войско Антона разошлось.“ На вопросъ Желябужскаго, по какой причинѣ они разошлись,

казаки отвѣчали: „мы довѣдались, что Антонъ помогаетъ Рагоци добывать польскую корону, а потому мы взбунтовались и хотѣли даже убить самаго Антона.“

Изъ этого разсказа мы видимъ, что полковникъ Антонъ оставилъ Рагоци не по приказанію Богдана, а вслѣдствіе бунта казаковъ, которые узнали объ обманѣ ихъ старшиною.

Одинъ священникъ, находившійся при войскѣ Антона, говорилъ также Желябужскому, что войско Антоново разошлось потому, что не хотѣло безъ государева указа воевать Польшу. Посолъ, между прочимъ, спросилъ его: „гдѣ теперь Антонъ и какое ему будетъ наказаніе отъ гетмана за то, что онъ помогалъ Рагоци безъ государева указа?“ Священникъ отвѣчалъ: „Антонъ теперь въ Чигиринѣ и гетманъ хочетъ его повѣсить, но не за то, что онъ помогалъ Рагоци, а за то, что выдалъ послѣдняго, мало помогъ ему; но Антонъ, продолжалъ священникъ, оправдывается тѣмъ, что войско его самовольно разошлось.“

Въ справедливости этихъ разсказовъ мы не можемъ сомнѣваться; они подтверждаются свидѣтельствомъ и самого Антона Ждановича. Послѣдній, встрѣтивъ Желябужскаго въ Кіевѣ, спросилъ: „какой есть у него указъ отъ государя?“ Желябужскій отвѣчалъ, что онъ имѣетъ отъ государя указъ о томъ, „чтобы тебѣ отстать отъ Рагоци и шведовъ, что вы безъ государева указа взяли Люблинъ и Брестъ и шли уже на великое княжество литовское.“ Ждановичъ на это сказалъ: „Я соединился съ Рагоци приказанію самого Богдана Хмельницкаго, который велѣлъ мнѣ слушать его и ни въ чемъ изъ воли его не выступать; а потому мнѣ отступить отъ Рагоци было нельзя, когда онъ сошелся съ шведскимъ королемъ. Гетманъ писалъ мнѣ, продолжалъ Ждановичъ, чтобы я былъ при Рагоци безотлучно; а войска со мной было 12 тысячъ.“ Затѣмъ Желябужскій спросилъ у него: „чего гетманъ искалъ отъ поляковъ?“ Полковникъ отвѣчалъ: „чаю де то государю вѣдомо, для чего я посыланъ къ Рагоци и чего доступалъ Рагоци, а если де про то государю невѣдомо, то я нынѣшнему государю объявляю: всѣ въ тѣ поры поневолѣ мы крестное цѣлованіе нарушили и мысли гетманской ему государю не объявили, опасаясь гетмана. Послалъ меня гетманъ къ Рагоци и велѣлъ до-

бывать ему польскаго королевства, потому что у гетмана и Рагоци была вѣра: доступя корону польскую Рагоци, быть имъ въ соединеніи съ волохами и мультянами и съ гетманомъ; а гетманъ отъ государя рѣшилъ отступить. А вѣдали ту мысль мы съ полковниками, а войско того не вѣдало. А какъ де войско, которое было со мною, про то свѣдало, что Рагоци доступаетъ польскаго королевства и войско хотѣло меня за то убить и потому войско ушло, говоря: намъ при Рагоци не бывать и короля намъ не надобно: у насъ де есть государь! А нынѣ де, говорилъ Ждановичъ, полковники на меня ропчутъ и взваливаютъ на меня всю вину и хотятъ меня известь, что будто бы мною вершилось то дѣло и будто я ходилъ въ походъ своимъ изволеньемъ, а у меня есть гетманскіе листы; да только бы я своимъ изволеньемъ пошелъ, ктобъ меня послушалъ изъ войска?!"

Разсказъ этого полковника заслуживаетъ особеннаго вниманія историка. Ждановичъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ казацкихъ старшинъ къ Богдану Хмельницкому: его гетманъ посылалъ нѣсколько разъ въ качествѣ посла къ Казимиру и турецкому султану; ему же онъ поручилъ самую важную задачу—добыть Рагоци польскую корону. Онъ имѣлъ возможность знать самые сокровенные планы своего гетмана, а потому правдивость его разсказа не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ этого же разсказа мы видимъ, какъ широки и искусны были планы знаменитаго гетмана! Онъ хотѣлъ составить федеративный союзъ изъ Малой Руси, двухъ господарствъ, семиградскаго княжества, подъ протекціей польскаго короля и рѣшилъ отступить отъ Москвы, которая для него была груба и съ которою, говорилъ онъ, невозможно жить!

Но народъ и простые казаки не сочувствовали его замысламъ, выполненіе которыхъ сопряжено было съ безконечными войнами; народъ желалъ мира, желалъ отдохнуть послѣ десятилѣтней борьбы съ поляками и ему казалось, что подъ московскою протекціею этого несравненно легче можно достигнуть, чѣмъ подъ протекціей польскаго короля. При этомъ соединиться снова съ поляками, своими прежними тиранами, на борьбу съ которыми столько потрачено было силъ и пролито крови—для народа было дѣломъ ужас-

нымъ и преступнымъ! Вотъ гдѣ кроется причина того, почему казаки взбунтовались противъ своего начальника и въ рѣшительную минуту оставили Рагоци.

Бунтъ войска Антона не былъ единичнымъ явленіемъ, которое можно было бы объяснить какими нибудь посторонними, случайными причинами; выразившійся въ немъ протестъ казаковъ противъ замысловъ своего гетмана согласовался съ общимъ настроеніемъ народа. То же самое и вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же причинъ произошло и въ войскѣ, находившемся подъ начальствомъ гетманскаго сына Юрія. Объ этомъ подробно разсказываетъ очевидецъ—тотъ же самый московскій посолъ. Еще будучи въ Корсунѣ, Желябужскій обратился къ самому Богдану съ просьбой указать мѣстопребываніе Рагоци и дать ему провожатыхъ къ послѣднему. 17 іюня изъ Чигирина прибылъ въ Корсунь гетманскій гонецъ и отъ имени гетмана объявилъ послу, что проѣхать къ Рагоци нельзя и самъ Богданъ не знаетъ, гдѣ онъ теперь находится. Но такъ какъ казаки изъ войска Антона, проходившіе чрезъ Корсунь, единогласно говорили, что Рагоци стоитъ лагеремъ подъ Межибожемъ, то Желябужскій и отправился туда 18 іюля. Не доѣзжая 35 верстъ до Межибожа, Желябужскій снова наткнулся на войска Юрія; онъ снова обратился къ гетману съ прежнею просьбой проводить его къ Рагоци, но гетманъ, не давая ему положительнаго отвѣта, приказалъ ему слѣдовать за своимъ войскомъ. Однако присутствіе въ войскѣ московскаго посла, какъ видно, стѣсняло гетмана и потому послѣдній рѣшился снова прогнать его. Когда войско остановилось лагеремъ около наливайковскаго брода, Юрій призвалъ въ свой шатеръ Желябужскаго, а полковникъ Григорій Миргородскій отъ имени гетмана съ укоромъ говорилъ ему: „Зачѣмъ ты въ другой разъ пріѣхалъ въ лагерь, не получивъ вѣстей отъ гетмана?“! Посолъ отвѣчалъ: „я получилъ подлинныя вѣсти о томъ, что Рагоци стоитъ подъ Межибожемъ, а потому и отправляюсь туда“. На это полковникъ сказалъ ему, что дѣйствительно Рагоци былъ подъ Межибожемъ дня три тому назадъ, но теперь ушелъ и неизвѣстно куда. Но московскій посолъ оказался слишкомъ настойчивымъ и слишкомъ хорошо зналъ свою службу, чтобы удовлетвориться этимъ отвѣтомъ и отказаться отъ

поисковъ семиградскаго князя. „Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ полковнику, проводите меня въ Польшу и я оттуда поѣду въ семиградское княжество, а если Рагоци находится въ плѣну у поляковъ, то тамъ его увижу“. Послѣ такого рѣшительнаго заявленія, Юрій и полковники имѣли между собою совѣщаніе о томъ, какъ поступить относительно московскаго посла. Наконецъ къ Желябужскому пришелъ казацкій полковникъ и отъ имени гетмана объявилъ ему: „Рагоци теперь сидитъ въ осадѣ отъ ляховъ и татаръ; ляхи хотятъ взять съ него деньги и отпустить, но орда не соглашается съ этимъ и желаетъ захватить его въ плѣнъ, чтобы отослать къ турецкому царю. Завтра, говорилъ полковникъ, гетманъ идетъ воевать Польшу, а потому тебѣ идти къ Рагоци нельзя“.

Этимъ и окончились усилія московскаго посла пробраться къ Рагоци. Въ тотъ же день Желябужскій покинулъ казацкій лагерь; но отъѣхавъ немного, онъ снова остановился, чтобы узнать, куда поѣдетъ гетманъ. Но въ это-то время и произошолъ бунтъ въ казацкомъ войскѣ.

„22 іюля, разсказываетъ Желябужскій, гетманъ Юрій велѣлъ всѣмъ казакамъ сниматься со стана и идти воевать Польшу. Но казаки изъ всѣхъ полковъ пришли къ гетману многими людьми и такимъ образомъ говорили ему и полковникамъ: выслали вы насъ оберегать отъ орды государеву Украйну, а нынѣ велите идти воевать Польшу и намъ идти не съ чѣмъ и запасовъ у насъ нѣтъ. Идти намъ, кричали казаки, нельзя безъ государева указа; иннее войско (т. е. Антона), растеряли! Какъ Антонъ высылалъ войска и въ то время сказалъ, что по государеву указу, а на самомъ дѣлѣ шелъ на помощь Рагоци добывать ему королевства! Такъ и теперь идете вы не воевать короля, а искать Рагоци и оборонять его отъ бѣды. А намъ король не надобенъ; у насъ есть государь, которому мы и крестъ цѣловали“. Эти грозные крики казаковъ вызвали гетмана на крайнюю мѣру: онъ собралъ около своего шатра начальныхъ людей и приказалъ имъ бить бунтовщиковъ, чтобы отогнать ихъ отъ шатра и силою заставить идти въ походъ. Но Юрій не былъ похожъ на отца, который въ подобныхъ случаяхъ своею гетманскою булавою разгонялъ толпы мятежниковъ. Казаки закричали на своихъ начальниковъ. „Все войско не бейте и на-

прасно все то говорите: государева указа воевать Польшу нѣтъ“! Мы крестъ цѣловали государю, а по сіе время служимъ на васъ и вы нашими головами себѣ корысть получаете; а теперь мы желаемъ служить тому государю, которому цѣловали крестъ. Вашу же правду къ государю мы теперь разсмотрѣли: какъ было вамъ отъ ляховъ тѣсно, въ то время вы приклонились къ государю, а какъ за государевою обороною увидѣли себѣ просторъ и многое владѣнье и обогатились, такъ теперь хотите самовластными господами быть и выбираете короля невѣрнаго! А намъ мимо государя, которому мы крестъ цѣловали, король не надобенъ и отсюда безъ государева указа воевать негдѣ“.

Прибавлять что нибудь къ этому разсказу очевидца мы считаемъ лишнимъ; онъ самъ за себя говоритъ многое; видно, что низшіе казаки хорошо понимали стремленія и замыслы своихъ старшинъ, когда говорили послѣднимъ, что „они ихъ головами только себѣ корысть получаютъ“. Не разъ казаки и прежде говорили Богдану, что онъ только себя, да старшину вызволяетъ! Накричавшись вдоволь, большая толпа казаковъ удалилась отъ гетманскаго шатра и подошла къ стану Желябужскаго съ такими словами: „ѣдешь ты къ царскому величеству, извѣсти государя, какую мы нужду терпимъ отъ своихъ старшинъ, да и то, что слышишь теперь, почему мы безъ государева указа въ Польшу нейдемъ“.

Для казацкой старшины было слишкомъ непріятно, что московскій посолъ былъ свидѣтелемъ этого бунта казаковъ и самъ выслушалъ жалобу послѣднихъ. Поэтому гетманъ немедленно прислалъ къ нему войсковаго писаря Захарку Харина съ приказаніемъ, чтобы онъ уѣзжалъ отъ лагеря не мѣшкая. „Въ войскѣ нашемъ сталъ не союзъ, говорилъ посланный Желябужскому, гетманъ прислалъ провожатыхъ двухъ казаковъ и велѣлъ тебѣ ѣхать въ Чигиринъ“. Того же числа московскій посолъ, не дожидая повторенія приказанія, уѣхалъ отъ казацкаго войска. Когда онъ на пути къ Чигирину остановился въ мѣстечкѣ Бузуенкѣ, то сюда 26-го іюля прибыли казаки изъ стана Юрія и оговорили ему, что войско Рагоци все побито, а его самого съ немногими людьми ляхи увели, по куда, неизвѣстно.

Впослѣдствіи одинъ чернецъ, находившійся при маршалкѣ панѣ Любомирскомъ, который вмѣстѣ съ другими панами дѣйствовалъ подъ Межибожемъ, разсказывалъ Желябужскому: „Поляки, получивши деньги съ Рагоци, выпустили его изъ осады; но татары нагнали его на польской границѣ, перебили остальное его войско и захватили обозъ, хотя самъ Рагоци успѣлъ избѣгнуть плѣна и благополучно возвратился въ свое княжество".

Такимъ образомъ молодой Хмельницкій, благодаря бунту своего войска, не успѣлъ выручить Рагоци. Бунтъ произошелъ 22-го іюля, а Рагоци 23-го числа этого мѣсяца сдался полякамъ на капитуляцію на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Рагоци обязался давать польскому королю противъ всякаго непріятеля столько войска, сколько у него будетъ.

2) Онъ долженъ бить челомъ польскимъ сенаторамъ;

3) — заплатить крымскому хану за помощь полякамъ;

4) — указать тѣхъ, которые подущали его воевать Польшу;

5) — за разореніе, которое онъ причинилъ Польшѣ, заплатить милліонъ рублей, да гетманамъ сто тысячъ;

6) — отпустить всѣхъ плѣнныхъ;

7) — выдать тѣхъ, которые перебѣжали къ нему изъ Польши.

Глава 13-я.

Такъ печально окончились замыслы знаменитаго казацкаго гетмана и семиградскаго князя Рагоци. Богданъ Хмельницкій, кажется, и самъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ исполненіе ихъ, какъ это видно изъ того, что онъ и въ 1657 году не прекращалъ своихъ сношеній съ польскимъ королемъ Казимиромъ, дабы, въ случаѣ неудачи съ Рагоци, ему было на кого опереться при разрывѣ съ московскимъ государствомъ. Даже въ то время, когда запорожскіе казаки уже соединились съ Рагоци и опустошали Польшу, Богданъ не переставалъ торговаться съ Казимиромъ о примиреніи. Въ апрѣлѣ этого года Богданъ послалъ польскому королю самое почтительное письмо, подъ которымъ подписался нижайшимъ слугой „Вашей королевской милости, нашего милостиваго пана.“ Въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ писалъ: „Мы чистосердечно разсуждали съ паномъ Бѣнѣвскимъ о дѣлахъ, ввѣренныхъ ему вашею королевскою милостію, стараясь всѣми мѣрами, чтобы и достоинство вашей королевской милости осталось неприкосновеннымъ и наши вольности не были нарушены. А что не смотря на то, желанія вашей королевской милости не исполнены окончательно, то на это вышеупомянутый панъ Бѣнѣвскій объявитъ причины и доложитъ о порядкѣ переговоровъ съ нами о дѣлахъ; все это, мы надѣемся, онъ выполнитъ удовлетворительно, какъ человѣкъ прямой и притомъ весьма опытный. За такую услугу онъ будетъ вознагражденъ тѣмъ, что это дѣло, если Богъ благословитъ, будетъ приведено къ концу не кѣмъ нибудь другимъ, какъ только имъ однимъ, чего мы и желаемъ.“ Изъ письма Выговскаго къ коронному канцлеру отчасти видно, что было причиною перерыва пе-

реговоровъ гетмана съ Бѣнѣвскимъ, когда послѣдній еще зимою этого года былъ въ Чигиринѣ. „Изустное донесеніе пана Бѣнѣвскаго и пана секретаря королевской милости, писалъ 18 апрѣля Выговскій канцлеру, покажетъ вашей милости, какъ много старался я объ устраненіи и совершенномъ прекращеніи домашнихъ смутъ, напрягая всѣ силы къ тому, чтобы перемѣна въ статьяхъ, служившихъ предметомъ закоренѣлыхъ споровъ и упорныхъ распрей, могла быть соглашена съ благомъ обѣихъ сторонъ“ [1]). Богданъ Хмельницкій, какъ мы выше говорили, желалъ снова соединить Украйну съ польскою республикою на тѣхъ именно статьяхъ, на которыхъ потомъ подъ Гадячемъ состоялся съ нею договоръ Выговскаго.

Хотя зимою переговоры Богдана и Бѣнѣвскаго кончились ничѣмъ, однако вышеупомянутыя письма казаковъ снова побудили Казимира отправить того же посла въ Чигиринъ. Изъ инструкціи отъ 13 іюня, данной Бѣнѣвскому польскимъ сенатомъ, видно, что главною надеждою поляковъ на примиреніе съ Хмельницкимъ было отношеніе къ нему московскаго правительства. „Извѣстно, говорится въ этой инструкціи, что Хмельницкій уже не пользуется никакимъ довѣріемъ Москвы, къ чему, кромѣ многихъ другихъ причинъ, достаточно было одного его соединенія съ Рагоци и шведами; онъ потерялъ также и довѣріе Порты отъ того, что, отдаваясь столько разъ во власть, соединился безъ ея вѣдома съ Москвою, а теперь увеличилъ силу вассаловъ Оттоманской Порты—Рагоци и господарей молдавскаго и валахскаго“ [2]).

Во второй половинѣ іюня Бѣнѣвскій снова прибылъ въ Чигиринъ. Но и на этотъ разъ переговоры его съ гетманомъ не привели къ окончательнымъ результатамъ; ибо Хмельницкій выжидалъ: онъ еще не терялъ надежды на осуществленіе семиградскаго договора. Тѣмъ не менѣе переговоры, вѣроятно, подвинулись впередъ на столько, что оставалось уже мало препятствій къ примиренію казаковъ съ поляками. Уже около 10 іюля Бѣнѣвскій прислалъ своего гонца къ Хмельницкому съ предупрежденіемъ о своемъ новомъ пріѣздѣ въ Чигиринъ. Въ это же вре-

---

[1]) Памятн. Кіев. Комм. т. III, №№ 32 и 33.

[2]) Ibid. № 36.

мя Богданъ получилъ вѣсть о бунтѣ казаковъ, находящихся подъ начальствомъ Антона. Можетъ быть, эта вѣсть и побудила гетмана поторопить Бѣнѣвскаго пріѣхать въ Чигиринъ для новыхъ переговоровъ. 12 іюля московскій посолъ Желябужскій встрѣтилъ въ Корсунѣ вышеупомянутаго гонца, который уже возвращался отъ Богдана въ Польшу. Этотъ гонецъ, между прочимъ, сказалъ Желябужскому „что онъ ѣдетъ къ Бѣнѣвскому, такъ какъ гетманъ приказалъ ему, чтобы Бѣнѣвскій ѣхалъ не мѣшкая“ [1]).

Однако польскій посолъ не успѣлъ захватить гетмана въ живыхъ; онъ прибылъ въ Чигиринъ на другой или на третій день послѣ его смерти.

Богданъ Хмельницкій, будучи больнымъ, не перенесъ тѣхъ ужасныхъ вѣстей, которыя онъ получилъ одну за другою: послѣ извѣстія о бунтѣ войска Антона Ждановича, онъ услышалъ, уже за нѣсколько дней до своей смерти, и о бунтѣ казаковъ, находящихся подъ начальствомъ его сына Юрія, а равнымъ образомъ и о судьбѣ Рагоци подъ Межибожемъ. Тяжело было слышать старому Хмельницкому, что казаки, прежде, по одному его мановенію, ходившіе на всякаго непріятеля, теперь отказываются повиноваться его приказаніямъ и не хотятъ воевать даже съ поляками.

Относительно дня смерти знаменитаго гетмана наши историки говорятъ различно: одни, какъ напр. Б. Каменскій и Маркевичъ, на основаніи указаній украинскихъ лѣтописцевъ, считаютъ днемъ смерти Богдана 15 августа, а другіе— Соловьевъ и Карповъ болѣе довѣряютъ показанію Выговскаго, который въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ, что гетманъ „отошолъ отъ сего свѣта дня 27 іюля“. Н. И. Костомаровъ сомнѣвается въ этомъ показаніи Выговскаго. Въ своей монографіи онъ такимъ образомъ говоритъ о днѣ смерти Богдана. „Лѣтопись Самовидца пишетъ, что онъ умеръ о Успѣніи Св. Богородицы; согласно съ нимъ и другіе украинскіе лѣтописцы означаютъ днемъ смерти Хмельницкаго 15 августа. Указываютъ даже время дня, въ которое гетманъ скончался, именно въ полдень. Вопросъ трудно разрѣшимый. Са-

---

[1]) Архивъ иностр. д., см. ст. спис. Желябужскаго.

мо собою разумѣется, продолжаетъ онъ, что Выговскому были вполнѣ извѣстны обстоятельства этого событія; гетманъ, вѣроятно, испустилъ духъ въ его присутствіи. Съ другой стороны, трудно представить, чтобы день такого событія, которое потрясло всю Украину, не запечатлѣлся вѣрно въ памяти современниковъ" [1]).

Въ показаніи Выговскаго сомнѣвается и Павлищевъ. Въ своемъ сочиненіи „Польская Анархія"...., изданномъ только четыре года тому назадъ, онъ указываетъ на 5 (15 нов. с.) августа, какъ на день смерти Богдана. Но въ примѣчаніи онъ замѣчаетъ, что эта дата означена имъ приблизительно, по указанію польскихъ писателей, основывающихся на современныхъ лѣтописяхъ Самовидца, Грондскаго и другихъ...... „Выговскій писалъ, что гетманъ умеръ 27 іюля, во вторникъ, въ пятомъ часу дня. Но 27 іюля въ 1657 г приходилось не во вторникъ, а въ пятницу, слѣдственно дата Выговскаго не вѣрна. Такимъ образомъ я, говоритъ Павлищевъ, принимая дату 5 (15) августа, оставляю вопросъ открытымъ, а вопросъ стоитъ того, чтобы кто-нибудь подтрудился разрѣшить его положительно" [2]).

Но намъ попались подъ руки новыя данныя о днѣ смерти Богдана, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ справедливости показанія Выговскаго. Молдавскій господарь въ письмѣ къ Выговскому отъ 16 августа новаго стиля говоритъ о Богданѣ, какъ объ умершемъ; стало быть гетманъ умеръ гораздо ранѣе 15 августа—даже по новому стилю [3]).

Но болѣе точныя указанія на это событіе мы находимъ въ статейномъ спискѣ Желябужскаго. 14 августа, когда Желябужскій былъ въ Кіевѣ, прибылъ къ нему изъ Чигирина казакъ Иванъ Прокофьевъ съ товарищами, который говорилъ московскому послу, что „21 августа будетъ въ Чигиринѣ съѣздъ полковниковъ и властей и будетъ избраніе новаго гетмана". 2 августа изъ Чигирина прибылъ въ Кіевъ полковникъ Антонъ Ждановичъ и говорилъ Желябужскому: „въ Чигиринѣ нынѣ послѣ небощина (покойника) гетмана приняли ляцкаго посла Станислава Бѣнѣвскаго".

---

[1]) Богд. Хмельницкій, т. III, стр. 283—284.

[2]) Ч. II, стр. 219.

[3]) Архивъ иностр. д. „Малор. Д.", св. 13, № 10, ст. 13.

Но еще важнѣе для насъ свидѣтельство казака Григорія. Послѣдній прибылъ изъ Чигирииа въ Кіевъ 31 іюля и говорилъ Желябужскому, что „гетманъ Богданъ умеръ, а въ Чигиринъ пришелъ польскій посолъ Бѣнѣвскій и принялъ его писарь; а тамъ въ Чигиринѣ послѣ смерти гетмана остались послы шведскій, посолъ Рагоци, турецкій и волошскій“ [1]).

Такъ какъ казакъ Григорій выѣхалъ изъ Чигирина послѣ смерти Богдана, то, принимая во вниманіе разстояніе Чигирина отъ Кіева и пріѣздъ этого казака въ Кіевъ 31 іюля съ извѣстіемъ о смерти гетмана, мы можемъ заключить, что Выговскій въ письмѣ къ Путивльскому воеводѣ Зюзину совершенно справедливо указываетъ на день смерти Богдана, т. е. на 27 іюля.

Принимая свидѣтельство Выговскаго о днѣ смерти Богдана за достовѣрное, мы теперь не можемъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ разсказы лѣтописцевъ и другія извѣстія о радѣ, собранной Богданомъ Хмельницкимъ 6 августа, о присутствіи Юрія при смерти отца и о торжественномъ избраніи его въ гетманы, совершенно не вѣрны. Юрій Хмельницкій ни въ какомъ случаѣ не могъ быть въ Чигиринѣ 27 іюля, ибо 26 числа этого мѣсяца онъ былъ еще не далеко отъ Межибожа, какъ это видно изъ статейнаго списка Желябужскаго, а Межибожъ отстоитъ отъ Чигирина болѣе, чѣмъ на 300 верстъ. Затѣмъ какой то казацкій полковникъ, прибывшій въ Кіевъ 1-го августа, говорилъ Желябужскому, что Юрій только пошолъ въ Чигиринъ.

Останки Богдана Хмельницкаго были погребены 23 августа въ мѣстечкѣ Субботовѣ.

„То не черныя хмары ясное солнце застилали, не буйные вѣтры въ темномъ лѣсу бушевали, говоритъ современная дума, то казаки погребали Хмельницкаго, батьку своего оплакивали“.

Дѣйствительно, было отъ чего плакать украинскому народу. Онъ не получилъ отъ Богдана ничего, кромѣ ничтожнаго преемника, въ лицѣ его сына Юрія, которому приличнѣе было бы „казацкіе курени подметать, по выраженію народной думы, чѣмъ гетманствовать“,—ничего, кромѣ смутъ, волненій, междуусобій и тысячи новыхъ бѣдствій!

---

[1]) Венгер. и Семигр. д. св. 2.

Богданъ Хмельницкій оставилъ Украйну въ самомъ неопредѣленномъ хаотическомъ состояніи, какъ въ общественномъ такъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ общественномъ отношеніи онъ произвелъ то, къ чему такъ усердно стремился польскій король Стефанъ Баторій: онъ укрѣпилъ ту сословную рознь на Украйнѣ, которая до его времени едва сказывалась въ этомъ краѣ. Одна немногочисленная часть казачества была выдѣлена имъ изъ массы народа, надѣлена шляхетскими правами и вольностями, а остальной народъ обращенъ въ посполъство, которое должно было рабски служить привилегированнымъ сословіямъ. Съ эпохи Хмельницкаго началась на Украйнѣ та ужасная сословная борьба между „значными“ казаками и чернію, которая привела этотъ край къ окончательному разоренію. Отсюда вытекали всѣ „шатости“, „бунты“, „измѣны“ и „своевольства“, которые характеризуютъ всю послѣдующую исторію южной Руси. Едва Хмельницкій испустилъ духъ, какъ „у полковниковъ, разсказывали 14 августа казаки Желябужскому, была уже сѣча о гетманствѣ“.

Въ политическомъ отношеніи Богданъ Хмельницкій также поставилъ свое отечество въ такое положеніе, изъ котораго оно не могло выйти благополучно: онъ сдѣлалъ Украйну яблокомъ раздора, театромъ войны между сосѣдними державами. Можно сказать, что предсказаніе Павла Олешковича, которое онъ высказалъ въ вышеупомянутомъ нами письмѣ къ Ивану Богуну, вполнѣ оправдалось. „Если теперь, писалъ онъ, когда мы воевали между собою, то много крови пролилось и много произошло опустошеній, то что же будетъ, когда въ нашу землю войдутъ многіе народы? Придетъ послѣдняя гибель православному имени!“

Дѣйствительно, кто только не бывалъ въ Украинѣ и кто не грабилъ этотъ несчастный край: москвитяне, поляки, татары, турки и другіе чужеземцы долгое время упражнялись здѣсь въ войнѣ, грабежѣ и опустошеніяхъ. До возстанія Хмельницкаго Малороссія представляла самый цвѣтущій край изъ всей обширной россійской равнины. Поляки справедливо называли её своимъ раемъ, второю обѣтованною землею, текущею медомъ и млекомъ; послѣ же Хмельницкаго? . . . .

Извѣстный лѣтописецъ Величко, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ смерти знаменитаго гетмана, слѣдующее писалъ о Малороссіи. „Проходя малороссійскую Украйну, я видѣлъ много городовъ и замковъ безълюдныхъ и пустыхъ, сдѣлавшихся только прибѣжищемъ дикихъ звѣрей; видѣлъ малороссійскія поля и широкія долины, лѣса, сады, рѣки и озера запустѣлые, мхомъ и другою непотребною травою поросшіе; видѣлъ еще на разныхъ мѣстахъ человѣческія кости, сухія и нагія, только небо себѣ покровомъ имѣющія—и **рѣкохъ въ умѣ, кто суть сія**? И такъ, заключаетъ лѣтописецъ, красная и великими благами изобиловавшая земля и отчизна украинская превратилась въ пустыню, а насельницы ея—славныя предки наши, безвѣстны стали“.

При обзорѣ дѣятельности Богдана Хмельницкаго, вслѣдствіе разнорѣчія историческихъ свидѣтельствъ, изслѣдователю не трудно ошибиться въ оцѣнкѣ его частныхъ дѣйствій; но нельзя не видѣть того, что народъ непріязненно отнесся къ памяти „бывшаго его батьки“.

Въ памятникахъ украинской народной поэзіи, гдѣ самъ народъ является историкомъ своего прошлаго, мы находимъ такія думы и легенды про Богдана Хмельницкаго, въ которыхъ народная масса весьма яркими красками выразила непріязнь къ своему гетману. Правда, до насъ дошло много и такихъ думъ, въ которыхъ народъ прославляетъ Богдана за его подвиги и побѣды надъ поляками, но созданіе ихъ относится къ первому періоду его дѣятельности, или къ тому времени, когда народъ не сознавалъ еще ясно вредъ для себя извѣстныхъ стремленій гетмана.

Но есть думы и легенды и другого характера. Мы выше уже упоминали о такихъ думахъ и легендахъ, какъ: „о Хмельницкомъ и Барабашѣ“, о томъ „якъ Богданъ прилізъ рачки до кроля“ и др. Теперь приведемъ еще два памятника народной поэзіи того же характера:

а) **Хмельницкій надъ Случью.** „Когда Хмельницкій расположился надъ р. Случь, на горѣ, разсказываетъ народъ, то онъ обобралъ свое войско такъ, что не осталось у казаковъ денегъ, ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одеждѣ“ [1]).

---

[1]) Записки о Юж. Руси Кулишъ, т. 1, стр. 148.

Дѣло не въ томъ, что это сказка, а не быль, а въ томъ, что хотѣлъ выразить народъ, составляя подобную сказку.

b) **Отрывокъ изъ пѣсни**, проклинающей Богдана Хмельницкаго. „Хмельницькій той був такий, що з турком знавсь. Поіде було до турка, да й продасть один, другий город, або село. То турки вже тіі села разоряли і ясирь брали. Медвѣдовку и Ташлик два раза продавав. А коло Смілоі, кажуть, мимо саму греблю Турки йшли, але Смілоі не займали, бо не була продана. Есть і пісня з того часу:

О бодай Хмеля Хмельницькаго
Перва куля не минула,
Що велів брати парубки й дівки
И молодиі молодиці.
Парубки йдуть співаючи,
А дівчата ридаючи,
А молодиі молодиці
Старого Хмеля проклинаючи:
О бодай Хмеля Хмельницькаго
Перва куля не минула. . . . .
. . . . , . . .
А другая устрелила
У серденько уцелила!“ [1])

Въ заключеніе мы должны сказать, что измѣна Выговскаго московскому государству не была его личнымъ дѣломъ, а только продолженіемъ политики Богдана, такъ сказать исполненіемъ его завѣщанія. Выговскій, вѣроятно, хорошо помнилъ отвѣтъ Хмельницкаго пану Бѣнѣвскому, когда послѣдній предложилъ ему сбросить московское покровительство и соединиться съ Польшею дружескимъ и неразрывнымъ союзомъ. „Какую пользу могу принесть королю я, дряхлый старикъ? говорилъ Богданъ. Если вотъ этотъ сынъ мой Юрій будетъ гетманомъ, тогда никто не помѣшаетъ ему услужить королю и заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его величества“ [2]).

---

[1]) Сборникъ Метлин; мин. —Антоновича—Драг., стр. 116—117.

[2]) „Богд. Хмел.“, т. III, стр. 280.

Не даромъ одинъ полякъ писалъ о Богданѣ: „счастливъ Хмельницкій, что предъ его смертію король и республика даровали ему прощеніе, и что онъ умеръ не какъ измѣнникъ, но смертію покойною“ [1]).

Выговскій измѣнилъ Москвѣ не одинъ, а почти со всею казацкою старшиною, близко стоявшею къ умершему гетману. Достаточно припомнить имена измѣнниковъ московскому царю, какъ Ивана Нечая, Павла Тетери, Антона Ждановича, Григорія Лесницкаго, Григорія Гуляницкаго, Юрія Немерича, Самойла Богданова и др., чтобы видѣть, что эти старшины были самыми образованными людьми на Украйнѣ, самыми приближенными лицами къ Богдану, дѣлившими съ нимъ его подвиги и замыслы и теперь ставшими на сторону Выговскаго. Между тѣмъ, какъ на сторонѣ Юрія оказались полковники почти всѣ неграмотные.

---

[1]) Исторія Малор. Марк., т. I, стр. 379.